

«Сіндром выгарання» журналіста 28

Многія з тых, хто асвятляў жорсткі разгон дэманстрацыі 19 снежня мінулага года і падзеі на месцы выбуху 11 красавіка 2011 года, адчуваюць прыгнечанасць, дэпрэсію, пакутуюць на бяссонніцу і маюць іншыя прыкметы «сіндрому выгарання».

Еўрапейскія паралелі і «саўковыя» мерыдзяны . . . 2

У Капенгагене, як і ў беларускай вёсцы Мервіны, даўно скемілі, што веласіпед — самы экалагічны від транспарту, карыстацца ім зручна і выгодна.

Гульня ў «скрыню» 5

Галоўныя гіпнатызёры беларускага ТБ — праграмы навінаў. Калі вы ўсё яшчэ не верыце ў чуды, наўпрост уключыце «Панараму».

а

№ 3 (90) 2011

аб'яжур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАУДЫ!

Наталья Радина — лауреат премии Комитета по защите журналистов

Редактор сайта charter97.org Наталья Радина удостоена премии Комитета по защите журналистов «За свободу прессы-2011». Наряду с Натальей Радиной этой наградой отмечены журналисты из Бахрейна, Мексики и Пакистана. Премия «За свободу прессы» ежегодно вручается за мужество, проявляемое представителями СМИ.

«Мы гордимся тем, что чествуем журналистов, которые упорно продолжают предоставлять информацию наперекор жестоким тактикам цензуры, призванным задушить неудобную правду», — заявил исполнительный директор Комитета Жоэль Саймон.

Награждение победителей пройдет на ежегодной церемонии вручения премий Комитета по защите журналистов, которая состоится в Нью-Йорке 22 ноября 2011 года.

«Эту премию я посвящаю всем репрессированным и убитым в Беларуси журналистам — Олегу Бебенину, Дмитрию Завадскому, Веронике Черкасовой, всем, кто прошел через тюрьмы, кто подвергался арестам, обыскам и штрафам за свои статьи, кто сегодня работает в Беларуси, несмотря на цензуру и репрессии. Все независимые журналисты в Беларуси — герои. И эта награда для всех нас», — заявляет Наталья Радина.

абажур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАВДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»

Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 3 (90) 2011 г.

Галоўны рэдактар

Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота

Photo.bymedia.net

На вокладцы –

Фота Таццяны Мельнічук

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 20.11.2011 г.

Дата выхаду 31.11.2011 г.

Фармат 60x84 / 8.

Папера афсетная.

Друк афсетны. Ум. друк. арк.

Наклад 600 асобнікаў.

Заказ №

Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:

220030, г. Мінск,

вул. Камсамольская, 7–32.

Тэл./факс: (017) 203-63-66,

(029) 126-70-98

E-mail: abajur@baj.by,

baj@baj.by

Сайт: www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»

ЛП № 02330/0150444 ад 19.12.2008 г.

Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.

Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,

(029) 623-74-10

medisont@gmail.com

www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку

аўтары нясуць адказнасць

за падбор і дакладнасць фактаў,

прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэрыялы ў парадку абмеркавання, не падзяляючы пункту гледжання аўтараў.

Еўрапейскія паралелі

і «саўковыя» мерыдыяны 2

У. Дзюба

Гульня ў «скрыню» 5

В. Дуко

Блогер — гэта прафесія 7

Я. Шур

Вольга Бандарэнка:

«Я бачыла вобраз Хрыста...» 10

М. Бяляцкая

Дзяўчо са сталі 15

М. Халезін

Аляксандр Лашманкін:

«Быць незалежным журналістам у Расіі...» 17

Украінскі прэцэдэнт 19

С. Печанко

Ці ўмеем мы разгледзець свет? 22

Г. Барабан

Як пачынаецца цэнзура 25

Т. Бублікава

Пад абажурам 26

А. Белы

«Сіндром выгарання» журналіста 28

Ж. Кромер

Бізнес страху 32

Г. Гарачка

Што хаваецца за лічбамі сацапытанняў 36

С. Нікалюк

Праўда ў апранахах хлусні 39

К. Скуратовіч

Наш эшалон 41

А. Гуляеў

Алег Лойка: «Мая беларускасць пачалася да 1939 года» 45

С. Шапран

Агнеса і генерал 49

М. Аляксандраў

Еўрапейскія паралелі

І

«саўковыя»

мерыдыяны

Нашы найбліжэйшыя суседзі — Польшча ды краіны Балтыі — імкнуцца як мага хутчэй адаптавацца ў Еўразвязе. Украіна робіць рэальныя крокі, каб да іх далучыцца. Афіцыйны Мінск таксама не супраць, аднак замінае ідэалагічны баласт, які нашы правадыры перацягнулі ў XXI стагоддзе: парушэнне грамадзянскіх правоў і свабод, наяўнасць палітвязняў, пераслед журналістаў і незалежных СМІ, неадпаведнасць выбарчага заканадаўства еўрапейскім стандартам... З такой «кантрабандай» у стары-новы свет не пускаюць.

Тым часам прэм'ер-міністр Расіі Уладзімір Пуцін агучыў ідэю аб стварэнні Еўразійскага саюза (Казахстан, Расія, Беларусь). Апаненты беларускіх уладаў лічаць, што ўступленне ў гэты саюз пагражае нашаму суверэнітэту і што Беларусь ізноў стаіць на раздарожжы. Адэпты ж беларускага рэжыму прытрымліваюцца супрацьлеглай думкі: маўляў, нічога нам не пагражае. Лагістыка тут не ў пашане. Усё адно, як скажа прэзідэнт, так і будзе.

Беларуская паралель

У вёсцы Мервіны, што ў Клецкім раёне, пра гэтыя палітычныя варункі ніхто не ведае. Такакой выкапалі буракі ды бульбу, зараз б'юць парсюкоў. Хто на продаж, каб зарабіць капейчыну ды аплаціць вучобу дзецям, хто на вельмі дарагія будаўнічыя матэрыялы, каб адрамантаваць падворак. Для сябе сала і мяса пакідаюць няшмат, толькі каб перажыць зіму. Ды яшчэ каб

Уладзімір ДЗЮБА

які кавалак увесну прадаць нам, мінчукам, што прыдбалі тут, на здзіўленне вяскоўцаў, кінутыя хаціны.

Але шчасліўчыкаў сталага веку, у якіх яшчэ ёсць крыху здароўя ці якім дапамагаюць дзеці, небагата. Знясіленым, адзінокім і хворым старым выжываць нашмат цяжэй. Але і яны варушацца, гібеюць на зямельцы аж да самых прыцемкаў. Зусім нямоглым дапамагаюць суседзі. У краму за прадуктамі сходзяць, хату прыбярэць, ежу прыгатуюць. Ды і сельсавет дровы прывезе, толькі плаці грошы. За трактарны прычэп распілаваных цурбаноў — 450 тысяч рублёў, амаль сялянская пенсія. Колатыя ж дровы нашмат даражэй.

Перасоўваюцца мервінцы пераважна на веласіпедрах, нават васьмідзесяцігадовыя бабулі. Як тут кажуць, на «ровэрах» ездзяць яны за 8 км у царкву, на праполку ўласных сотак, у суседня Астрэвечча, дзе месціцца праўленне калгаса,

Дацкі пенсіянер адпачывае

летам на рэчку Лань, каб памыцца, перавозіць мяхі з бульбай, скіроўваюцца ў лес па грыбы, у гасці... Па-першае, зручна, па-другое, не трэба раскашэльвацца на бензін. Хаця звычайны веласіпед у клецкім універмагу цяпер каштуе пад мільён, што не кожнаму па кішэні. Магчыма, той-сёй і змяніў бы свой «ровэр» на патрыманнае аўто, але на калгасныя заробкі зрабіць гэта нерэальна.

Шчаслівая краіна

Паводле нядаўняга сацыялагічнага апытання, 96 % датчан лічаць, што жывуць у шчаслівай краіне, і задаволеныя палітыкай уладаў. Пра гэта была

Парламенцкія
веласіпеды

інфармацыя ў адной са жнівёньскіх праграм НТВ. А напачатку верасня я цэлы тыдзень правёў у Капенгагене, дзе ўпершыню пабываў роўна 15 гадоў таму.

Снежань 1996 года. На адной са старажытных плошчаў дацкай сталіцы гід расказвае нам пра гісторыю горада, пра ваяроў-вікінгаў, якім плаціла даніну нават Брытанія. І нечакана:

— А вунь наш мэр едзе, — кіўнуў у бок расказчык.

Мы азірнуліся, але ні мэра, ні чорнага «Мерседэса» з аховай не ўбачылі.

— Гэта што, жарт?

— Які жарт, вы што, невідущыя? Вунь, на веласіпедзе. А побач яго сын, падлетак, круціць педалі. Наш мэр звычайна аглядае гарадскую га-спадарку такім чынам. Вас нешта здзіўляе?

Прызнаюся, здзіўленне на нашых тварах сапраўды было. Уявіць такое ў тагачасным Мінску было немагчыма. Як, дарэчы, і зараз.

— А як жа служба бяспекі, дзе целахоўнікі? — пытаюся я.

— Навошта яны і чаго яму баяцца? — у сваю чаргу здзіўляецца гід. — Гараджане выбралі гэтага чалавека на пасаду, таму што ён заслужыў іх дзвер, таму што яго паважаюць...

Тады тысячы капенгагенцаў ездзілі на веласіпедрах. А сёння, праз 15 гадоў, такіх ужо сотні тысяч. Уздоўж літаральна ўсіх аўтамабільных дарог пабудаваны веласіпедныя дарожкі. Ёсць спецыяльныя стаянкі, дзе капенгагенцы і гасці сталіцы могуць узяць веласіпед бясплатна. Праціснуў у спецыяльны замочак пяць крон (каля 1 \$), адчапіў веласіпед — і гойсай хоць увесь дзень. Потым, на іншай стаянцы, устаўляеш ключ, што замацаваны на ланцужку пазычанага веласіпедра, у замок, і пяць крон вяртаюцца ў кішэню.

У Капенгагене, як і ў беларускай вёсцы Мервіны, даўно скемілі, што веласіпед — самы экалагічны від транспарту, карыстацца ім зручна і выгодна.

Журналісты і палітыкі

Сёлета група беларускіх журналістаў стажыравалася за мяжой дзякуючы праграме, якую арганізавалі МЗС Польшчы і Даніі. У Капенгагене нам прапанавалі наведаць парламенцкі офіс Дацкай тэлерадыёвяшчальнай карпарацыі, дзе нас чакаў журналіст і палітычны аналітык Іенс Рынгберг (Jens Ringberg). Офіс, дарэчы, месціцца пад парламенцкім дахам, тут жа знаходзіцца і ўрад.

Набліжаемся да вялікага гістарычнага будынка. Пад самымі яго вокнамі стаяць пікетуюшчыкі з плакатамі. І гэта ў самы разгар кампаніі па выбарах прэм'ер-міністра! Ніхто людзей не чапае, нават паліцэйскія паблізу няма. Здымаем гэты «разгул дэмакратыі».

Ва ўнутраным двары парламента, куды можа зайсці кожны, хто пажадае, ізноў расчыхляем фотаапараты і фіксуем чарговы «цуд» — вялікую стаянку, дзе прыпаркаваныя сотні дзве... веласіпедраў. На іх ездзяць на працу не толькі тутэйшыя журналісты і людзі, што абслугоўваюць дзяржаўныя ўстановы ды Каралеўскую бібліятэку. Звычайныя «ровэры» даўно асядлалі парламентарыі ды міністры. Ніхто з іх не лічыць гэта ганебным. Бо дацкія чыноўнікі добра ўсведамляюць, што трэба быць бліжэй да тых, хто іх наняў на працу, то бок да народу. Вось тут, на маю думку, ніколі не сыдуцца заходнееўрапейскія паралелі з псіхалогіяй нашых чыноўнікаў, галоўным арыенцірам для якіх дагэтуль з'яўляецца «саўковы» мерыдыян. Тым больш што маральнасць многіх начальнікаў ушчэнт расцярушана пачуццём поўнай беспакаранасці.

У такіх калясках датчанкі возяць немаўлят

— Гарачая перадвыбарчая пара, — ветліва ўсміхаецца Іенс. — Сёння я адзін у офісе і застаўся, толькі таму што чакаю вас.

На пытанне, як суіснуюць пад адным дахам міністры і журналісты, пачулі:

— Мы нават абедаем разам. Пасля працы я магу выпіць чарку разам з палітыкам. Аднак я ніколі не пайду з палітыкамі ў лазню, ніколі не паеду з імі на пікнік. Бо я сваю прафесію паважаю. За ўсё, што пішу, адказваю толькі я. І супрацьстаю таму, каб нашу прафесію скіравалі ў якое-небудзь палітычнае рэчышча.

«Наш тэлеканал вяртае 24 гадзіны ў суткі, — распавядае Іенс. — Але падчас выбараў вельмі папулярныя радыёшоу. У жывы эфір мы запрашаем як асобных палітыкаў, так і прадстаўнікоў розных палітычных партый. Асноўныя тэмы — глупства ў сферы эканомікі, як нам захаваць грамадскі росквіт падчас сусветнага эканамічнага крызісу, абмяркоўваем праблему занятасці людзей».

Іенс адзначае, што сёння ў кабінетах дацкіх палітыкаў таўчэцца шмат палітэхнолагаў, менеджэраў, журналістаў. «Штодня яны мне тэлефануюць і кажуць, што яны лепшыя і ў іх ёсць новыя ідэі. Аднак я не ахвяра, не служка, я — журналіст! І рэдакцыйную палітыку мы вызначаем самі. У нас няма для палітыкаў дакладна вызначанага часу ні на TV, ні на радыё. Мы запрашаем іх на шоу, калі лічым патрэбным. І яны, каб патрапіць у эфір, чакаюць у чарзе», — пасміхаецца калега.

Палітыкі ў Даніі ніколі не ўмешваюцца ў журналісцкія справы, бо гэта парушэнне закону. За што можна лёгка згубіць і пасаду, і кар'еру.

Мы даведаліся, што дацкія журналісты зарабляюць у месяц не менш за 42 тыс. крон (больш як 7,5 тыс. \$). Аднак, паводле слоў Іенса, медыкі і інжынеры ў Даніі зарабляюць нашмат

больш і больш, чым у іншых краінах Еўразвязу. Прыблізна 30 адсоткаў грошаў ідзе на падаткі, але жыць можна...

Вясковыя мерыдыян

Сонечны восеньскі дзень. Сяляне прыселі на лаву, адпачываюць, дзеляцца сакрэтамі чарговай бітвы за ўраджай на ўласных палатках. Родная мова ў Мервінах прыгожая, сакавітая. Размаўляць з сялянамі адна асалода.

— Дык як у той Даніі жывуць? — звяртаецца да мяне Валянціна Аляксандраўна, вясёлая ды рухавая кабет, маці майго сябра.

— Няблага жывуць. Як і вы, парсючкоў гадуюць. Бо адзін з прыярытэтных кірункаў сельгасвытворчасці — свінаводства. Краіна невялікая, але фермеры мусяць вырошчваць 2,7 мільёна галоў. Цяпер на кожнага датчана выпадае больш як палова парсюка (смяюся). Хаця даволі вялікі працэнт свініны яны адпраўляюць на экспарт.

У Даніі 2,5 мільёна дамоў на 5,5 мільёна чалавек. А яшчэ датчане любяць і ўмеюць адпачываць, вечарам у пятніцу і ў выходныя кавярні Капенгагена перапоўнены. Кубак кавы ці невялікі келіх піва каштуюць там 8–10 амерыканскіх долараў. Аднак наведваюць рэстараны і людзі сталага веку, каб паглядзець на моладзь, паслухаць музыку...

— Дык колькі ж яны зарабляюць?

— Сярэдні заробак у Даніі каля чатырох тысяч еўра.

Побач з павуцінкай на плоце ў восеньскім паветры павісла паўза. Аб нечым задумаліся кабеты.

— І мы будзем жыць, не памром, — усміхнулася суседка Ганна. — Ураджай бульбы, дзякуй Богу, сёлета добры. І самім хопіць, і парсюка будзе чым карміць.

Мы ветліва развітваемся. У кожнага клопатаў хоць адбаўляй. За выходныя і мне трэба ўхадзіцца — галлё спаліць, дах адрамантаваць ды стары комін перабраць. Каб, як кажуць вясцоўцы, не было зімой гора. Простыя чалавечыя клопаты. Як у далёкай і блізкай нам па менталітэце, гасціннай і шчасливай Даніі.

Фота аўтара

Несмотря на информационную революцию, развитие цифровых технологий, относительный материальный достаток и упрощенную процедуру кредитования, многие делают то, о чем и не могли подумать лет десять назад: они НЕ покупают телевизор. Он стал просто не нужен.

Ольга ДУКО, студентка ЕГУ

Игра В «ЯЩИК»

Старые телевизоры увозят на дачу, передают нуждающимся знакомым, выбрасывают. Место «ящика» занимает ноутбук с высокоскоростным интернетом и выходом на спутниковое ТВ (на всякий случай). Хочешь — смотри фильмы без рекламы, хочешь — читай новости на свой вкус, хочешь — слушай хоть австралийское радио.

Впрочем, добрых 90 % белорусских граждан так не сделают никогда. Они по-прежнему копят деньги на «современный» телевизор или на тот, который рекламируют по их старому «ящику», или на тот, что купил знакомый. Купят новую полку под него, чтобы красивее стоял. Новую мягкую мебель, чтобы удобнее было смотреть. Некоторые приобретут в кредит и новый «Витязь», следуя бодрому патриотическому призыву: «Купляйце беларускае! Выиграете еще один телевизор!». Для таких людей телевизор — и член семьи, и лучший друг, и... страшный враг. Но о последнем они вовсе не подозревают.

Говоря «враг», я имею в виду телевидение «особой функции». Его действие на человека сравнимо с сеансом гипноза. В роли аудитории — и один конкретный человек, и одновременно вся страна. Гипнотизеров много. Они попеременно сменяют друг друга, применяя разные техники манипуляции сознанием и преследуя только одну цель — чтобы человек не пришел в себя.

В принципе, такому индивидууму и нравится в заданном состоянии находиться. Его устраивает счастливая, беззаботная жизнь, которую ему

внушают. В «телевизионной жизни» человека все устраивает.

Главные гипнотизеры белорусского ТВ — новостные программы. Если вы все еще не верите в чудеса, просто включите «Панораму» или «Наши новости». Вам выдадут чудес! Если нет свежих высказываний от президента, их заменят новости о свежем молоке, хлебе и мясе. Но никак не о революции в Египте. На слово «революция» гостелевидение, похоже, вообще наложило табу. Все, что в мире принято называть революцией, в Беларуси — «массовые беспорядки».

Но обо всем по порядку. Первое и одно из самых любимых средств манипуляции общественным сознанием на белорусском ТВ — это систематическое замалчивание актуальных фактов и событий.

Например, в итоговой программе по СТВ был показан сюжет о проекте «Восточное партнерство»: кому и зачем в ЕС на самом деле нужна шестерка стран на востоке. Мораль вышла таковой: «Задуманному три года назад проекту все так же не хватает реализма, прагматизма, конструктивизма и искренности». И ни слова о том, что по решению Евросоюза Беларусь больше не будет участвовать в программе «Восточное

Главные гипнотизеры белорусского ТВ — новостные программы. Если вы все еще не верите в чудеса, просто включите «Панораму» или «Наши новости».

партнерство». Это решение приняли как раз накануне телепередачи спикеры Европарламента и парламентов Армении, Азербайджана, Грузии, Украины и Молдовы. Какое может быть партнерство, если 158 управленцев нашей страны объявлены невъездными?

Правда состоит в том, что Беларусь потерпела поражение на этом поле. Но нам внушают, что нас использовали, обидели, и вообще — не надо нам это партнерство! Все запомнили? Хором: «Да!».

Следующий метод — «запланированные ассоциации» (метод контрастности). В одной новостной программе по ОНТ революции и «беспорядкам» в Египте уделялась 1/10 часть всего эфирного времени. Все, что там происходило, наши телевизионщики назвали «голодным бунтом». Тема плавно переросла в обсуждение уровня бедности по всему миру, повышения цен на продовольствие (особенно у ближайших соседей). Было сказано: «Банальная еда — проблема всего мира в XXI веке». Тут же показывают ломящиеся, наполненные до краев прилавки белорусских магазинов. Разноцветные фрукты, мясо, колбасы. В Беларуси — никакого продовольственного кризиса. Нет и не может быть. В Беларуси — лучшие показатели в сельхозотрасли среди всех бывших республик СССР. В Беларуси на молочном заводе производится более 2000 тысяч наименований товара, и каждая 10-я пачка масла в мире, по расчетам наших специалистов, выпущена с белорусского конвейера. Вот! А в мире продолжается рост цен на сахар и намечается новый кризис.

Мораль: «Раньше хорошо жили те, у кого есть газ и нефть. А сейчас время тех, у кого есть что поесть». Все поняли? Хором: «Да!».

Еще один метод — «информационно-пропагандистская индукция». Есть, увы, в цветущей Беларуси заброшенные деревни, и шквальные ветры иногда рвут линии электропередач, и на птицефабрике отключили электричество... Следующий за подобной новостью обязательный кадр — беседа с М. Мясниковичем или другим чиновником. Наши руководители — гаранты благополучия и решения всех вопросов! Ответственные лица знают о проблеме, исправят, наладят, виновные будут наказаны... И будет свет на птицефабрике, и будет тепло в домах пенсионеров! Все верите? Хором: «Да!».

Помимо этих замеченных мною приемов используется также много фактоидов. Их цель — создание положительного образа Беларуси: «продовольственный рай», «туристическая Мекка», «страна всем довольных людей». Почти каждый день говорится о мощных запасах не только калийных удобрений, но и золотовалютных резервов. Такая информация кочует с канала на канал, из программы в программу. Нравится? Хором: «Да!».

Из методов массового внушения активно применяются приемы «приклеивания ярлыков» и

«сияющих обобщений»: «кормилица», «сокровищница», «житница» нации; «кристалл знаний» (библиотека); «так называемые демократы», «так называемая оппозиция».

Обязательно встречается в информационных новостных программах такой прием, как «игра в простонародность». Вот, например, сюжет о развитии производства плодово-ягодных вин. Начался он с интервью с человеком, который на почве употребления этих самых вин стал алкоголиком. Но в сюжете он был... экспертом! Очень рекомендовал!

Раньше говорили, что народ спивается. И спивается как раз дешевым и некачественным пойлом. Сейчас же всем нам с экрана телевизора абсолютно серьезно чиновники и руководители отрасли рекомендуют это питье «в качестве дополнения к питанию». Оказывается, мужички под дверями круглосуточных магазинов давно знали, в чем истина! И в завершение — мощный аккорд: у прилавка с бутылками «Рассвет над Щарой», «Колдунья», «Серенада», «Поздняя любовь», «Прошлогонья кадрили» в качестве профессионала выступает сомелье-мужичок со спитой физиономией, рассуждая о преимуществах этих дивных напитков. Угощайтесь, граждане! Получается так: счастлив не только тот, у кого есть что поесть, а еще и тот, у кого есть что выпить (белорусское плодово-ягодное). Выпьем? Хором: «Да!».

Часто наши люди смотрят новости не для того, чтобы узнать что-то новое. А с тем чтобы подкрепить свои стереотипы свежей порцией внушения, лишний раз убедиться в правильности своих взглядов и суждений. Просматривая сюжет о политике или белорусской экономике, редкий из таких зрителей будет анализировать и думать: «Может, они не правы? Может, на самом деле все не так? А может, я подумаю?». Впрочем, вряд ли белорусский зритель убежден безоговорочно в том, что с экранов нам всегда говорят правду. Всегда показывают то, что он хочет видеть. Всегда говорят и будут говорить то, что он желает слышать.

А если так происходит, то и люди будут поступать так, как от них хотят, думать так, «как надо», говорить то, что все говорят.

В Италии есть традиция: перед Новым годом выбрасывать старые вещи. В том числе и телевизоры. Если бы у нас была такая традиция, вместе со старыми телевизорами на свалке оказались бы горы информационного мусора.

БЛОГая весть

Евгений ШУР

Профессиональным сленгом пользуются профессионалы. Отсюда очевидный вывод: блоггер — это профессия.

Блог — дневник, но не личный, а очень даже публичный. И заводят его прежде всего те, кому их собственные мысли кажутся великоватыми для одного человека. Оказалось, что можно найти френдов, даже если рассказываешь не только о своей потерпевшей фиаско страсти (в смысле большой и чистой любви), но и о пристрастии к автомобилям, рыбалке, кино, фотографии, футболу и даже политике. Есть среди блоггеров и очень удачливые манимейкеры. В Москве, знаю, есть блоггеры-консультанты, они пишут на профессиональные темы, получают заказы и соответственно вознаграждение.

Уже никого не удивляет, что на пресс-конференции в Госдуме РФ приглашают блоггеров как лидеров общественного мнения (правда, пока только Жириновский). В запуске интернет-проекта «Коммерсант-ТВ» участвовал известный блоггер Антон Носик, создатель Gazeta.ru и Lenta.ru, у которого при всех его достоинствах есть и один недостаток: ник dolboeb. Что не помешало Антону собрать больше 30 тысяч френдов.

Посмотрел последний рейтинг блогов рунета — есть блоггеры, у которых под 50 тысяч постоянных посетителей и под 100 тысяч ссылок. Среди них и очень известные люди: журналист Владимир Соловьев, писатель-фантаст, сценарист и юморист

«С таким аватаром манимейкером не станешь. А пост — флуд и сплог. Всех френдов растеряет. Хоть бы постового выставил».

Блоггеры поняли, что речь не об известном фильме Кэмерона. А для остальных перевожу:

«С такой картинкой в инете не заработаешь. А авторское сообщение — сплошное пустословие и составлено из чужого контента. Всех постоянных посетителей блога растеряет. Хоть бы сделал в конце статьи ссылки на других блоггеров».

Леонид Каганов, писатель Евгений Гришковец, за 3 года (!) ставший суперпопулярным в блогосфере, обозреватель «Огонька» Наталья Радудова, русско-украинская «мать Тереза» врач Елизавета Глинка...

Белорусская блогосфера пока большими цифрами похвастаться не может, но тоже потихоньку растет. Любопытно, что если еще совсем недавно больше всего было блогов о блогах (как сделать, статьи по поисковой оптимизации, дизайну), то теперь преобладают блоги «о жизни». Кстати, один из таких жизнелюбов — Андрей Трой — платит авторам, что вообще-то в байнете редкость. Есть блоггер с характерным ником Спрут, который пишет на манимейкерскую тему. У Алексея Московского блог состоит из пересказов статей англоязычных блогов. Но в основном белорусские блоггеры отделяются короткими фразами, ссылками и фотографиями.

Есть в байнете и свои знаменитости. Еще в 2007 году белорусский фотограф Ксения Авимова выиграла престижную интернет-премию The BOBs в номинации «Лучший блог». А в прошлом году на эту же премию был номинирован блоггер Виктор Малишевский. Как отмечено на сайте конкурса <http://thebobs.com/en/category/start/>, «в своем блоге Малишевский метко и с юмором комментирует политические реалии современной Беларуси, нередко граничащие с абсурдом».

Что касается известности блоггера Евгения Липковича, его перфоманс к журналистике не относится. Замечу, что автор сожженной Липковичем бумаги был бы быстро и благополучно забыт, как и все графоманы, а так, благодаря костру, его будут помнить дольше.

Но публичными выступлениями со своими текстами перед большой (или малой, не так важно) аудиторией всегда занимались представители только двух профессий: журналисты и пиарщики (сюда я включаю и политиков, и писателей-юмористов, рекламирующих самих себя). А как же блоггеры?

Я посмотрел в рунете, что по этому поводу думают сами блоггеры. Одни про это ничего не думают. В основном это узкие специалисты — те, кто дает профсоветы и делится размышлениями о себе любимом. Их в байнете большинство. Другие считают себя дикими побегами на древе журналистики. К таким, как правило, относятся интеллектуалы, которым осточертела желтая, красно-коричневая, голубовато-розовая, а главное — серая, **неэмоциональная** и **безоценочная** пресса.

Я посмотрел в рунете, что по этому поводу думают сами блоггеры. Одни про это ничего не думают. В основном это узкие специалисты — те, кто дает профсоветы и делится размышлениями о себе любимом. Их в байнете большинство. Другие считают себя дикими побегами на древе журналистики. К таким, как правило, относятся интеллектуалы, которым осточертела желтая, красно-коричневая, голубовато-розовая, а главное — серая, **неэмоциональная** и **безоценочная** пресса.

Журналисты на этих внезапно появившихся собратьев по цеху поначалу смотрели, как на бедных родственников, нагрывавших в их коммунальную квартиру откуда-то из Бердичева с кучей сопливых детей. Но, мне кажется, репортеры начинают понимать, что придется потесниться, и прежде всего потому, что виноваты в этом нашествии... сами профессиональные журналисты.

Как это у Губермана (по другому, правда, адресу и поводу)?

*Есть люди, их кошмарно много,
Чьи жизни отданы тому,
Чтоб осрамить идею Бога
Своим служением Ему.*

Я не случайно выделил чуть выше, говоря о прессе, слова «**неэмоциональная**» и «**безоценочная**». Это как раз те качества, за которые в последние годы пресса себя сильно зауважала. Дескать, наше дело информировать, а читатель (слушатель, зритель) — не дурак, он сам разберется что к чему. Возможно, и так, но заметки, изложенные языком бухгалтерских отчетов и милицейских протоколов, породили у одних не дураков тоску как раз по эмоциям и оценкам (они разгоняют эту тоску очень эмоциональными комментариями к информационным статьям в электронных СМИ; пожалуй, эти комментарии можно считать новым жанром в журналистике). А у других далеко не дураков — иллюзию, что место журналистики свободно. Знакомый учредитель популярного российского сайта в приватном разговоре признался: «Мы заказываем значимые статьи философам, писателям, экономистам, критикам, но не журналистам. Журналисты не умеют ни писать, ни думать».

Журналисты сами подвинулись и уступили свое место непрофессионалам. Не спорю, действительно умеющим писать и думать, но не умеющим описывать **реальные события так, чтобы описание включало в себя и того, кто описывает...**

На полосах и экране сейчас изобилие «Особых мнений» и «Экспертных оценок». Но это примерно то же, что прийти в Лувр и вместо Джоконды увидеть в добротной раме мнение искусствоведа даже не о картине — о Леонардо. А то и вообще совет не таскаться по музеям, а, скажем, варить борщ. Не удивительно, что часто адресат на это мнение плюет и поступает вопреки совету. Результат пишущий получает обратный задуманному — а это высшая степень непрофессионализма.

Отличный пример подобного — недавнее фиаско белорусской госжурналистики (о чем не преминули рассказать блоггеры). Цель перед ней была поставлена учредителями куда уж проще: **ОЧИСТИТЬ ПЛОЩАДЬ НАВСЕГДА.**

Исполнители с энтузиазмом принялись «скрепить железом по стеклу», реанимировали полузабытый с советских времен жанр журналистского преследования, переписали своими словами гэбэшные справки, и тут выяснилось, что все идет наперекосяк.

Судите сами. Вряд ли Зимовский добивался такого резонанса, как отставка. Вряд ли Якубович собирался превращать свою газету в бачок политического слива. Вряд ли показательно-старательный Гигин стремился поменять вторую древнейшую профессию на первую, так и не поняв, что журналисту одного умения отдаваться (делу, конечно) маловато...

Повторюсь: главный критерий непрофессионализма — получить результат обратный задуманному. У этих буквально все получилось с точностью до наоборот. Площадь по-прежнему полна — чтобы убедиться в этом, достаточно включить компьютер... И вернуться к нашим блогерам.

Ну, конечно, хватает в блогосфере и серости, и глупости. Понятно, что из **миллиардов** обитателей инета всегда найдется парочка-другая миллионов *недорослей, плюющих с балкона в вечность* (как сформулировал свою обиду на блоггеров Андрей Макаревич). Но есть в блогосфере то, от чего мы стали отвыкать, читая и слушая бесконечную серую ленту бесстрастной информации. Лучшие блоги — это и есть та самая авторская журналистика, о кончине которой мы так любим поговорить.

Но если блоггеры (ладно, сделаем оговорку — лучшие) отличаются от журналистов только тем, что интереснее пишут, то блоги можно и даже нужно считать СМИ. Так?

«Нет. Ни в коем случае!» — заявил чуть больше года назад министр информации Беларуси Олег Пролесковский, отвечая на вопрос, могут ли блоггеры и их блоги участвовать в выставке средств массовой информации. И квалифицированно пояснил: «СМИ — это то, что зарегистрировано как СМИ».

С министрами не спорят. Давайте лучше порассуждаем: чем, собственно, СМИ отличается от БЛОГа (кроме возможности участвовать в госвыставках).

Не будем останавливаться на очевидном: выпуск нового СМИ требует много денег и времени. *Создание блога обходится в ничтожную сумму и занимает несколько минут.*

В СМИ должны быть учредители, штат редакторов, журналистов, фотокорреспондентов, художников, верстальщиков, корректоров, уборщиц, охранников, аренда, зарплаты, гонорары, строгая периодичность, реклама, пиар, бухгалтерия... Блогу почти ничего из этого не нужно, и поэтому *блог куда оперативнее и поворотливее СМИ.*

СМИ респектабельны, блоггеры повально — «неграмотные матерщинники». *Но во многих блогах я ни разу не встретил не только мата, но даже слова «козел».*

СМИ само добывает информацию, блоггер часто пользуется готовым — это, конечно, существенно, но не забывайте, что у популярного блоггера тысячи потенциальных информаторов. И уже случается, что СМИ пишут о том, что первым сообщил блоггер. Да, блоги не заменяют информационных агентств, но услугами последних пользуются все СМИ.

СМИ пишут исключительно правду, блоггер может соврать.

Но, мягко говоря, *блоггеру трудно конкурировать в этом «сегменте профессии» с госСМИ и желтой прессой.* Ну а говоря не мягко,

за клевету предусмотрено наказание одинаковое для всех. А первоапрельские розыгрыши можно пережить.

Еще отмечают, что в отличие от СМИ блоггеры не занимаются журналистскими расследованиями. *Уже занимаются.* Недавно с помощью блоггеров поймали педофила, поместившего свои фото в интернете, о чем написали все СМИ. А благодаря блоггеру Алексею Навальному хоть никого и не поймали, но все делают вид, что ищут неуловимых российских коррупционеров.

Есть, есть еще одно очень существенное отличие СМИ от блога! СМИ пишут о том, что нужно, блоггер — о том, что хочет. Увы, от этого недостатка блоггером избавиться трудно. *Надеюсь, что невозможно.*

Так что министр все-таки прав: блоги — это не СМИ.

Разве что назвать их **СМИ с нетрадиционной ориентацией**, что и вписать в свидетельства о регистрации.

Такой вот флуд.

Жена координатора гражданской кампании «Европейская Беларусь» Дмитрия Бондаренко рассказала о муже и семье.

Ольга Бондаренко:

Однажды (это было давно) Ольга Бондаренко увидела образ Христа. В это довольно трудно поверить, но она убеждена, что ее видение — это сам Бог, и явился Он в ее жизнь не просто так. Представьте ситуацию: Оля сильно болеет. После рождения дочери начались частые бронхиты — врачи считали, что это результат гормонального сдвига. Болезнь практически уже перешла в хроническую стадию, все было очень плохо. Дмитрий переживал и не отходил от жены. И вот в один из не лучших дней, когда со здоровьем было совсем никуда, Оля увидела... Иисуса. Кто-то испугался бы подобного видения. Она же сочла, что это знак — но не ей. Ольга решила, что это Диме посыл — мужу, который всеми силами старался помочь. Рассказала обо всем ему. Оба пришли к выводу, что нужно креститься (Оля и Дмитрий из семей, где детей не крестили). Они крестились в церкви, но со временем сменили православный храм на костел. Оля потихоньку поправлялась. Факт явления Христа прочно занял место в семейной хронике и на многое в жизни супругов повлиял.

«Я видела образ Христа...»

Как становятся националистами

Супруги Бондаренко — выпускники института физкультуры. По молодости занимались «кодированием» — речь шла не о каких-то волшебных исцелениях населения от разных напастей, а о пропаганде аутотренинга. Сначала они сами заинтересовались, потом прочли много литературы на данную тему, затем решили развить в себе эти умения, параллельно занимаясь самообразованием и вот — взялись помогать тем, кто нуждался в такого рода помощи. Супруги демонстрировали, как аутотренинг может влиять на возможности организма: хрупкая Ольга становилась на «мостик», а муж всем своим весом усаживался сверху. «Мостик» даже не прогибался. Вот это умение — не прогибаться в тяжелых ситуациях — семья Бондаренко сохранила на всю последующую жизнь, которая с приходом новых веяний обрела совсем иной смысл.

Марина БЕЛЯЦКАЯ

Наверное, это заслуживает отдельного исследования: как обычные советские люди становились «национально свядомыми». Ведь где-то до конца 80-х мы все были приблизительно одинаковыми. Кто-то знал мову, историю и литературу лучше, кто-то — хуже: зависело от родителей, места рождения и учителей. Семья Бондаренко начальным белорусским образованием (особенно по части мовы) похвастаться не могла. Дмитрий белорусский язык знал достаточно приблизительно, а Оля вообще родом из России. Однако именно с нее и началось это перевоплощение.

— Самосознание как приходит? Это, как с верой, — вспоминает Ольга. — Я думаю, постепенно, но всегда есть какой-то толчок. Был случай, когда я имела возможность сравнить две версии одного и того же инцидента, связанного с деятельностью БНФ. У меня были друзья художники, имевшие отношение к «фронту», они рассказали мне, что произошло. Потом на собрании я услышала версию полковника милиции — он говорил чуть ли не противоположное: нечто такое, что я, зная, как там было дело, никак не могла принять. Подошла я к микрофону и сказала свое мнение. А в ответ услышала: «Такие девицы, как вы...». В общем, этот офицер сразу перешел на личности. Я оторопела... С тех пор я ко всему происходящему в стране уже относилась иначе. Я стала помогать листовки распространять, очень прониклась всем национальным: мне нравился белорусский язык и все белорусское. Потом я познакомилась с Димой, он подружился с моими друзьями и тоже стал белорусский язык вспоминать...

Такое ощущение, будто нас вело что-то. Я думаю, в нашем с Димой случае это «превращение» уже имело под собой какую-то почву.

— После 19 декабря не было «предательских» мыслей: зачем связались с политикой, ведь жизнь складывалась вполне удачно и без нее?

— В декабре 2010-го, сразу после ареста Димы, я как-то ехала в троллейбусе на работу, смотрела по дороге на пассажиров, следила за прохожими в окно — видела достаточно много почти маргинальных спившихся типов... И вдруг подумала: а ведь им же все безразлично! Вот мой муж в тюрьме. Еще многие люди арестованы. Стоило ли им идти в

тюрьмы ради «этих»?

Но такие радикальные мысли были у меня в голове только раз и только в самом начале. Да, когда-то Дима был достаточно далек от политики — работал руководителем службы по связям с общественностью в солидной фирме «Дайнова». По сути, он успешно занимался рекламой и пиаром у Палюховича. Как у него получалось — все видели: эта фирма была в 90-х у всех в Беларуси на слуху. Конечно, можно было бы продолжать работать в сфере рекламы, СМИ или маркетинга. Тем более что Дима успешно работал и над созданием белорусскоязычного радио,

формат которого не предусматривал русской попсы. А попробуйте такое радио раскрутить! Но получилось же... Если бы это радио не закрыли, неизвестно, как сложилась бы наша судьба. Пожалуй, Дима оказался в политике именно потому, что радио 101,2 закрыли. Политика, пиар и СМИ очень тесно связаны. Ведь идеи нужно уметь подавать, доносить до общественности. И потом, Дима всегда говорил: я за Родину готов жизнь отдать. Он говорил это не в связи с какой-то ситуацией, не помпезно, не в интервью. Он говорил это дома — мне. Почему он так чувствует, даже не оговаривалось: это было и все. Такое у него восприятие Родины. Мне кажется, поэтому сама ситуация в стране привела его в политику: кто-то должен был доносить до людей противоположную точку зрения. Естественно, что проявляли себя те, кто умел это делать и был неравнодушен. Сейчас я понимаю, — добавляет, подумав, Ольга. — Те мысли, в троллейбусе (о маргиналах), сиюминутны. Все, происшедшее с нами, с Димой, — более глобально.

Площадь

— Мы не знали до конца, сколько людей будет на Площади 19 декабря. Многие хотели бы прийти, но были запуганы. Да, протестная аудитория в Беларуси очень велика, но и жизнь непредсказуема. Именно поэтому просчитать такую массу народа было сложно.

Невозможно было и угадать, как поведет себя власть, как будут развиваться события у Дворца Республики. Ведь каждый из кандидатов считал себя лидером — во всяком случае, среди своих. Кто знал, что именно каждый из них собирался делать? Вот они пришли на Площадь, вот взяли микрофон — дальше что? Все говорили про второй тур — это основное. Все знали, что второй тур должен быть. Но как его собирались добиваться? Никто не раскрывал свои карты. И мы (наша семья) готовы были ради этого стоять там две ночи, три... Я не думала: пойдём мы потом по проспекту к Дому правительства или нет. Это зависело от многих факторов, в первую очередь, от того, как поведут себя лидеры. Но ведь ни Санников, ни Дима не знали планов остальных кандидатов. Очень важным было и количество людей. Нельзя было предугадать: 20 тысяч придут или 50 тысяч — а это разные вещи. Что, если бы пришло 150? А если бы людей не останавливали в пути, не снимали с поездов? 150 тысяч — это уже совсем иное было бы дело. Я уверена: если бы пришло такое количество людей, не было бы этого жуткого разгона, ситуация в стране могла бы пойти по украинскому сценарию. Впрочем, если бы не было разгона, то и меньшим количеством людей мы могли бы добиться большего. Ведь Майдан начинался с 15–20 тысяч. Дима там был, он видел, как все происходило в Киеве. Он тогда поехал поддержать украинцев. На Майдане сначала наших «Зубров» было чуть ли не больше, чем украинцев. Это потом у них народ стал собираться. Когда люди узнали, что происходит (об этом вещал свободный телеканал), все пошло так, как мы уже знаем. Если бы у нас это было (ТВ, отсутствие давления спецслужб), очень вероятно, что можно было бы законным путем добиться конституционных перемен. Думаю, не одна я в этом уверена.

Они надеялись стоять... У Ольги до сих пор в коридоре не убраны ботинки, взятые у подружки, — на размер больше, чтобы можно было надеть теплые носки. Они собрались идти всей семьей: Ольга с Дмитрием и дочь Юля. Перед выходом поставили иконки, помолились на Ружанце и пошли. В центре города они оказались раньше намеченной акции. Встретились в кафе с друзьями, разговаривали, пили чай. Потом возле кафе к ним присоединился Санников, постепенно собрались и остальные сторонники «Европейской Беларуси».

Они шли, держась за руки, чтобы не потеряться. Никого не настораживало и не удивляло то, что милиция не препятствует движению по проспекту. Ольга решила, что это уже у нас так принято: в первый день выборов никого не трогать.

— Это единственный день, когда, по-моему, власти не обращают внимания на то, что народ собирается у Дворца, где объявляют решение ЦИК. Даже в 2006 году никого не трогали. Люди приходили и ждали результатов выборов. Их никто не

разгонял. В первый день люди вполне могли выступать со своим мнением. Другое дело, что у нас от выборов к выборам проходит одна и та же постоянная ошибка: со стороны оппозиции никто никогда толком и профессионально не руководит людьми. Я говорю о едином руководстве манифестацией.

Арест

В 6 утра их разбудили стуком в дверь. Люди из КГБ в подъезд зашли сами. Позвонить они не могли, если бы даже хотели: в квартире Бондаренко звонок был сломан. Но, скорее всего, люди из КГБ нажимать на кнопку и не собирались. Как в большинстве случаев с арестами, они стали громко и настойчиво колотить в дверь.

— Они очень сильно стучали, — рассказывает Ольга. — Мы подскочили и крикнули им: «Не лмайте дверь! Мы одеваемся!» Но одевались мы медленно: надо же было успеть как-то собраться с мыслями... Они снова начали бить в дверь. Мы: «Да не стучите вы, сейчас откроем!»

Вошли трое. Один из визитеров почему-то прятал лицо — закрывался шарфом. Уже потом в семейных разговорах и среди знакомых Ольга не возвращалась к этому странному моменту: «Зачем закрывать лицо? Ну ладно, эти люди из КГБ постоянно шифруются, но он же вместе с другими уже явился арестовывать, чего уж тут прятать лицо? Если надо шифроваться — не иди!.. Может, его отправили к нам, а это знакомый кто-то?» Ответа на этот вопрос она до сих пор не нашла. Но в тот момент человек с шарфом интересовал Ольгу меньше всего. Главное, что ее беспокоило: она с мужем столько раз обсуждала последствия, но так и не обговорила ситуацию конкретно: кому звонить, что делать, как себя вести ей? Да, они были готовы к такому исходу. И Дмитрий даже как-то накануне сказал жене: «Не волнуйся: друзья, если что-то случится со мной, помогут». Но на случай, если что-то произойдет с друзьями, сценария не было.

Уходя из дома, Дмитрий крикнул дочери: «Юля, звони скорей Радиной». Она связалась сначала с Отрощенко, и он сказал, что Радиной звонить бесполезно: ее уже забрали. Потом, когда Дмитрия увезли, мать и дочь сели на диван и стали думать, что делать. Ситуация была достаточно сложной — психологически.

— Диму увели, Радиной нет... Собственно, никого нет, — Ольга, вспоминая, как будто погрузилась мыслями в тот день. — Мы с Юлей сидели вдвоем... Что нам теперь делать? Кому звонить? У нас нет телефонов дополнительных на такой случай. Дима мне никаких контактов страховочных не оставил, хоть бы дал инструкции: что делать, с кем связываться? Я многих знала, но оказалось, что после 19-го связаться я уже ни с кем не могла. А ведь пару дней после ареста я еще могла

бы прийти в офис, взять какие-то вещи, спасти оборудование и имущество Хартии. Но у меня не было ключей. Если бы был хотя бы адрес хозяина помещения, мы могли бы спасти хоть что-то. Целых два дня офис еще не был разгромлен. В общем, мы оказались совершенно не готовы к ситуации после выборов, хоть и готовились морально к этому всегда. Хорошо хоть в тот же день, часов через 5–6, мне позвонили и сообщили, где мой муж находится. Многим ведь приходилось своих близких по тюрьмам самим искать.

Письма

Несмотря на то что Ольга знала о местонахождении Дмитрия, поначалу никаких контактов добиться не получалось. Первая весточка о муже поступила от адвоката. А письмо пришло только спустя месяц — 25 января. Было это послание, как у всех, очень сдержанное. Наталья Радина потом рассказывала, что первое письмо ей пришлось переписывать, так как текст не понравился тамошним цензорам. Поэтому родственники арестованных уже по тону написанного понимали: весточка составлена в соответствии с требованиями. Такое пишут, «только чтоб дошло».

Письмо Дмитрия было датировано 21 января, т. е. по городу шло 4 дня. Это было короткое сообщение без подробностей. Ольга обратила внимание на то,

что у листа оборваны уголки, возможно, там был указан номер письма. Понятно, что к концу января узник уже успел написать множество писем, которые просто не отправляли адресату. В этом первом дошедшем послании Дмитрий просил передать лекарства и приветы: дочери, отцу и сестре.

Потом письма стали приходиться довольно регулярно. Ольга публиковала их на сайте Хартии.

— Я решила: после того как чужие люди в это письмо свой нос засунули, глупо скрывать его содержание от друзей, — резонно рассудила она. — Мне казалось важным, что письма от Димы прочтут другие: я давала их перед этим близким людям, они говорили: «Читаешь, будто с ним разговариваешь». Вот я и сочла, что все имеют полное право это читать.

«Здравствуй, родная! Пахвалёны Езус Хрыстус!

Сегодня получил уже твоё пятое письмо. Ты письма лучше не нумеруй, цифры все равно замазываются. Рад за тебя и твоих подруг. Мне тут официально сообщили, что тебя допрашивали. Держись и прости, Олечка. Как ты написала: «Не первый год замужем». Очень крутые и мудрые слова. 26 лет нашего освещенного Господом семейного союза. И это очень серьезно и радостно. Рад, что, несмотря на нашу духовную близость, каждый занимался своим делом. И звезда фитнеса — это покруче, чем муж — оппозиционер. Рад, что нет разочарования в друзьях и подругах. И, как бы ни сложилась ситуация дальше, то, что ты для

меня, Олечка, сейчас делаешь и что за всю жизнь вынесла, не останется без Божай узнагароды. И я ни за что не забуду, пока буду жив. Благослави цябе Божа! Напоминай нашей доченьке, что я ее очень люблю, что мы ее очень любим. Наверное, мы все-таки были очень суровыми родителями и мало ее баловали... Привет всем подругам "по несчастью", всем моим родным и нашим друзьям и знакомым. До свидания. Слава Иисусу! Твой Зьміцер».

Статья УК

Как известно, многим фигурантам дела о Площади были выдвинуты обвинения по статье 293, которая предусматривала наказание сроком до 15 лет заключения. Ольга находилась в неведении относительно судьбы Дмитрия. В начале января, по ее словам, сотрудники КГБ пытались завербовать ее, чтобы заставить повлиять на мужа. Они рассчитывали, что испуганная женщина согласится уговорить супруга сотрудничать со следствием. За это ей якобы обещали изменить вменяемую мужу статью и даже выпустить Дмитрия под подписку о невыезде, обещали дать срок «не такой большой, как Санникову». Информация об этом просочилась в интернет. Однако государственные СМИ молчали относительно готовности Дмитрия Бондаренко сотрудничать с властями — и это было лучшим доказательством того, что ни Дмитрий, ни Ольга не прогнулись под напором сотрудников спецслужб.

На протяжении четырех месяцев Бондаренко, Санников и еще 30 человек, обвиненных в организации и участии в массовых беспорядках в Минске, жили с мыслью о том, что им грозит длительный срок лишения свободы.

Однако в апреле стало известно, что участникам Площади накануне судов начинают менять статью 293 УК на значительно более мягкую — 342 УК, ч. 1 (организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них). Новое обвинение предъявлялось «с учетом полученных в ходе предварительного расследования доказательств, в том числе документальных материалов, подробных и согласующихся между собой показаний обвиняемых по событиям, произошедшим 19 декабря

2010 года в Минске» — так было написано в сообщении, распространенном МВД. Появилась надежда, что Дмитрий Бондаренко вместе с другими арестованными сможет выйти на свободу с условным сроком или, во всяком случае, будет осужден на малый срок.

В середине апреля супругам разрешили свидание — для обоих это стало событием.

— Он похудел, и это меня даже обрадовало: я всегда его гоняла за то, что он не очень следит за весом, — делится впечатлениями от свидания Ольга. — Мы встретились в «американке». Он вошел, руки за спиной, и, чтобы я не кинулась к нему, сразу сказал: «Обняться нам не дадут!» Это было вообще первое, что он произнес. Когда мы уже прощались, он протянул руку, нам удалось прикоснуться друг к другу, но нам тут же сказали, что этого делать нельзя. И мне непонятно, что они этим хотят показать. Почему нельзя даже прикоснуться?

Ольга уже внешне свыклась с форматом «муж в тюрьме». Конечно, это только внешне. Страшная история с вынужденной операцией в тюремной больнице, этапирование Дмитрия в колонию с больничной койки, его непрекращающаяся боль сквозят скорбью в глубине ее глаз и изменившимся тембре голоса.

Но показывая очередную собранную в места неволи передачу, Ольга даже улыбается, объясняя, каким образом арестованные будут заваривать сухие каши с овощами, которые неожиданно записаны в «деликатесы» — так понравились узникам СИЗО. Она показывает все, что в квартире особенно напоминает ей о муже: вот его синий галстук — специально в цвете «Европейской Беларуси». Вот его книги — все в основном по маркетингу и рекламе. Она рассказывает, как 4 года назад муж настоял на венчании в костеле, показывает фотографии, и все страшное кажется уже каким-то завершающимся этапом в жизни этих людей. На языке — вопрос вопросов: а сделали бы они все снова, прошли бы по этому пути? Вопрос однозначно некорректный, нечестный, да и об искренности ответа судить невозможно. Можно было бы спросить: а будут ли продолжать, не свернут ли с пути? Опять не годится, ведь пока никто не знает, чем закончится Димино заключение. Поэтому, уже выключив диктофон, говорю почти нейтральное:

— Оля, а если изменится ситуация, ну вот если представить себе, что вас и мужа все устраивает в происходящем в стране, он уйдет из политики?

— Политика — не самоцель. Он занимался бы СМИ и рекламой — я уверена.

— Т. е. точно не политикой?

— Думаю, именно так. Политика сегодня для Димы — вынужденное дело. И я не надеюсь пока, что нас ждут лучшие времена.

Фото автора
и из семейного архива Бондаренко

Николай ХАЛЕЗИН,
www.charter97.org

Несколько месяцев назад, когда Наташа Радина еще находилась в Беларуси, Юра Дракохруст попросил написать эссе о ней, которое должно было быть опубликовано во время начала судебного процесса. Я знал, что скоро ее в Беларуси не будет, и потому писать не стал. Но несколько дней назад Юра снова попросил написать материал для книги, куда войдут эссе обо всех политзаключенных, и я «возвращаю долг».

Девчонка из Стапи

Она вошла в кабинет и села на стул. Повисла напряженная тишина. Семнадцатилетняя черноглазая девчонка в брючном костюме с приглаженными темными волосами смотрела на руководителей газеты взглядом партизанки, приготовившейся к допросу. Ее губы были нервно сжаты, плечи наклонены чуть вперед — скрытая решимость к любому повороту событий.

Отдел новостей газеты «Имя» пополнился новой сотрудницей — Натальей Радиной, студенткой первого курса факультета журналистики. Она обошла три десятка соискателей, принесших папки, набитые собственными публикациями, и длинные перечни изданий, где им довелось служить. Ей не нужно было задавать вопросов на собеседовании — в ее взгляде было все, что нужно для овладения профессией журналиста, — любопытство и решимость.

Позже этот ее взгляд я буду вспоминать, когда она попадет в тюрьму, и безвестность начнет рисовать жуткие картины того, что с ней может происходить. Оставалось уповать на этот ее взгляд, который не позволит сотрудникам спецслужб игриво куражиться над беззащитной девушкой.

Взгляд, способный отрезвить и заставить общаться на равных.

Чувство вины — еще одна примета того времени. Ты на свободе, она в тюрьме. Я накричал на нее прямо перед арестом. Желая находиться в гуще событий, она оказалась между двумя шеренгами: омоновцев и демонстрантов. В итоге — удар щитом и сотрясение мозга. Но она вернулась в редакцию и продолжила работу вплоть до того момента, когда дверь офиса Хартии была взломана сотрудниками спецслужб. Перед этим я кричал ей в трубку о том, что она — опытная журналистка и не имела права так рисковать, оказавшись в том месте, где существует вероятность потерять жизнь после одного удара в висок. Она тихо ответила: «Ты полагаешь, сейчас уместно на меня так кричать?» Неуместно. Глупо. Безответственно. Кричать на девушку, у которой к тому моменту боль не давала возможности поворачивать голову, а тошнота не отпускала ни на секунду. На девушку, которую спустя час арестуют и отвезут в тюрьму.

За все эти полтора десятка лет не могу вспомнить момент, когда бы Наташа не сделала то,

о чем ее попросили. Пожалуй, и не было такого момента. Стальная надежность, не свойственная инфантильному поколению, взрослому в период белорусской диктатуры. Патологическая честность, подчас мешающая отношениям. Гиперпорядочность, зачастую ошибочно принимаемая окружающими за позу.

«Ты точно готова?» — «Да». — «Ты понимаешь, что придется сидеть без связи до тех пор, пока не появится возможности выехать из страны?» — «Да». — «Тебе придется полностью довериться человеку, который будет заниматься твоей эвакуацией; все решения будет принимать только он». После паузы, словно не желая расставаться с правом контролировать ситуацию: «Да». Несколько недель в доме, вдали от населенных пунктов, без общения, без средств коммуникации. Словно пауза между тюрьмой и свободой. Потом несколько часов езды, пересечение границы. Только она может рассказать, о чем думала в эти часы, кажущиеся бесконечными. Можно только предположить. О друзьях, оставшихся в тюрьме; о нашем друге Олеге Бебенине, которого мы потеряли осенью, накануне выборов; о родителях, которых допрашивают после отчаянного побега дочери...

Преданность профессии сыграла с ней злую шутку. Семейная жизнь до сих пор не смогла встроиться в журналистскую константу. После вынужденного побега из Беларуси четыре месяца Наташа вынуждена была скрываться у наших родственников в Москве. Тихое заточение в окружении добрых и любящих людей. И вдруг — приготовление обедов и еженедельная уборка квартиры. По собственному желанию, как попытка получения новых эмоций; затем — увлеченно и заинтересованно. И снова, как в журналистике, — педантично и профессионально; сосредоточенно и внимательно. Почти полноценное ощущение большой семьи — четверо взрослых и четверо детей. И последующее признание: «Оказывается, мне нравится готовить; оказывается, мне нравится большая семья; оказывается — это здорово». Уже без скорби по одиночеству; словно навсегда покидая башню из слоновой кости; словно прощаясь с прошлой жизнью — девочки со сжатыми губами.

Отчаяние. Безуспешная попытка оставаться все такой же «девчонкой из стали» после нескольких месяцев безуспешных попыток вырваться из России. Слезы, которых не дождался следователь КГБ, но которых было не сдержать от невозможности повлиять на ситуацию. Мобилизация на работу, но снова приступ отчаяния. И, как подарок небес, семья, практикующая йогу; семья, до самоотречения готовая помогать. Спасительные медитации, лечебные процедуры. Словно ей нужны были эти четыре месяца для

того, чтобы поправить здоровье. Чтобы снова ринуться в бой.

На протяжении всех лет — поддержка родителей. Безоговорочная, основанная на абсолютном доверии. Родители, обожаемые дочерью; родители, которых так не хватало все эти месяцы. Лишь короткие сеансы телефонной связи — с использованием двух компьютеров, чтобы невозможно было отследить звонок. И долгожданная встреча с мамой, которая даже не могла предположить, в какой из стран находилась ее дочь.

Когда она увидела фотографии демонстрации, во время которой Джуд Лоу нес по Лондону ее портрет, пошутила, вытерев слезы: «Теперь жизнь прожита не зря». Не зря. Но не потому что Джуд нес ее портрет, а потому что продвигается по жизни она правильным маршрутом — последовательно, честно и без ссылок на слабость.

Этот год изменил Наташу. Сквозь ее «стальную» оболочку стал проступать новый образ — привлекательной молодой женщины, готовой к трансформациям, готовой принять себя, изменившуюся. Как будто высокая температура происходящих событий стала отогревать ее, лишая внешней брони. Достоевский в своем «Подростке» написал: «Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную». Она смеется открыто и задорно, словно демонстрируя нам эскиз себя новой, измененной: открытой, но не для панибратства; рассудительной, но способной на отчаянный поступок; мягкой, но не слабой...

Так получилось, что в авангарде борьбы с диктатурой оказались белорусские женщины — не вытолкнутые мужчинами в первую шеренгу, но вставшие в нее сами. Достоинно, без визга и истерик. Просто вышли вперед и показали, как надо. Радина, Богданова, Халип, Коляда, Красовская, Калинкина, Тонкачева, Коктыш, Палажанка... Как на подбор — красивые, умные, отважные, успешные. И каждая — со своей трагедией, со своей болью. Но и со своей силой, которая в итоге и победит.

Фото Ю. ДОРОШКЕВИЧ

Аляксандр Лашманкін:

*«Быць незалежным
журналістам
у Расіі — змагацца
са спакусай прадаць
сваё прафесійнае
сумленне»*

У офісе БАЗ гасцей заўсёды багата.

Але ж барадач, надта падобны да знакамітага расійскага вандроўніка Фёдара Конюхава, з вялікім заплечнікам і руска-беларускім слоўнікам у руках, прыцягнуў увагу ўсіх прысутных. Перш за ўсё старанным вымаўленнем нашых «прывітанне» і «дзякуй»...

Праваабаронца і журналіст з Самары Аляксандр Лашманкін ніколі раней не бываў у Беларусі, але шмат што чуў пра жыццё ў нашай краіне. Маўляў, пра Беларусь у суседняй Расіі распавядаюць, нібыта тут не жыццё, а сапраўдны зямны рай. Вось і паехаў Лашманкін, каб з тым жыццём пазнаёміцца. І пазнаёміўся. Найперш з беларускай пенітэнцыярнай сістэмай.

Дзень Волі ў няволі

«Акрэдытацыю беларускага МЗС я атрымаў яшчэ ў лютым, але так сталася, што змог выехаць да вас пазней. Мой цягнік павінен быў прыбыць у Мінск аkurat 25 сакавіка», — тлумачыць за гарбатаю Аляксандр Лашманкін.

Пра тое, што азначае дзень 25 сакавіка ў мінулай і сучаснай гісторыі Беларусі, расіянін Лашманкін нават і не здагадваўся. Як і не ўяўляў сабе, які «цёплы» прыём прапануюць яму аршанскія міліцыянты.

«Мяне пабудзілі а першай гадзіне ночы на станцыі Орша. Міліцыянты прапанавалі мне выйсці з вагона, нібыта дзеля праверкі. Асабліва не спрачаўся, сабраў рэчы і пацягнуўся з імі ў аддзяленне міліцыі, што на тэрыторыі чыгуначнага вакзала, — распавядае пра свае беларускія прыгоды Аляксандр. — У аддзяленні, нарэшце, патлумачылі, што ў міліцыю ананімна патэлефанавалі і паведамілі, нібыта я вязу амфетаміны».

У плецаку журналіста перагледзелі ўсе рэчы, але з падазронах прэпаратаў пры ім не знайшлі нічога.

Акрамя гліцыну і адной таблеткі з сіняй літарай «А» на ўпакоўцы, якая аказалася звычайным анальгінам. Тады Аляксандр Лашманкін напісаў скаргу аб ілжывым даносе і ўжо збіраўся вярнуцца на сваё месца ў вагоне, але яго спынілі. Высветлілася, што на ўсялякі выпадак на журналіста міліцыянт ўжо склалі стандартны для такіх затрыманняў рапарт. Маўляў, пакуль супрацоўнікі праваахоўных органаў вялі журналіста ў аддзяленне, ён нецэнзурна ляўся...

«Канешне, на судзе я спрабаваў высветліць у сведкаў-міліцыянтаў, што я менавіта казаў. Яны блыталіся ў паказаннях, але суддзю гэта чамусьці ніколькі не збянтэжыла», — усё яшчэ дзівіцца асаблівасцям беларускай судовай сістэмы расійскі журналіст, якому давялося адседзець у аршанскім ізалятары часовага ўтрымання тры сутак. Як ён казаў, усяго толькі за няўдала выбраны час для журналісцкай камандзіроўкі...

Сумны каламбур: Дзень Волі рэдактар самарскага інфармацыйнага агенцтва «Свабода» Аляксандр Лашманкін правёў у няволі. Сядзеў і па-філасофску пазіраў на асаблівасці інстытуту правоў чалавека ў Беларусі праз краты.

«Сукамернікі, мясцовыя выпівохі, казалі, што мне яшчэ пашанцавала, бо трапіў у новы будынак ІЧУ. Распавядалі, што ў старым жыла ўся «фаўна»: клапы, вошы і г. д. У новым жа ўсё было прыстойна. Адзінае, што бянтэжыла, дык гэта забарона ляжаць ці нават сядзець на ложку з 6 гадзін раніцы і да 10 вечара. Мужчыны сталага веку ўдзень на падлозе ляжалі, бо ногі не вытрымлівалі», — узгадвае «беларускія суткі» Аляксандр Лашманкін. І дадае: «А вось міліцыянеры ў вас больш на людзей падобныя, вочы ў іх чалавечыя. Расійскія амаль усе праз Чачню прайшлі, для многіх з іх забіваць — гэта натуральна. А ў беларускіх нават сорам у вачах убачыць можна, хоць перада мной ніхто, канешне, не выбачаўся...»

Хаця пасля таго, што здарылася, ніякіх выбачэнняў ад беларускіх уладаў Лашманкін і не чакае. Адзінае, што просіць, дык гэта аднавіць журналісцкую акрэдытацыю, якую беларускае МЗС анулявала таго ж 25 сакавіка. Там нават і не чакалі, калі прысуд, вынесены замежнаму журналісту за «моцнае слова», набудзе законную сілу.

Закон абараняе толькі на паперы

Наша размова з рэдактарам самарскага інфармацыйнага агенцтва нагадвае перакрываваны допыт. Пытанні чуюцца з абодвух бакоў, дыктафоны запісваюць з дзвюх кропак. І ўжо не разабраць, хто тут інтэрв'юер.

«Як у вас тут з абаронай правоў журналістаў?» — пытаецца расійскі калега. «Няўжо ж гэта не відэа вочна пасля трох дзён у пастарунку?» — дзіўлюся

ў адказ. Пасля кароткага расповеду пра беларускую медыйную рэчаіснасць мой візаві, здаецца, ужо не ўпэўнены, што яго акрэдытацыя дапамагла б пазбегнуць непрыемнасцяў. З іншага боку, калі яшчэ выпадзе пабыць у скуру незалежных беларускіх журналістаў, большасць з якіх працуюць без якіх-небудзь паперак. І пры гэтым, паводле шматлікіх міліцэйскіх рапартаў, яшчэ і брыдкаслоўяць на кожным кроку. Праз што церпяць інтэлігентныя міліцыянеры і «часныя грамадзяне».

«У нас, у Расіі, заканадаўства аб СМІ журналістаў лепш абараняе, — параўноўвае беларускую рэчаіснасць з уласным досведам Аляксандр. — Я сваё праваабарончае інфармацыйнае агенцтва зарэгістраваў як прыватная асоба, але ж карыстаюся ўсімі перавагамі заснавальніка, выдаўца і рэдактара сродку масавай інфармацыі, якія гарантуе закон».

Я не паспела парыраваць гэтае «лепш» згадкаю пра дзясяткі забітых і збітых расійскіх журналістаў, як Лашманкін узняў вочы і запытаўся, здаецца, у самога сябе: «Але навошта той закон, калі Паліткоўскую пакаралі смерцю?»

Забойства маскоўскай журналісткі Ганны Паліткоўскай Аляксандр падкрэслена называе «пакараннем смерцю». Гібель калегі для яго — сімвал таго прэсінгу, пад якім працуюць расійскія журналісты. «Няпроста ў нас усё, вельмі няпроста, нават калі ўлады крываць «прываблівую міну», яны круцяцца, як вуж на патэльні, увесь час маневруюць і маніпулююць», — прызнаецца мой суразмоўца.

Як адзін з інструментаў маніпулявання СМІ расійскія ўлады, паводле слоў самарскага журналіста, скарыстоўваюць так званыя «дамовы інфармацыйнага абслугоўвання».

«Тут усё проста. Урад, адміністрацыя вобласці ці горада плацяць выданню ці тэлеканалу грошы паводле дамовы пра тое, што журналісты будуць распаўсюджваць іх інфармацыю. Па сутнасці ж плацяць не за распаўсюд, а за маўчанне, за адсутнасць крытычных публікацый», — абураецца Аляксандр Лашманкін.

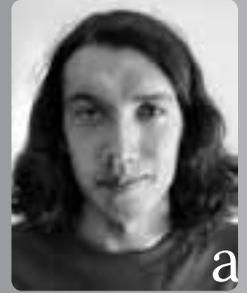
Яшчэ маніпулююць СМІ з дапамогай іх уладальнікаў. Апошнія, нягледзячы на рэдакцыйныя дамовы, статуты, дзе прапісана, што рэдакцыйныя калектывы не залежаць ад заснавальніка, насамрэч кантралююць увесь працэс стварэння інфармацыйнага прадукту. Пры гэтым заснавальнікі нярэдка кіруюцца «парадамі» ўладных структур.

«Атрымоўваецца, што, каб быць незалежным журналістам у Расіі, трэба ўвесь час змагацца са спакусай прадаць сваё прафесійнае сумленне», — шчыра прызнаецца Аляксандр Лашманкін.

Падрыхтавала Яніна МЕЛЬНИКАВА
Фота Сяргея БАЛАЯ

Українські прэцэдэнт

**Справа Георгія Гангадзэ, са з'яўленнем у ёй былога кіраўніка
Украіны ў якасці падазраванага, ператварылася ў суровы
напамін іншым уладарам, што не бывае нераскрытых забойстваў
ды знікненняў журналістаў і палітычных апанентаў.**

Сямён ПЕЧАНКО

Забойства журналіста Георгія Гангадзэ стала адной з самых гучных спраў сучаснай Украіны. Яно дагэтуль цалкам не раскрытае, але цяпер справа набыла новае развіццё — следства выставіла абвінавачанне былому прэзідэнту Украіны Леаніду Кучму, якога яшчэ дзесяць гадоў таму падазравалі ва ўдзеле ў арганізацыі забойства апазіцыйнага журналіста.

«У тых часы мы проста не верылі, што падобнае калісьці здарыцца», — кажа пра прыцягненне экс-прэзідэнта да адказнасці перад следствам украінская журналістка Ніна Курата.

Кучма і сапраўды падаваўся непатапляльным. Ён вінаваціў у забойстве замежныя спецслужбы і апазіцыю: маўляў, хацелі яго такім чынам пазбавіць улады. Падкантрольныя міліцэйскія чыны заяўлялі пра «хуліганскія» матывы ў справе і адмаўлялі

матывы палітычныя. Калі ж генпракурор краіны Святаслаў Піскун загадаў арыштаваць падазраванага ў выкананні забойства начальніка Дэпартаменту знешняга назірання МУС Украіны генерала Аляксея Пукача, то Кучма пазбавіў смельчака пасады. А падазраваны дзіўным чынам здолеў уцячы ад следства і хаваўся ад яго амаль шэсць гадоў.

Віктар Юшчанка, які прыйшоў да ўлады на хвалях Аранжавай рэвалюцыі, стаў галоўным расчараваннем для ўкраінскай прэсы ў справе Гангадзэ. «Мы думалі, што змена ўлады — акурат той шанец даведацца праўду. Але Юшчанка нас расчараваў. У яго было цэлых пяць гадоў, але ён нічога не зрабіў. І гэта датычыць не толькі рассялевання забойства нашага калегі», — гаворыць Ніна Курата. Прынамсі, такія словы падаюцца несправядлівымі, бо акурат пры Юшчанку быў

*Сутыкненні праціўнікаў
украінскага прэзідэнта
з міліцыяй у Кіеве
19 снежня 2000 г.
Удзельнікі акцыі
патрабуюць адстаўкі
прэзідэнта і сілавых
міністраў у сувязі
са знікненнем
журналіста
Г. Гангадзэ*

Photo.bymedia.net

затриманы выканаўца забойства, а яго памагатыя атрымалі вялікія турэмныя тэрміны. Віктар Юшчанка і да свайго абрання на пасаду прэзідэнта, і пасля не раз заяўляў, што лічыць «справай гонару» пакаранне забойцаў журналіста. Аднак, зважаючы на тое, што ўсе гэтыя гады было вядома, каго падазраюць у якасці замоўцы забойства, і што «падазраваны» пры гэтым працягваў знаходзіцца на волі па-за ўвагай следства, раздражненне ўкраінскіх журналістаў ад нерашучасці Юшчанкі можна зразумець.

У справе Гангадзэ шмат няяснага і да канца не высветленага. Напрыклад, матывы, якія рухалі тымі, хто «замовіў» журналіста. Дый ці збіраліся яго забіваць? Частка ўкраінскіх журналістаў мяркуюць, што віной усяму — жанчына, якую нібыта маглі «не падзяліць» журналіст і тагачасны кіраўнік адміністрацыі Кучмы Уладзімір Літвін. Апошні нібыта мог паўплываць на свайго началь-

ніка, абгаварыўшы канкурэнта і справакаваўшы прэзідэнта на рашучыя дзеянні. Ёсць версія, што Пукач не мусіў забіваць Гангадзэ, а толькі прыстрашыць. Але журналіст, які за свае тры дзясяткі паспеў паўдзельнічаць у некалькіх войнах, аказаўся няпростым заданнем...

Свайго даследавання патрабуе і роля цяперашняга кіраўніка Украіны Віктара Януковіча ў апошніх падзеях вакол справы Гангадзэ. Украінскія журналісты мяркуюць, што крымінальная справа Леаніда Кучмы — гэта помста яму за ганьбу 2004 года, калі ў час прэзідэнцкай кампаніі з маўклівай згоды Кучмы быў прызначаны другі тур і Януковічу ў выніку давялося чакаць свайго яшчэ пяць доўгіх гадоў.

Ніна Курата мяркуе, што Януковіч строіць з сябе прынцыповага кіраўніка, для якога няма аўтарытэтаў нават сярод былых прэзідэнтаў, калі да іх ёсць пытанні ў следчых. Журналістка не ўпэўненая, што для Кучмы справа дойдзе да турмы. Але сам факт, што на яго завялі справу, для журналістаў дарагога каштуе. Прайшло столькі часу, што ўжо фактычна неістотна, хто і чым кіраваўся, калі прымаў рашэнне аб прыцягненні да справы аднаго з галоўных падазраваных.

Георгій Гангадзэ

Журналіст, рэжысёр (21.05.1969—17.09.2000)

Нарадзіўся ў Тбілісі ў сям'і вядомага грузінскага рэжысёра-дакументаліста, дысідэнта Руслана Гангадзэ. Па шляху бацькі пайшоў і сын: у 90-х Георгій зняў некалькі дакументальных фільмаў, сярод якіх серыя, прысвечаная грузінска-абхазскаму канфлікту. Акрамя таго, ён актыўна займаўся палітычнай дзейнасцю як у Грузіі, так і пазней на радзіме маці — ва Украіне. Маці Георгія Леся Гангадзэ (Корчак) была ўкраінкай, уладжэнкай Львова.

Вучоба на вячэрнім аддзяленні Тбіліскага ўніверсітэта перапынілася службай у савецкім войску. Георгія адправілі служыць у Афганістан. Паваяваць яму давялося яшчэ неаднойчы. У пачатку 90-х браў удзел у выступленнях супраць тагачаснага прэзідэнта Грузіі Звіяда Гамсахурды. Праз год, у час здымак дакументальнага фільма ў Абхазіі, ваяваў на баку грузін, быў цяжка паранены.

Частка жыцця Гангадзэ звязаная з Львовам. Пасля звальнення ў запас ён скончыў факультэт замежных моў у Львоўскім універсітэце імя Івана Франка. У 1993–94 гг. працаваў на Львоўскім тэлебачанні, у мясцовай газеце.

У 1995 годзе разам з жонкай Міраславай пераехаў у Кіеў. Да пачатку 2000-х працаваў на тэлеканалах і радыё.

17 красавіка 2000 года заснаваў «Украінскую праўду» — апазіцыйную інтэрнэт-газету. Неўзабаве праца гэтага выдання атрымала першыя водгукі — журналісту пачалі пагражаць расправай. Ён паскардзіўся ў пракуратуру на сачэнне з боку міліцыі і невядомых асоб.

16 верасня 2000 года позна ўвечары Георгій Гангадзэ знік па дарозе з працы.

У памяць пра Георгія Гангадзэ ў Кіеве ўсталяваны помнік, яго імя нададзена аднаму з праспектаў украінскай сталіцы. У 2005 годзе яму пасмяротна прысвоена званне Героя Украіны з фармулёўкай «за самаадданаяе служэнне ўкраінскаму народу, грамадзянскую мужнасць, праяўленую ў адстойванні ідэалаў дэмакратыі і свабоды слова, вернасць журналісцкай справе».

Справа Георгія Гангадзэ

ХРОНІКА

2000 год

17 верасня. На наступны дзень пасля знікнення журналіста Гангадзэ па факце гэтага здарэння была распачатая крымінальная справа.

2 лістапада за 100 км ад Кіева ў Тарашчанскім лесе знайшлі абезгалоўленае цела. Па шнарах ад аскепкаў, атрыманых у час канфлікту ў Абхазіі, сваякі Гангадзэ апазналі труп зніклага.

28 лістапада лідар Сацыялістычнай партыі Аляксандр Мароз агучыў у Вярхоўнай Радзе гэтак званыя «стужкі Мельнічэнкі» — аўдыёзапісы размоваў прэзідэнта Украіны Леаніда Кучмы з кіраўнікамі сілавых структур краіны, якія нібыта таемна зрабіў маёр прэзідэнцкай аховы Мікалай Мельнічэнка.

На фрагментах запісаў Кучма абмяркоўвае журналістскую дзейнасць Гангадзэ з кіраўніком МУС Юрыем Краўчанкам, генпракурорам Міхаілам Пацябенкам, старшынёй СБУ Леанідам Дзеркачом і кіраўніком сваёй адміністрацыі Уладзімірам Літвіным. Кучма ў тых размовах нібыта загадвае міністру Краўчанку «разабрацца» з журналістам.

Кучма назваў «стужкавы скандал» спробай зрынуць яго з улады, а сам запіс — фальсіфікацыяй.

Тым не менш справа Гангадзэ выклікала велізарны рэзананс, які выйшаў за межы Украіны. Канец 2000 і ўвесь 2001 год прайшлі пад знакам пратэстнай кампаніі «Украіна без Кучмы».

2001 год

27 лютага Генпракуратура Украіны распачынае крымінальную справу паводле артыкула «наўмыснае забойства».

16 мая міністр унутраных спраў Юры Смірноў агучвае версію пра крымінальны след у справе Гангадзэ. Паводле яго слоў, журналіста з хуліганскіх памкненняў забілі два крымінальнікі, якія нібыта загінулі напрыканцы 2000 года. Міністр адкінуў палітычныя матывы забойства Гангадзэ.

2002 год

У верасні Генпракуратура афіцыйна прызнала: цела, знойдзенае ў лістападзе 2000-га, належыць журналісту Гангадзэ.

2003 год

22 кастрычніка Генпракуратура арыштавала начальніка Дэпартамента знешняга назірання МУС Украіны генерала Аляксея Пукача. Высветлілася, што менавіта яго падраздзяленне сачыла за журналістам.

У лістападзе Пукач выпушчаны з-пад арышту пад падпіску аб нявыездзе. Ён тут жа знікае.

2005 год

4 сакавіка знаходзяць нежывым былога міліцэйскага міністра Краўчанку з двума кулявымі раненнямі галавы. Раніцай ён павінен быў з'явіцца на допыт.

У снежні пачынаецца судовы працэс над абвінавачанымі па справе Гангадзэ. На лаве падсудных апынуліся былыя супрацоўнікі Дэпартамента знешняга назірання і крымінальнай выведкі МУС Валерый Кастэнка, Мікалай Пратасаў і Аляксандр Паповіч. Галоўны выканаўца забойства (паводле версіі следства) генерал МУС Пукач знаходзіцца ў вышуку.

2008 год

У сакавіку Апеляцыйны суд Кіева прысудзіў Кастэнку і Паповіча да 12 гадоў турмы, Пратасава — да 13 гадоў.

2009 год

Ліпень. Затрыманы генерал Пукач. Паводле інфармацыі следства, ён прызнаў сваё дачыненне да забойства Гангадзэ і назваў імёны заказчыкаў. У час следчых дзеянняў ён паказаў месца, дзе знаходзіцца чэрап забітага журналіста.

2010 год

У верасні кіраўнік следчай групы Генпракуратуры Аляксандр Харчанка вынес канчатковае абвінавачанне Пукачу ў забойстве журналіста. «Пукач А. П. 17 верасня 2000 г., выконваючы відавочна злачынны вусны загад міністра ўнутраных спраў Краўчанкі Ю.Ф., г. зн. на замову, па папярэдняй змове групай асобаў, сумесна з Пратасавым, Кастэнкам і Паповічам, якія не ведалі пра злачынны загад, наўмысна забіў Гангадзэ Г. Р.», — гаворыцца ў заяве Харчанкі.

2011 год

21 сакавіка Генпракуратура Украіны завяла крымінальную справу супраць былога прэзідэнта краіны Леаніда Кучмы. Ён падазраецца «ў перавышэнні ўлады і незаконных распараджэннях супрацоўнікам МУС, якія прывялі да такіх наступстваў, як забойства журналіста». Экс-прэзідэнту забаронена пакідаць межы Украіны.

Ці ўмеем мы разгледзець свет?

Ганна БАРАБАН

Рэпрэзентацыя знешнепалітычных падзеяў у беларускай і расійскай прэсе

Хоць у змесце беларускіх выданняў відавочна дамінуюць унутрыпалітычныя падзеі ці ўнутрыэканамічныя і сацыяльныя праблемы, раз-пораз на старонках з'яўляюцца матэрыялы і на міжнародную тэматыку. Гэта дастаткова цікавыя публікацыі, асабліва калі параўноўваць іх з аналагічнымі матэрыяламі замежнай прэсы.

Каб убачыць, чым гэтыя матэрыялы адрозніваюцца (перадусім у прафесіянальным сэнсе), мы прааналізавалі рэпрэзентацыю трох знешнепалітычных падзеяў: а) пачатак ваенных дзеянняў у Лівіі, б) увядзенне візавых санкцый між ЕС і Беларуссю і в) выбары прэзідэнта Казахстана — у выданнях беларускіх («СБ. Беларусь сегодня» і «Народная воля») і расійскіх («Коммерсантъ» і «Московский комсомолец»).

Лівійскае пытанне адлюстроўвалася на старонках усіх чатырох выданняў.

Ганаровае першае месца заняў «Коммерсантъ» з матэрыялам «Рассвет на закате. Запад начал военную операцию в Ливии». Публікацыя пабудавана прафесійна з пункту гледжання як зместу, так і фармальнай будовы тэксту.

Загалолак падабраны вельмі трапна, ён суадносіцца з асноўнай тэмай матэрыялу і не змяшчае ў сабе суб'ектывізму. «Традыцыі» загалоўка працягвае і лід: у ім добра прасочваецца навіна, паказаны альтэрнатыўныя пункты погляду. Да таго ж лід прафесійна падабраны да асноўнага зместу публікацыі.

Асноўная частка пабудавана на «класіцы жанру»: аўтар распавядае перадгісторыю канфлікту, называе дакладныя лічбы і факты. У сітуацыі, калі журналіст сумняваецца ў пададзеных

фактах, ён іх «бярэ ў двукоссе», што сведчыць аб узважанай і нейтральнай падачы інфармацыі. Спрэчныя прагнозы прадухіляюцца выразам «по просочившейся в СМИ информации».

На працягу ўсяго матэрыялу аўтар вытрымлівае нейтральнасць, шматпалярнасць і баланс меркаванняў. У сітуацыі адлюстравання абедзвюх пазіцый журналіст не схіляецца ні да адной з іх, а дзякуючы сведчанню канкрэтнага жыхара Лівіі ў чытачоў фарміруецца ўласны пункт гледжання без суб'ектыўных ацэначных выказванняў аўтара матэрыялу. Погляды экспертаў на праблему персаніфікаваны. заключэнне артыкула змяшчае ў сабе варыянты развіцця падзеяў, магчымыя перспектывы.

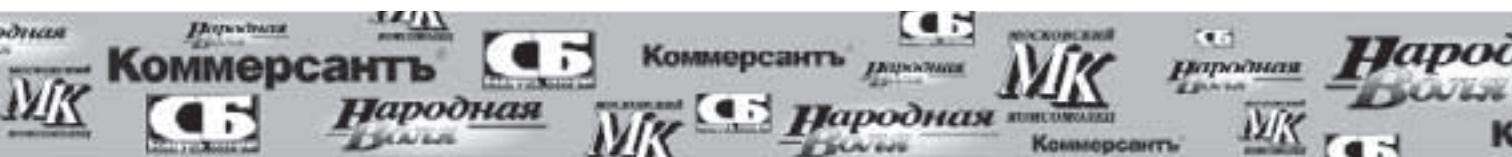
Такім чынам, матэрыял пабудаваны прафесійна, аб'ектыўны, лексічна нейтральны. Гэта прыклад якаснай журналісцкай працы.

А зараз разгледзім матэрыял на тую ж тэму ў газеце «СБ. Беларусь сегодня» пад назвай «Ящик Пандоры распахнут».

Загалолак сведчыць пра неаб'ектыўнасць аўтара і пэўную непрафесійнасць, таму што: 1) ён суб'ектыўны, змяшчае ў сабе негатыўнае адценне (скрыня Пандоры — крыніца бед і няшчасцяў); 2) гэта малавядомы фразеалагізм, незразумелы для большай часткі аўдыторыі; 3) з яго чытачы не разумеюць, пра што пойдзе гаворка ў матэрыяле.

Гэтак жа дрэнна навіна прасочваецца і ў лідзе. Сутнасць справы не тлумачыцца, ніякай канкрэтыкі няма, а замест гэтага шырока ўжываюцца агульныя фразы без спасылкі на канкрэтныя крыніцы. І фразы тыя, дарэчы, ускосна падкрэсліваюць пазіцыю выдання ды скіраваныя на тое, каб стварыць у чытача пэўнае ўражанне, дзеля чаго таксама адмыслова выкарыстоўваюцца фразеалагізмы з негатыўным адценнем.

Кантраст з матэрыялам з «Коммерсантъ» умоўна і адсутнасцю ў матэрыяле адрозных

(ад журналісцкага) поглядаў на праблему. З усяго спектру інфарматараў аўтар выбірае толькі аднаго — лівійскае дзяржаўнае тэлебачанне, не даючы альтэрнатыўнага пункту гледжання. Да гэтага прымешваюцца адсутнасць канкрэтыкі, абстрактныя фразы, не заснаваныя на фактах заявы і беспадстаўныя развагі аўтара. Ён аперуе не фактамі, а ўласнымі меркаваннямі, выступаючы перад чытачамі ў якасці эксперта, хаця на самой справе такім не з'яўляецца.

У аўтарскай развазе пераважае завялюмаваны негатыв. Акрамя таго, аўтар бярэ на сябе смеласць выказвацца як непасрэдны сведка падзей і выкарыстоўвае выразныя сродкі для больш паспяховага ўздзеяння на аўдыторыю. Да таго ж дапускае грубыя памылкі, няправільна будзе прычынна-выніковыя сувязі, а часам нават дае падставы сумнявацца ў сваёй дасведчанасці.

Для ўзмацнення ўздзеяння на чытачоў аўтар выкарыстоўвае сінтаксічныя сродкі (рытарычнае пытанне), беспадстаўна ўжывае экспрэсіўныя фразеалагізмы з негатывнай ацэнкай. Цікава, што аўтар часам падае два розныя погляды, аднак з дапамогай тэндэнцыйнага падбору фактаў і сінтаксічных канструкцый дае чытачу зразумець, якога менавіта меркавання з гэтых двух варта прытрымлівацца.

Заклучная частка матэрыялу павінна канчаткова ўпэўніць чытача ў існаванні толькі аднаго магчымага пункту гледжання.

Такім чынам, для гэтай публікацыі характэрныя дрэнная структура пабудовы, суб'ектыўнасць, ацэнчанасць, адсутнасць канкрэтыкі, маніпуляванне чытачом. Да таго ж зусім незразумела, у якім жанры напісаны матэрыял. Паводле яго аб'ёму можна было б прылічыць яго да зацемкі. Але зацемка, у якой канкрэтна не згадваецца падзея, — абсурд.

Нізкі ўзровень міжнароднай журналістыкі ў Беларусі — агульная тэндэнцыя ці выключэнне з правіл? Працягнем наш аналіз.

Журналіст «Московского комсомольца» назваў свой матэрыял «Зона, свободная от мира. Запад не остановит насилия в Ливии». Адрасу заўважна неканкрэтнасць (чытачу незразумела, хто менавіта робіць гвалт). Аднак тэма матэрыялу ўсё ж такі праглядаецца. Лід напісаны прафесійна, але ў асноўнай частцы заўважаецца шэраг хібаў. Папершае, аўтар суб'ектыўна, нематывавана агучвае пэўныя факты і замоўчвае іншыя, тым самым не падаючы чытачу шматбаковай інфармацыі. Па-другое, як і ў «СБ. Беларусь сегодня», журналіст выкарыстоўвае экспрэсіўныя фразы з эфектам

прысутнасці, якія не маюць сэнсавай нагрукі, акрамя як прызначэння ўплываць на чытача эмацыйна. Аўтар нават дазваляе сабе іронію над меркаваннямі герояў матэрыялу, што ніяк не супадносіцца з базавымі палажэннямі журналісцкай этыкі. Альтэрнатыўны пункт гледжання ўсё-такі «праслізгвае» ў тэксце ў выглядзе канкрэтнага факта, што зніжае ўзровень суб'ектыўнасці матэрыялу, дае чытачу магчымасць паразважаць і зрабіць уласныя высновы, хоць і ўскосна.

Заклучэнне напісана прафесійна, яно ўтрымлівае прагнозы, варыянты развіцця падзей. Аднак ёсць і недахопы — шмат фактаў у ім выдаюцца за бясспрэчныя, хоць і не з'яўляюцца такімі. Журналіст выступае ў якасці эксперта, хоць ён не павінен гэтага рабіць.

Гэты сярэднепрафесійны матэрыял мае і моцны, і слабы бакі. Канечне, гэта лепш, чым прапаганда ў «СБ. Беларусь сегодня», але горш за прафесіяналізм у «Коммерсантъ».

Беларуская незалежная газета «Народная воля» таксама звярнулася да гэтай тэмы. Матэрыял «Чем закончится военная операция в Ливии?» мае відавочна зразумелую назву са стылістычна нейтральнай афарбоўкай. Лід таксама напісаны аб'ектыўна і дастаткова прафесійна, ён утрымлівае асноўную навіну.

Але ў асноўнай частцы мы заўважаем ужо добра знаёмыя нам недахопы: беспадстаўныя сцверджанні, свядомае замоўчванне і наўмысны выбар фактаў, адсутнасць альтэрнатыўнага пункту гледжання, адкрыты суб'ектыўзм. Як і ў папярэднім матэрыяле, аўтар спрабуе адлюстраваць іншую пазіцыю, аднак дае ёй досыць рэзкі ацэначны каментар, што сведчыць пра маніпуляванне чытачом. Заклучэнне напісана ў агульным тоне матэрыялу. Праекцыя на будучыню ёсць, але яна даволі суб'ектыўная.

Такім чынам, папярэдне можна зрабіць выснову, што гэтая знешнепалітычная падзея больш прафесійна рэпрэзентуецца ў расійскай прэсе. А ў аналізаваных намі беларускіх выданнях спробы маніпулявання чытацкай аўдыторыяй навідавоку. Дзеля праверкі слушнасці ці няслушнасці гэтай высновы, прааналізуем яшчэ шэраг публікацый. На гэты раз на тэму ўвядзення візавых санкцый між ЕС і Беларуссю.

«СБ. Беларусь сегодня» з гэтай нагоды надрукавала матэрыял «Запленных дел мастера». Загаловак неканкрэтны, незразумелы звычайнаму чытачу. Выкарыстанне фразеалагізмаў з негатывным адценнем (запленных спраў майстар — кат) сведчыць пра суб'ектыўзм аўтара. Лід адсутнічае, і нават у асноўнай частцы мы не маем уяўлення пра саму навіну — аўтар не лічыць патрэбным паведамляць факты (гэта ж самае назіралася і ў матэрыяле гэтай газеты пра Лівію). З першага ж сказа ў матэрыяле сустракаюцца словы з негатывнай ацэнкай, пераважна гутарковага стылю,

а таксама фразеалагізмы («опозиция из-за угла науськивает своих граничных хозяев», «костлявой рукой голода не задушить»). Выкарыстанне ў матэрыяле слоў аргю («попутал рамсы») паказвае на нізкі ўзровень стылістычнай пісьменнасці аўтара, але звычайна выразы такога кшталту моцна ўплываюць на ўспрыняцце тэксту.

Традыцыйна для гэтага выдання аўтар выступае як палітычны эксперт, робіць неабгрунтаваныя высновы і прыводзіць бяздоказныя, паводле ягонага меркавання, звесткі. Беспадстаўныя экспрэсіўныя сцверджанні, скажэнне фактаў, а часам нават іх фальсіфікацыя сведчаць пра прафесійную неспрыдатнасць аўтара і жаданне рэдакцыі маніпуляваць меркаваннямі чытачоў.

Яшчэ адзін інструмент маніпулявання — выкарыстанне двукосся. З дапамогай яго аўтар, мабыць, спрабуе паіранізаваць і спарадзіць сумнеў («список», «материал», «принятие мер» і да т. п.). Менавіта да гэтых слоў чытачы павінны адчуваць недавер. Замест словазлучэння «белорусская оппозиция» аўтар выкарыстоўвае выразы «минские тихари-провокаторы», «минская политическая клоака», якія яскрава перадаюць негатывную ацэнку беларускай апазіцыі. Важна, што ў тэксце часта ўжываецца займеннік «я», дзеясловы 1-й асобы адзіночнага ліку («чытаю»), а таксама рэплікі непасрэдна ад аўтара, што паказвае на вялікую суб'ектыўнасць.

Але апроч усіх гэтых дэталей самы вялікі мінус матэрыялу — адсутнасць канкрэтыкі. Ва ўсёй публікацыі не згадваецца ніводнага канкрэтнага чалавека, не прыводзіцца ніводнай цытаты, ніводнай спасылкі на экспертаў і г. д. Гэта дазваляе зрабіць выснову аб наяўнасці пэўнага запраграмаванага пункту гледжання і аб імкненні газеты маніпуляваць чытацкім меркаваннем усімі магчымымі спосабамі.

«Московский комсомолец» з гэтай нагоды надрукаваў матэрыял пад назвай «У кого список больше? ЕС и Белоруссия обменялись перечнями невъездных». Адразу можна заўважыць, што загаловак падабраны добра. Ён адначасова і прыцягвае ўвагу чытача, і адпавядае зместу матэрыялу. У адрозненне ад мінулаў публікацыі, у гэтым выпадку ўжо ў лідзе прысутнічаюць канкрэтныя факты, імёны, лічбы. Асноўная частка пабудавана прафесійна: аўтар узгадвае перагiсторыю, пераходзіць да сучаснасці і канкрэтна асвятляе пункты гледжання супрацьлеглых бакоў. Часам журналіст дазваляе сабе неаб'ектыўныя экспрэсіўныя выказванні, аднак заўсёды аргументавана растлумачвае сваю пазіцыю. Калі-нікалі ў матэрыяле сустракаецца іронія, аднак аўтар звяртаецца да яе не дзеля маніпулявання (як у мінулым прыкладзе), а дзеля таго каб самому разабрацца ў сітуацыі і дапамагчы чытачу зрабіць гэта.

Так, гэты матэрыял напісаны досыць прафесійна. Гэтая характарыстыка тычыцца таксама яго будовы, стылю напісання, аўтарскай пазіцыі і г. д.

Такім чынам, аўтар з «Московского комсомольца» здолеў рэпрэзентаваць гэтую падзею найбольш прафесійна. У артыкулах беларускіх аўтараў заўважаюцца ўжо вышэйадзначаныя тэндэнцыі да маніпулявання, прапаганды. Да таго ж выяўляецца яшчэ адна негатывная рыса — асабістае нежаданне «капацца» ў тэме і спрабаваць зразумець штосьці ў праблеме. Каб упэўніцца ў нашых высновах, правядзем трэцяе апошняе параўнанне матэрыялаў на тэму пазачарговых выбараў прэзідэнта Казахстана.

Журналіст «СБ. Беларусь сегодня» назваў гэтую падзею «Весна в Астане». Станоўчы падтэкст гэтага выразу зразумелы (вясна — пара росквіту, святла і г. д.). Важна, што мы аналізуем ужо трэці артыкул з гэтай газеты, і кожны раз маніпуляванне думкай чытача пачынаецца на ўзроўні загаловака. Лід напісаны добра, але ў асноўнай частцы заўважаем ужо добра знаёмыя нам хібы: неабгрунтаваныя сцверджанні выдаюцца за ісціну, канкрэтныя імёны і выказванні адсутнічаюць, прычынна-выніковыя сувязі груба парушаюцца, паняцці падмяняюцца. Аўтар выступае як эксперт і дазваляе сабе вельмі неабгрунтавана крытыкаваць нормы міжнароднага права.

У заключнай частцы аўтар увогуле адыходзіць ад тэмы матэрыялу і займаецца адкрытай агітацыяй. Адсутнасць канкрэтыкі і гучныя, пафасныя словы павінны канчаткова настроіць чытача на патрэбны газеце лад. Варта асобна адзначыць і «падтэкст» артыкула. Аўтар пастаянна праецыруе выбары ў Казахстане на выбары, якія прайшлі ў Беларусі, і з дапамогай намёкаў, экспрэсіўных выказаў і інш. стварае ў чытача неабходнае яму ўражанне.

Журналіст з «Московского комсомольца» выбраў іншы спосаб падачы матэрыялу. У артыкуле з дасціпнай назвай «Что и требовалось показать. Назарбаев намерен править Казахстаном еще 10 лет» ён адлюстроўвае падзеі з дапамогай іроніі, крытычнага стаўлення да таго, што адбылося. Прысутнічаюць і дастаткова ацэначныя сцверджанні, але яны не бяздоказна «вісяць у паветры», як гэта было ў папярэднім матэрыяле, а грунтуюцца на канкрэтных фактах.

Каб упэўніцца ў сказаным, можна лёгка знайсці згаданыя публікацыі на інтэрнэт-старонках названых газет.

Как начинается цензура

У закрытого после выборов «Авторadio» путь к эфирной тишине начался со слова «Площадь».

На украинском телеканале ТВі все началось с футболок.

Татьяна БУБЛИКОВА,
www.baj.by

Недавно в Facebook появилась созданная анонимом страничка «ТВі потребує твоєї підтримки». Граждане пытаются защитить свое телевидение от возможного закрытия. С тех пор как Янукович стал президентом, это, пожалуй, самый неприкрытый наезд властей на явно оппозиционный канал.

28 сентября члены Нацсовета по вопросам телевидения вынесли предупреждение телеканалу «ТВі». В Украине, как и у нас, два предупреждения — это уже основание для закрытия СМИ. Представители власти, чтобы сохранить лицо, изобрели приемлемый повод для наказания. Суть официальных претензий пересказал на своей страничке в Facebook гендиректор телеканала Микола Княжицкий: «Они считают, что документальные фильмы фильмами не являются и мы должны показывать художественные фильмы, а не документальные. Они считают, что мы должны вещать в тех городах, в которых они сами нам вещать запретили. Понятно? Мне самому не понятно. Не было никаких нарушений. Мы виноваты в том, что мы есть».

Со стороны реальная «вина» ТВі более чем очевидна и менее глобальна. В сентябре канал детально освещал скандал вокруг футболок со слоганом «Спасибо жителям Донбасса за...», который оканчивался обидной для президента Януковича рифмой. Владелец полиграфической фирмы Денис Олейников брался за маечный проект как бизнесмен, профессионал, кожей чувствующий успешность начинания. В УБОПе выбрали день и час и накрыли офис фирмы ProstoPrint. Дело заведено, а Денис Олейников с семьей в Латвии просит политического убежища.

Кто-то должен за майку ответить

Сергей Шимоволос («Международная тюремная реформа») превосходно разбирается в принципах тюремной психологии:

- в группе большой ценностью является авторитет;
- на завоевание и отстаивание авторитета тратится очень много сил;
- при конфликтах последнее слово по-любому должно быть за тобой.

Олейников ускользнул, а ТВі вместе с обиженным на пол-Украины Януковичем остался.

Минская станция «Авторadio» тоже поплатилась за обиду. Лукашенко разочаровался в народе, многотысячно вышедшем после выборов на площадь. Это объяснение хотя бы логичней легенды, представленной Мининфо суду и общественности. Официальная вина «Авторadio» — экстремизм и превышение рекламного времени.

После десятка судебных заседаний грех «Авторadio» сузился до слова «Площадь». В эфире кандидат Андрей Санников произнес предвыборную речь: «Страна судьбы решается не на кухне, а на площади». Произнес голосом спокойным и малоэмоциональным. «Нецензурную площадь» Санников обнародовал во множестве СМИ, даже в «СБ». Суд посчитал фразу экстремистской. Теперь Санников в тюрьме, а радио молчит. Так станция стала единственным репрессированным после президентских выборов СМИ.

Главред радио Юрий Базан за девять месяцев эфирной тишины так и не понял логики властей: «Сейчас мы пытаемся решить вопрос в несудебном порядке. Обращаемся в Мининфо за восстановлением нашего права на

вещание. Но они дают только отписки, не говорят ни «да», ни «нет». Навряд ли они сами знают, что делать».

В разговор Юрий Базан то и дело вставляет слово наказание: «Мы наказаны уже сверх меры. За это время выплатили в казну 30 миллионов за частоту, которой не пользовались, считайте — штраф. По закону деятельность СМИ может быть приостановлена не более чем на полгода. Мы уже 9 месяцев молчим. Тишина — это самое страшное наказание для радио».

Карательная цензура

«У нас-то понятно, откуда это все берется. А в Украине, которая целых 5 лет жила при демократии, откуда?» — спросила я у Владимира Лобковича, юриста правозащитного центра «Весна». — «Семьдесят лет советской власти бесследно не проходят. К сожалению», — резюмировал Владимир.

В России до Октябрьской революции с успехом работал специальный орган — Карательная цензура. Чиновники рассматривали уже напечатанные книги и журналы. За нарушение цензурных правил издание арестовывали, а автор и издатель привлекались к суду.

ТВі подал в суд иск о признании предупреждения незаконным. В Украине судебная власть сравнительно независима, а сами украинцы — народ более темпераментный. И надежда, что никого там не закроют, остается. Иначе без положительного примера будет труднее верить, что и у нас это все когда-нибудь закончится.

Аляксей БЕЛЫ — прафесійны журналіст. Сябра Беларускай асацыяцыі журналістаў, Саюза беларускіх пісьменнікаў і Міжнароднага ПЭН-клуба. Выдаў некалькі паэтычных зборнікаў.

Працоўную біяграфію пачынаў на Поўначы матросам на параходзе. Пасля службы ў войску некалькі гадоў быў памочнікам капітана цеплахода на рачным флоце — вазіў руду з Чарнобыля ў Брэст. З 1977 года жыве ў Баранавічах. У вольны час шмат вандруе па свеце.

* * *

Якое ўсё-ткі рознае жыццё,
І па ахвоце ці не па ахвоце,
А адплываюць людзі ў небыццё,
Хто на лафеце, хто на эшафоце.
Але і ў гэтым, праўда, ёсць і спрэчнасць,
Бо на лафеце — не заўсёды ў Вечнасць.

Ад выспаў мы далёка адышлі,
За намі ўжо зачынены вароты...
Хто штормы сустракаў на караблі,
Той не баіцца кропкі незвароту.

Чарнобыльская зона

Добра ўзімку тут было і ўлетку,
Гушкалася сонца на арэях,
І цяпер тут палымнеюць кветкі,
Не зваліся. Але прыдзічэлі.

Не чуваць тут голасу дзіцяці,
Ды і птушак не чуто на золку.
А жыве тут толькі баба Каця.
— Я адна тут, — кажа, — самасёлка.

Шмат гадоў нятоплення печы
(Колькі ў іх спяклі ўсяго на святы!),
А не скралі тут хіба што глечык,
Ды і то таму, што ён шчарбаты.

Што бабульцы гэтай ноччу сніцца?
У кутку кажан распросціў крылы.
«Пакусала раз мяне ваўчыца,
Месяц я тады не гаварыла».

Не відаць ні яблык тут, ні грушаў,
Аб зямлю ім тут не біцца глуха.
Цешаць зрок і трошкі цешаць душу
Хрызантэмы, флоксы, павітуха.

Хто застаўся тут — спазналі ліха,
Самасёлы не жывуць бясконца.
І збірае моўчкі абляпіха
У гронкі сонца, а да сонца — стронцый.

На радзіме

Тут ты свой пакуль што, а не госьць,
І слядоў тваіх адбіткі ў пыле.
І ў каго спытаць пакуль што ёсць:
«Цётхна, а дзе мяне хрысцілі?!»

Успамінны настрой

Замежны пазайздросціў бы мастак
Таму, што ў нас такі дзівосны край.
Тут і раней было амаль што так,
Пажарка, хвойкі, «Голубой Дунай».

Было ў народу шмат цікавых спраў,
Трапалі лён і дома шылі светкі.
А ў пажарцы бацька працаваў —
Тушылі бровар — вымак там да ніткі.

Быў кожны грыбніком і рыбаком —
Палессе, дзе балота больш, чым поля.
Заходзілі ў «Дунай» мы з сябруком
І кралі хлеб. Паўбохана, не болей.

Бацькі жылі няблага, ад зямлі,
У кубле сала, смачны мёд у сотах.
Не скажаш, што галоднымі былі,
Але ж... Пасляваенная басота.

Так шмат было тады ў нас патрэб,
Хто з фінкаю хадзіў, а хто — з кастэтам.
Таму і смачным быў нам гэты хлеб,
Пасля заняткаў скрадзены з буфета.

Усё было. У канавах — шчупакі,
У ашчадных касах — новенькія грошы.
У навальніцу ў сёлах мужыкі
Разеткі «апраналі» ў галёшы!

О божа ж мой, які няўмольны час,
Ссівела і злысела галава.
Даўно ніхто не пазнае тут нас,
Наш першы выпуск школы нумар два.

Я тут гадоў як сорок не жыву,
Усё перарабляюць тут старанна.
Даўно спалілі, знішчылі царкву,
У якую я хадзіў з бабуляй Ганнай.

Такое не асіліць аднаму,
Ды некаму ж падпалам дагадзілі...
Вось і касцёл загналі ў турму,
Загарадзілі, быццам пасадзілі.

Другога выйсця, пэўна, не было,
Каб адсадзіць каталікоў ад храма.
Вось і забралі Богава жытло
І нацягнулі дрот наўкол старанна.

Няма касцёла, Божанькі няма?
І трэба, пэўна, іншым пакланяцца...
Цяпер там «зона», там цяпер турма,
Далі ёй назву УЖ пяць дроб пятнаццаць.

...Ах, родны горад, лёгкі крок і ўздых,
Адсюль вядзе ізноў кагосьці шлях.
А лепшы шлягер тут у маладых
Цяпер «Такая осень в лагерях...».

Жыровічы

Песнямі птушак напоўніўся гай,
Вішні цвітуць — быццам снег!
Ценем іконы — манах Мікалай.
Бембель Алег.

Ты яго ціха, ледзь чутна пакліч
(Бачыш, стаіць у журбе),
Сьдзе з прыступкаў няскораны Зьніч
І перахрысціць цябе.

Нічога ў яго не валілася з рук,
І мары былі, і ідэі.
Жыў лёгка і весела Юрый Дзмітрук,
І нам быў ён сябрам надзейным.

Не будзеш ніколі ты ў забыцці,
Ты тут, ля агню, уваскрэснеш...
Было дзве стыхіі ў цябе ў жыцці
Найлепшыя — горы і песні.

Усё было добра, усё было так,
І жыў ты не хлебам адзіным.
І мог, за гадзіну сабраўшы рукзак,
Махнуць на Каўказ ці ў Хібіны.

Ты быў гаспадар па жыцці, а не гоस्ць,
Быў сонечным блікам і промнем.
Ты не адышоў назаўсёды. Ты — ёсць!!!
Бо помнім..

* * *

Хочацца язіну і вясны,
З траваў лугавых глядзець на зоркі.
Галасы бацькоў яшчэ чутны,
Сніцца, быццам ходзяць па надворку.

Што нам за Радзіму даражэй? —
Тут жывем і не мяняем звычак.
Галасы бацькоў ужо бліжэй,
Хоць нікуды нас яны не клічуць.

Жанна КРЕМЕР

Синдром «выгорания журналиста»

О трагедии в минском метро до сих пор говорят и спорят. О пострадавших, их спасателях и вероятных «палачах» написано немало. Мои заметки — о работавших в экстремальной ситуации репортерах, их не заметных для общества, но, увы, до сих пор не изжитых душевных травмах.

Я тебе, б..., снимаю!

В круговерти видеокладов, запечатлевших страдание, мне почему-то особенно запомнился ролик, который появился в сети, кажется, уже в день взрыва. Кто-то — возможно, один из пострадавших — снимает видео в подземном переходе над развороченной станцией метро. Судя по качеству ролика, использовалась встроенная камера сотового телефона. Всё в дыму, детали просматриваются слабо. В какой-то момент направляющаяся к выходу женщина начинает кричать на «оператора». В грубых выражениях она протестует против съемки и угрожает владельцу телефона. Думаю, с такой реакцией в подобных ситуациях сталкиваются не только «гражданские журналисты», но и обычные, редакционные.

Что можно, а чего нельзя снимать и показывать зрителю, уже не раз за это время обсудили и мои коллеги. Например, Янина Мельникова на сайте БАЖ в своей колонке в материале «Трагедия «крупным планом»» высказывается за осторожное использование визуальных материалов в сюжетах о трагедиях. Что, конечно же, соответствует и моему пониманию профессиональной этики.

И все же я уверена: снимать журналист должен все, что в такой момент видит. Но это не значит, что все пойдет «в эфир». Хотя бывают случаи, когда польза от подобной публикации больше, чем возможный вред. Пример — неожиданные кадры, о которых много дней судачили на белорусских интернет-форумах. На снимках видно, как белорусский президент, посетивший только

что взорванную станцию метро в сопровождении маленького сына, стоит в непосредственной близости от тел погибших.

Если снимок в такой ситуации не имеет следов монтажа, у общества возникает множество вопросов: о том, например, на каком этапе ребенок был в метро, что видел и ощущал; или о том, почему президента снимают на фоне трупов и не провоцирует ли проведение фотосъемки задержку экспертизы на месте происшествия; о том, почему президентская охрана так уверена, что повторных взрывов не будет, если прошло так мало времени после теракта, а главу государства в потенциально опасное место уже пустили, и многие-многие другие...

Ответов и на более безобидные вопросы в других цивилизованных странах порой хватало для общественно важных изменений в стране или как минимум для разрушения карьеры определенного политика. Поэтому снимать нужно! А вот публиковать, конечно же, — только очень точно все взвесив.

Стальной выдержке на кафедре журналистики не учат

Что чувствует человек, вынужденный слиться с теле- или фотокамерой и хладнокровно снимать то, что видит? Врачи, спасатели, пожарные — все они специально учатся работать в экстремальных условиях, абстрагироваться от человеческих

мучений, ради того чтобы как можно эффективнее людям же и помогать. И тем не менее они — группа риска по депрессиям и «синдрому выгорания». А учат ли журналистов работе в таких условиях? Или все приходится усваивать только через личный опыт?

Опрос белорусских коллег показал, что многие из тех, кто освещал жестокий разгон демонстрации 19 декабря прошлого года и события на месте взрыва 11 апреля 2011-го, чувствуют подавленность, депрессию, страдают бессонницей и испытывают прочие признаки «синдрома выгорания».

Во всем мире подобные симптомы знакомы журналистам. Но в большинстве стран эти симптомы принято увязывать с особым типом работы, с погоней за новостью и желанием быть первым (иначе читать будут других), с ненормированным рабочим днем. Средний возраст журналиста в мире очень молодой, около 35 лет («Почему журналисты уходят?» Вивианэ Гутцвилер). Дело в том, что многие не выдерживают «диктофонной доли» и «сходят с дистанции» намного раньше пенсионного возраста.

Мало того что профессия сама по себе не позволяет расслабиться, в странах с авторитарным режимом или в зоне военных конфликтов ко всему прочему в качестве стрессогенных факторов добавляются прессинг власти, прямая угроза жизни и здоровью, переживания от наблюдаемого...

От ученых-биологов мне приходилось слышать о том, что лабораторные мыши и крысы, на глазах у которых умерщвляют их сородичей, проявляют признаки депрессии. Некоторые из них, например, не могут потом больше совокупляться. Человеку тоже свойственно ощущать опасность

и давление, если по какому-то признаку наносят сильный вред кому-то из группы, с которой он себя ассоциирует.

Могут ли быть спокойными независимые белорусские журналисты после многократных обысков в редакциях с изъятием или порчей техники, с синяком под глазом, как у Натальи Ради-

В странах с авторитарным режимом или в зоне военных конфликтов ко всему прочему в качестве стрессогенных факторов добавляются прессинг власти, прямая угроза жизни и здоровью, переживания от наблюдаемого...

ной после одного из таких досмотров? Могут ли они спокойно спать после приговора Александру Отрощенко — 4 года в колонии усиленного режима только за то, что тот присутствовал на демонстрации в качестве репортера? Можем ли мы все быть в полной мере здоровы после подозрительного «самоубийства» Олега Бебенина?

Обложили

Белорусские журналисты, работающие в независимых СМИ, уже долгие годы в опасности, и в последнее время она только возрастает. Прежде всего, усилилось давление со стороны власти. Еще один стрессовый фактор — травматические события, свидетелями которых журналисты становятся по долгу службы. Не знаю статистики, но у меня есть ощущение, что за последние пару лет и разгоны уличных акций стали жестче, и взрывы участились... Увиденное и услышанное, как утверждают психологи, может запечатлеться в памяти надолго и впоследствии разъедать здоровье изнутри.

К тому же, как показывает уже упомянутый мною ролик, направленный на место события объектив вызывает непонимание и агрессию у обычных граждан. Пропагандисты по телевидению подливают масла в огонь, легко переключаясь с «ур-р-роды взорвали» на «ур-р-роды снимали и выкладывали в интернет ради рейтинга».

Журналиста не ценят, он в опасности, общество до конца не понимает его важности, пропаганда травит, государство лишает возможности работать и угрожает его профессиональной свободе. Чего греха таить — состоятельным в Беларуси на ниве независимой журналистики сегодня тоже не стать, разве что перейти в ряды штатных пропагандистов. И в таких вот условиях все еще есть люди, которые продолжают работать журналистами, думают об этике, сомневаются, ищут, стараются заснять, написать, раскопать и донести до общественности объективную информацию. Оценит ли Беларусь когда-нибудь вклад каждого из них?

Photo.bymedia.net

Пулитцер за смертельную депрессию

Фотограф Антон Мотолько написал в своем блоге через день после трагедии в метро: «Пост для тех, кто пишет всякое дерьмо в отношении фотографов. Не все так просто, как вам может казаться на первый взгляд. И шутим мы и улыбаемся для того, чтобы не сойти с ума, снимая “тяжелые” темы. Поймите и примите это. Спасибо».

Как один из примеров, над которым стоит задуматься, Антон приводит историю «коллеги по фотокамере» Кевина Картера. Тот стал обладателем Пулитцеровской премии 1994 года. Победу Картеру принес снимок согнувшейся от голода суданской девочки, которая скоро умрет. Рядом с ней сидит большой кондор, который уже готов к этому событию. Антон пишет: «Что это за ребенок — никому не известно. Картер сделал снимок, прогнал хищника и посмотрел, как уходит маленький умирающий человек. Спустя два месяца после получения награды Кевин Картер покончил с собой. Так закончилась жизнь одного из четырех бесстрашных фотожурналистов из группы Bang Club, который путешествовал по Африке в поисках фотосенсаций, но не смог переступить через увиденное в Судане».

Фотоблоггер и журналистка Ксения Авимова тоже не смогла сдержаться в те дни и написала в своем блоге: «И да, я буду снимать плачущих родственников и пострадавших в реанимации. Чистоплюи, которые зовут журналистов стервятниками, дружным строем идут — ну вы поняли. Я третьи сутки не могу нормально поесть и поспать и с травмированной ногой ношусь по городу по десять часов кряду, чтобы вы потом не кричали о том, что вам не хватает информации. Нет, мне не стыдно за свою профессию и своих коллег...»

Как там у них

В западных странах тема посттравматического синдрома и «бернаута» — «синдрома выгорания» среди журналистов — относительно недавно стала поводом для обсуждения. Под специфику профессии разрабатывают соответствующие семинары, на которых учат правильно обходиться с травмирующими впечатлениями, объясняют основы психологии и дают возможность журналистам обменяться таким специфическим опытом. Например, принято считать, что пишущие журналисты в целом лучше прорабатывают стресс, так как «выговариваются» в своих статьях. Хуже приходится фото- и видеожурналистам.

В Европе различными институтами время от времени проводятся исследования по теме травмы у журналистов. В разное время вопрос изучали университеты Гамбурга и Айхштета. Однако полученные сведения отрывочны и противоречивы, а сами исследования нерегулярны.

Университет британского города Борнмут проводит ряд семинаров, посвященных теме травмы в журналистике. Кроме теоретических знаний студенты получают и практические навыки. С помощью ролевых игр они могут изучить, что происхо-

«Я третьи сутки не могу нормально поесть и поспать и с травмированной ногой ношусь по городу по десять часов кряду, чтобы вы потом не кричали о том, что вам не хватает информации».

дит, например, во время террористических актов, как меняется поведение у жителей населенного пункта и как правильно обращаться с пострадавшими, в том числе и в качестве интервьюеров.

Photo.bymedia.net

В Америке существует «Dart Centre for Journalism and Trauma». Это социальная сеть, состоящая из журналистов и терапевтов. Она была основана в конце 1990-х и аккумулировала за прошедшие годы большое количество материалов для изучения. На сайте центра можно найти, например, фильм «Reporting Columbine» о том, как проводилось информирование о «школьной резне», происшедшей в 1999 году в Литлтоне (Колорадо). Во время той трагедии погибло 12 человек. Многосерийный фильм рассказывает об опыте журналистов и психотерапевтов, работавших с пострадавшими.

Дарт-центр также проводит тренинги для журналистов. Ведущие каналы во всем мире уже осознали проблему и пытаются с ней работать. Немецкий канал ZDF организовал психологическую помощь своим сотрудникам после катастрофы цунами. Часть редакционной команды

проходит специальный тренинг, после чего может оказывать своевременную психологическую помощь остальным коллегам. ВВС сделала в этом смысле ставку на обучение своих шеф-редакторов.

В современных белорусских условиях каждому журналисту стоило бы включать в список обязательной литературы по профессиональному развитию книги о психологической самопомощи.

Аналогичные тренинги предлагает международная организация «International Society for Traumatic Stress Studies» и немецкое общество «Deutschsprachige Gesellschaft für Psychotraumatologie e. V.».

В современных белорусских условиях каждому журналисту стоило бы, по-моему, включать в список обязательной литературы по профессиональному развитию книги о психологической самопомощи.

Специалисты советуют журналистам следующее

1. Думайте о проблеме заранее, если вам предстоит пережить травматическую ситуацию. Не важно, получили ли вы уже конкретное задание или еще только предполагаете, что такое вообще однажды может случиться. Чем лучше вы понимаете, что вас ждет, например, на выезде к месту аварии, тем легче вам будет.

Для этого стоит обсудить с коллегами свои ожидания и страхи, собрать по возможности максимум предварительной информации о происходящем, не ожидать от себя слишком многого в плане выдержки. Важно помнить, что вы живой человек и у вас нормальные человеческие реакции. Разрешите себе страх, горе, волнение, тогда их будет легче держать под контролем.

Решите для себя заранее, в каких условиях вы будете оставаться журналистом, а в каких — отклонитесь от своих профессиональных обязанностей (например, помогать выносить раненых или продолжать съемку, уйти из толпы по требованию ОМОНа перед разгоном демонстрации или остаться внутри и тем самым перейти из разряда наблюдателей в разряд участников митинга). Это очень тонкий вопрос, и хорошо бы его обдумать заранее, чтобы не растеряться в критической ситуации.

2. Не абстрагируйтесь и не пытайтесь играть в супермена. У вас все равно не получится закрыться броней и ничего не почувствовать. Поэтому лучше настройте себя на то, что если вам придется оказаться в критической ситуации, то вы будете испытывать определенные неприятные чувства, что это естественная реакция и что ее надо прорабатывать, т. е. не молчать о ней, не делать вид, что все в порядке, и не пытаться забыть. Наоборот, эту ситуацию нужно обсуждать с коллегами, близкими людьми и даже психологами.

3. Если вы уже побывали в травмирующей ситуации, следите за своей реакцией. У вас психологическая травма, если вы постоянно думаете о происшедшем, вас преследуют другие тревожные мысли, вам снятся кошмары, если появились необычные физические реакции, такие как возбудимость или подавленность, бессонница, усиленное потоотделение, трудности в концентрации внимания, если вы избегаете определенных ситуаций или мест.

4. Одно из важных условий для обретения душевного равновесия после травмы — налаженный режим дня. Старайтесь ложиться спать и подниматься утром в одно и то же время. Питайтесь вовремя и правильно. Занимайтесь физическими упражнениями. Почаще бывайте на свежем воздухе. По возможности откажитесь от кофеина и алкоголя. И главное — обязательно раз за разом проговаривайте свои переживания, обсуждайте происшедшее и свои чувства с кем-то близким или даже с психотерапевтом.

Берегите себя, коллеги!

Бізнес страху

Ганна ГАРАЧКА

Дзіўным чынам кніга Зыгмунта Баўмана «Плыны страху», дзе аўтар сыходзіць з пазіцыі, што перамагчы страх немагчыма, дазваляе паглядзець шмат на што больш спакойна. І менш баяцца.

Зрэшты, англійскі сацыёлаг польскага паходжання лічыцца парадаксальным аўтарам. Напрыклад, сцвярджаючы, што «адзіны пункт, на які можна абапірацца, — гэта індывідуальнасць», ён хоча вярнуць людзям здольнасць да калектыўных дзеянняў.

Зыгмунт Баўман — адзін з самых буйных у свеце сацыёлагаў, прафесар універсітэта ў Лідсе (Вялікабрытанія). На просьбу аб інтэрв'ю прафесар, якому ўжо 86 гадоў, адгукнуўся адразу і праз дзень даслаў напісаныя па-польску адказы на пытанні. Вось пераклад ліста ад Зыгмунта Баўмана.

Беларусы імкнуцца да свабоды, да адкрытага грамадства ў тым ліку, каб назаўжды пазбыцца страху. Але ці спраўдзяцца гэтыя надзеі, бо вольны свет сам жыве ў несупынным страху?

Зыгмунт Баўман: Сапраўды, Еўропа сама баіцца шмат чаго, напрыклад, наплыву эмігрантаў на рынкі працы, якія не могуць ужо змясціць усіх «мясцовых»... Паўтараю, паўтараю і паўтараю: на тое, што мы назаўжды пазбудземся страху, надзеі амаль няма. Варта памятаць, што падстава ўсіх страхуў ёсць страх смерці (мы, людзі, з'яўляемся адзіным відам жывёл, які ведае ад нараджэння, што мусіць памерці), і не падобна на тое, каб гэты страх знік. Мы толькі збываем яго, канцэнтруючы сваю ўвагу не на тым, каб прадухіліць смерць (гэта немагчыма), а на барацьбе з чарговымі яе прычынамі (кепскае харчаванне, тытунь, недахоп фізічных высілкаў, вар'яты-кіроўцы на дарогах, падазроныя тыпы па суседстве і г. д.). А перадусім — каб абараніцца ад «касцюмаванай рэпетыцыі смерці», г. зн. ад страты сваёй пазіцыі ў грамадстве, ад дэградацыі, прыніжэння, — баімся быць непрызнанымі, застацца без партнёра, баімся самотнасці...

Паўтараю яшчэ раз, няспынны, нявызначаны страх пастаянна шукае аб'ект, на якім можна было б сканцэнтравіць дзейнасць «супраць страху»! Кожная такая дзейнасць прыносіць палёжку, але

часовую. Страх не знікае, ён толькі пераносіцца на іншы аб'ект. Пра гэта сведчаць і агароджаныя з усіх бакоў двары з ахоўнікамі, і ледзве не браніраваныя аўтамабілі, гэтак модныя цяпер на Захадзе... Страх перад чужымі, педафіламі, маньякамі, рабаўнікамі... Каб іх не было, трэба было б іх выдумаць. Яны патрэбныя, як сцёкавыя каналы, па якіх сплываюць нечыстоты, або як сметнікі. Без іх мы б атруціліся гнілымі выпарэннямі.

Страх — гэта з'ява, якая знаходзіцца па-за межамі грамадскага ладу. Толькі віды страху, якія даймаюць нас удзень або ўночы, залежаць (прынамсі, часткова) ад грамадскага ладу. Страх можа прытаіцца «зверху» або «збоку». Можна баяцца ўлады і яе сілавых структур, а можна таксама баяцца той небяспекі, пра якую нагадвае рынак, прапануючы як правераны сродак для барацьбы са страхам, напрыклад, відэакамеры пры кожных дзвярах, замкі, якія немагчыма зламаць.

Пачуццё страху дапамагала людзям выжываць. А якая карысць ад яго ў сучаснасці?

Зыгмунт Баўман: Імкненне да пачуцця бяспекі ўласцівае ўсім людзям і, вядома, не толькі людзям. Гэта даўно назвалі інстынктам выжывання. На

пытанне, чаму ён існуе, адказу няма, але ўжо само пытанне — доказ існавання гэтага інстынкту, бо інакш бы было б каму задаваць пытанне і адказаць на яго... Але для людзей «выжыванне» мае сэнс большы, чым для іншых жывых істот. Апрача ўласна захавання жыцця гэта яшчэ і захаванне сацыяльнай пазіцыі, пашаны і прызнання, засцярога ад краху і прыніжэння, гэта яшчэ і стасункі з блізкамі ды сябрамі. Усё патрабуе клопату.

Цяпер настаў час, калі капрызны прыроды ўжо не так, як раней, страшныя для фізічнага выжывання (ваўкі зніклі з навакольных лясоў, на невылечныя колісь хваробы ёсць лекі, каб не пакутаваць, ёсць сродкі для абязбольвання...). Затое значна ўзрос страх страціць пазіцыю, старанна выпрацаваную «ідэнтыфікацыю ў грамадстве», згубіць пачуццё самапавагі і г. д. Усё — і спосаб, якім мы зарабляем сабе на жыццё, і ступень нашай кваліфікацыі, і ацэнка нашых заслуг ды дасягненняў, і партнёрскія сувязі, і набытыя намі правы — усё гэта крохкае, нетрывалае, зменлівае. Немагчыма прадбачыць, адкуль чакаць удару, а пазбегнуць яго нам цяпер цяжэй, чым некалі нашым продкам зграі галодных ваўкоў або бандытаў на дарозе.

Што рабіць са страхам?

Зыгмунт Баўман: Страх не пытае дазволу. Ён нападае зняцку, і толькі дзякуючы сур'ёзнай трэніроўцы, загартоўцы характару, мастацтву валодання сабой можна не паддацца яму або, калі ён усё ж намі завалодае, пазбыцца яго ці, прынамсі, ігнараваць. Гэта мы ведаем, бо ўсе маем падобны до-

Упартай прапагандай можна дабіцца, каб людзі дрыжэлі ад страху перад нечым такім, што ім, прынамсі, не пагражае, а на тое, чаго сапраўды варта баяцца, не звярталі ўвагі.

свед. Аднак далёка не заўсёды мы ўсведамляем, што, каб панікаваць, баяцца, высочваць кругом няшчасці, палохацца цёмнай вуліцы і г. д., таксама патрэбная трэніроўка... Людзей можна навучыць баяцца і навучыць, чаго менавіта ім баяцца. Упартай прапагандай можна дабіцца, каб людзі дрыжэлі ад страху перад нечым такім, што ім, прынамсі, не пагражае, а на тое, чаго сапраўды варта баяцца, не звярталі ўвагі. Можна маніпуляваць пачуццём страху, а напружанне ад пагрозы скіроўваць туды, дзе сапраўдных прычын, каб баяцца, вельмі мала або зусім іх няма. Такая «пластычнасць» чалавечай баязлівасці спрыяе таму, каб на маніпуляцыях страхам скалаціць дужы палітычны або камерцыйны капітал. І шмат ёсць ахвотных.

Каб праілюстраваць камерцыйныя прыбыткі, выціснутыя з людскіх страху, далучаю два

даследавання мною прыклады ў тым выглядзе, якія былі напісаныя год таму.

Прыклад першы «Свіны грып» і іншыя падставы да панікі

Я моцна сумняваюся, што, калі вы будзеце чытаць гэтыя радкі, вы ўсё яшчэ будзеце дрыжэць ад страху, баючыся віруса «свінога грыпу», які з Мексікі праз Атлантыку рвецца да нас. Сумняваюся, што вам гэтак жа страшна, як людзям (пад ціскам медыяў) вакол мяне сёння, калі я пішу гэтыя словы. Я нават не ўпэўнены, што вы будзеце яшчэ памятаць тую паніку.

Зрэшты, газетныя загаловкі імкнуцца, каб чытачы выкінулі з памяці навіны мінулага тыдня і вызвалілі месца для новых. А калі казаць пра выбухі панікі, дык чым больш яна інтэнсіўная, чым мацней напачатку адчуванне пагрозы, тым хутчэй слабне яе здольнасць марозіць кроў у жылах і псаваць нервы, тым хутчэй будзе вычарпаная здольнасць перажываць.

Для павелічэння накладаў газет і пашырэння аўдыторыі тэлегледачоў увесь час патрэбны новыя жахлівыя навіны.

Цікава, што цяпер, калі вы чытаеце гэтыя словы, выклікае ў вас панічны страх? Мяркую, вы нават скажаце, быццам я прыгадваю старую гісторыю, даўно закрытую справу (ці была яна калі адкрыта?), нешта такое, на што не варта губляць часу і забіваць сабе галаву. Хапае, напэўна, ужо новых прычын баяцца, дык няма ні жадання, ні часу прыгадваць старыя.

Ужо зараз, калі я пішу гэтыя словы, на першых старонках газет — іншая інфармацыя, якая перасцерагае, б'е трывогу і сее паніку. Навіны пра «свіны грып» адышлі далей і друкуюцца меншым шрыфтам.

І тон гэтых навін (гэтага не было яшчэ некалькі дзён таму) змяніўся, з'явіўся недавер, іронія, скепсіс. Барт Лоўз (Bart Laws), кіраўнік Tufts Medical Center у Бостане, напрыклад, меланхалічна заўважае, што ўлады, якія абвясцілі пагрозу пандэміі, «зрабілі тое, што павінны былі зрабіць. Магчыма, але малаверагодна, што вірус наробиць сур'ёзных клопатаў». І дадае: «Падобна на тое, што праз пару тыдняў паніка сціхне, бо сезон грыпу заканчваецца і нішто не паказвае, каб вірус паводзіў сябе незвычайна».

Падвядзенне вынікаў апошніх падзеяў, зробленае Сайманам Джэнкінсам (Simon Jenkins) у «Guardian», яшчэ больш скептычнае і саркастычнае, але яно сугнаснае праблемы: «Мутацыя віруса непакоіць. Нішто, аднак, не абгрунтоўвае тую пандэмію, якую разгарнулі ўлады разам з медыямі».

Мы ўжо ведаем, што ў Мексіцы ахвяр новай мутацыі віруса грыпу не больш, чым звычайна ад звычайнага сезоннага грыпу. Але нашмат менш, чым ахвяр аўтакатастроф. Штогод на свеце ад грыпу памірае каля 12 тысяч чалавек, у ЗША — каля 150 дзяцей. Для параўнання: толькі ў 2003 годзе ў ЗША 7 677 дзяцей загінулі ў аварыях на дарогах, а

3 001 — у выніку злачынстваў. Людзі, якія прыехалі ў Мексіку, калі там была выкрыта новая мутацыя віруса грыпу, і трапілі у каранцін з падазрэннем, што яны — патэнцыяльныя распаўсюднікі сусветнай пандэміі, у большасці мелі харчовае атручэнне, што пасля наведвання гэтай краіны не дзіва.

Таксама мы ведаем, што брытанскі ўрад замовіў 32 мільёны масак, якія ляжаць на складах, і хутка іх трэба будзе выкінуць, каб вызваліць месца для іншых матэр’ялаў, неабходных у чарговай «надзвычайнай сітуацыі». Урад добра разумее, што для перамогі на наступных выбарах трэба трымацца жалезнага правіла: «папярэджаны заўсёды ўзброены», і з мільёнаў тэлеэкранаў глядачы мусяць бачыць «энергічныя дзеянні кіраўніцтва», якое пільна выкрывае тайныя змовы, пагрозы і нябачныя воку небяспекі.

Патрачаныя мільёны фунтаў стэрлінгаў, каб забяспечыць шпіталі і паліклінікі запасамі *Oseltamivir* ды лекамі, якія выпускае дужы фар-

Для павелічэння накладаў газет і пашырэння аўдыторыі тэлегледачоў пастаянна патрэбны новыя жажлівыя навіны.

мацэўтычны канцэрн *Hoffmann-La Roche* пад назваю *Tamiflu*. А 6 верасня 2009 года Робін МакКі (Robin McKie), галоўны рэдактар навуковага аддзела «Guardian», пайнфармаваў, што акцыя «назапашвання мільярда доз лекаў, неабходных у выпадку выбуху эпідэміі «свінога грыпу», прынесла прыбытак у дзясяткі мільёнаў фунтаў стэрлінгаў фармацэўтычным фірмам, якія атрымалі замовы на забеспячэнне адпаведных запасаў пеныцыліну, морфію, дыазэпаму і інсуліну на той выпадак, калі б нечаканы выбух эпідэміі «свінога грыпу» спыніў фабрыкі, дзе робяць гэтыя лекі, ды паралізаваў іх дастаўку». Рашэнне аб назапашванні лекаў было прынятае без уліку меркавання дасведчаных медыкаў, дарадцаў Міністэрства аховы здароўя, якія сцвярджалі, што хваля «свінога грыпу» не будзе такою грозная.

Былі патрачаны грамадскія грошы, сабраныя пад пагрозай пакаранняў у выглядзе падаткаў і ад тых, хто паддаўся паніцы, і ад тых, хто ёй не паддаўся. Гэта змова палітыкаў з бізнесоўцамі? Магчыма. А ўрад павінны дэманстраваць выбарцам, што кожны дзень ахоўвае іх жыццё і дабрабыт ад неверагодных катаклізмаў, ад смяротных пагроз і пастак. Таму сэр Ліям Дональдсан (sir Liam Donaldson), галоўны ўрач Вялікабрытаніі, папярэдзіў, што радавацца рана, што «можам ізноў зімою чакаць вяртання «свінога грыпу»».

Абвясчэнне фальшывай трывогі пра глабальную эпідэмію стала асноваю функцыянавання медычна-прамысловага комплексу ў такой ступені, што ўжо не хапае розуму адрозніць, што тут праўда, а што цынічны разлік. Запалоханыя мы

да стану поўнай запалоханасці... У каго з тых, хто чуе хор панурых прарокаў пагібелі, хопіць адвагі, наўнасі і неразважлівасці, спыніць гэта і сказаць: «Праверым», — ды ўпэўніцца, што рызыка выдуманая і раздзьмутая да абсурдных памераў?

Каб заткнуць рот нязгодным і прымусяць маўчаць голас розуму, вірус падыходзіць найлепш, бо яго не відаць, нават моцная опытка не дае пэўнасці, што яго няма ў паветры. У нас, каму адрасаваны перасцярогі, тых, хто лёгка паддаецца ўмела раздзьмутаму страху, няма доступу да лабараторый, з якіх паходзяць весткі пра зласлівую мутацыю віруса. У нас ёсць толькі выбар: або даверыцца экспертам, «людзям, якія ведаюць», або... Ну менавіта або што?..

Сайман Джэнкінс заканчвае свае разважанні перакананнем, што «калі страх міне і ўсё будзе падлічана, мусяць быць расследаванні прычын гэтага фіяска».

Джэнкінс не верыць, аднак, што такое расследаванне дапаможа ў будучыні стрымліваць выбухі панікі. Таму ён кажа, што трэба, паводле старой парады Вальтэра, забіваць час ад часу якога-небудзь вірусалага, каб астатнія не сеялі паніку... Калі пакінуць без увагі нялюдскі характар гэтай парады, не верыцца ўсё ж, каб яна была карысная. Вірусалагі робяць сваю справу. Запалохванне вынікам іх працы (або тым, што падаецца нам як вынікі іх працы) справа іншых — моцных і заможных. Гэта яны выкарыстоўваюць адкрыцці вірусалагаў у сваіх палітычных і камерцыйных мэтах. І гэта яны маюць прыбытак, атрымліваючы каштоўныя пункты у рэйтынгах.

Прыклад другі Лекі і хваробы

Панятак «хвароба» ёсць ва ўсіх культурах і мовах. З пракаветных часоў у мовах свету існуюць аднолькавыя па значэнні словы, якія, як слова «нездаровы», маюць сэнс «недахоп здароўя», «дысфункцыя цела або псіхікі», «немач», «недамаганне». Гэта слова інфармуе, што самаадчуванне не такое, якім павінна быць, не адпавядае *норме*. Хвароба азначае *ненармальнасць* стану, у якім знаходзіцца *нездаровая* асоба.

Аднак сучасны тэрмін «хвароба» часта ўжываецца ўзамен панятку «стан, які вымагае медычнай інтэрвенцыі» («*medical condition*»). Гэты панятак толькі здаецца адпаведнікам першага. Бо паціху ён прыўносіць дадатковае, але вельмі істотнае значэнне, якое пытанне пра «недахоп здароўя» пераносіць у зусім іншае вымярэнне. Цяпер з хваробай мы маем справу, калі на сцэне з’яўляюцца лекары.

Панятак «стану, які патрабуе медычнай інтэрвенцыі» («*medical condition*») без ваганняў вырашае тое пытанне, якое магло б стаць прадметам дыскусіі ці нават спрэчкі, а менавіта, ці *стан* аж такі сур’ёзны, што сапраўды патрабуе *медычнай інтэрвенцыі*. Гэты панятак закладае (як «рэч

відавочную»), што трэба ісці да лекара або выклікаць яго, зрабіць аналізы, атрымаць рэцэпт, купіць лекі і прымаць іх ды выконваць усе прадпісанні.

Марсія Энджэл (Marcia Angell), рэцэнзуючы ў «The New York Review of Books» 15 студзеня 2009 года некалькі працаў, прысвечаных гэтай тэматыцы, заўважыла, што «ў апошнія гады фармацэўтычныя фірмы знайшлі новы і вельмі эфектыўны метады пашырэння свайго рынку. Замест таго каб рэкламаваць сродкі, якія служаць для лячэння хвароб, яны пачалі рэкламаваць хваробы, якія пасуюць да

Іронія лёсу, што мы самі фінансуем свае расчараванні.

тых сродкаў, што яны выпускаюць». Новая стратэгія маркетынгу засноўваецца на тым, каб «пераканаць амерыканцаў, што існуюць толькі дзве катэгорыі людзей: тыя, якім патрэбнае лячэнне фармакалагічнымі сродкамі, і тыя, якія яшчэ пра гэта не ведаюць».

Аднак заўважу, што не фармацэўтычныя фірмы вынайшлі і першыя выкарысталі гэту стратэгію. Яны толькі падтрымалі сучасную маркетынгавую тэндэнцыю. Цяпер рэклама новага тавару ўжо не адказвае на наяўныя патрэбы, яна мусіць *выпрацоўваць попыт на тыя тавары, якія ўжо трапілі на рынак, і яе задача даставацца да логікі фірмы, якая жадае атрымаць попыт, а не да логікі людзей, якія жадаюць задаволіць свае патрэбы.*

Гэта новая тэндэнцыя паспяхова развіваецца дзякуючы прышчэпленаму нам перакананню, што імкненне да самаўдасканалення і пачуцця самазадаволенасці не мае і не можа мець межаў. Нават калі мы адчуваем сябе выдатна, мы можам і павінны адчуваць сябе яшчэ лепш...

Калі наш *стан здароўя* можна ўявіць схема тычна з ніжняю і верхняю межамі (дасягненне апошняй дае нам хвіліну адпачынку), дык *фізічная спраўнасць* (якая заняла месца здароўя, а прынамсі, сапхнула яго на другарадную пазіцыю), не мае ўжо ніякіх межаў. Барацьба за фізічную спраўнасць у адрозненне ад клопату пра здароўе (у традыцыйным значэнні гэтага слова, якое мы атрымалі ў спадчыну ад нашых продкаў) ніколі не закончыцца. Твае адчуванні могуць быць яшчэ больш інтэнсіўныя і прыносяць больш задавальнення, чым зараз, прыемнасці — яшчэ больш прыемныя, а асалода — больш салодкая.

Дзякуючы вынаходлівасці фармацэўтычных фірмаў, наш натуральны клопат пра здароўе цяпер *выкарыстоўваецца для фізічнага ўдасканалення і павелічэння пачуцця самазадаволенасці.* Нам, спажывцам у спажывецкім грамадстве, застаецца толькі прыстасоўвацца. Часткаю нашай жыццёвай філасофіі (ці агульнавядомым фактам) стала перакананне, што шлях да фізічнай дасканаласці і глыбокай самазадаволенасці вядзе да прылаўкаў, а што купляць — падкажа рэклама. Гэта

перакананне адыгрывае ролю асноўнага і невычарпальнага капіталу, з якога фірмы маюць усё большыя прыбыткі.

Не істотна, ці немац, на якую з'яўляюцца новыя лекі, сур'ёзная і мае небяспечныя наступствы. Важна, як шырока яна распаўсюджана, колькі ў шэрагах патэнцыяльных пакупнікоў лекаў, якіх чакаць прыбыткаў. Паводле гэтага прынцыпу, недамаганні, з якімі большасць лёгка спраўляецца без дапамогі лекара (такія як пякотка, перадменструальнае напружанне або такія распаўсюджаны брак веры ў сябе, вядомыя як сарамлівасць), сталі ў апошні час лічыцца хваробамі. Іх навуковыя часта дзіўныя і незразумелыя назвы гучаць злавесна. Напрыклад, звычайную пякотку лекары або фармацэўты называюць «gastroesophageal reflux disease». Недамаганні сталі хваробамі, якія патрабуюць неадкладнага ўмяшання медыкаў.

Хрыстафер Лэйн (Christopher Lane) прасачыў цудоўную медычную і фармацэўтычную кар'еру аднаго з самых распаўсюджаных чалавечых адчуванняў — пачуцця сорама (хто з нас ніколі не адчуваў сябе прысаромленым або збянтэжаным?). Гэта ўсім вядомае непрыемнае адчуванне называецца цяпер лекарамі вельмі паважна: «*social anxiety disorder*». У 1980 годзе пра гэту немац (якая выступала тады пад неактуальнай ужо назвай «сацыяфобія») у прафесійным выданні Амерыканскага псіхіятрычнага таварыства *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders* (дзе класіфікуюцца псіхічныя адхіленні) пісалі як пра «рэдкую». У 1994 годзе яна ўжо лічылася «выключна частаю». У 1999 годзе дужы фармацэўтычны канцэрн *GlaxoSmithKline* пачаў вартую мільёнаў даляраў кампанію застрашвання, каб падрыхтаваць рынак для лекаў пад назваю *Paxil*, якія мусілі лагодзіць і нават здымаць праявы гэтай «сур'ёзнай хваробы» (як акрэсліваюць яе цяпер у рэкламе). Лэйн цытуе словы Бары Брэнда (Barry Brand), адказнага за ўвядзенне на рынак «*Paxil*»: «Кожны гандляр марыць знайсці новы рынак і загаспадарыць там. І гэта атрымалася з сіндромам грамадскіх страхав».

Вядома, плацім мы ў такіх выпадках за абяцанне вызваліць нас ад канкрэтнага страху або ад канкрэтнай трывогі. Але купленія лекі рэдка (калі яны ўвогуле здольныя гэта зрабіць) пазбаўляюць нас страху. У выніку таго, што існуе агульнае меркаванне, быццам на кожную жыццёвую праблему або немац мусяць быць адпаведныя лекі ў найбліжэйшай аптэцы, вялізны патэнцыял гэтак званых лекаў, «якія робяць шчаслівымі», становіцца крыніцаю бясконцага расчаравання для тых, хто іх ужывае, і бясконцых прыбыткаў для тых, хто іх рэкламуе і прадае. Іронія лёсу, што мы самі фінансуем свае расчараванні. Кожныя новыя лекі, якія з'яўляюцца на рынку ўзамен ранейшых, звычайна больш дарагія, хоць павелічэнне кошту рэдка абумоўлена большаю эфектыўнасцю.

Что прячется за цифрами соцопросов

Сергей НИКОЛЮК,
политолог

Недавно связался через «Одноклассников» со своим университетским приятелем, давно живущим в Штатах. Узнав, что я интересуюсь социологией, приятель выразил удивление по поводу моего «хобби» (я по образованию химик). По его мнению, заниматься социологией в Беларуси бессмысленно — и так, мол, все ясно. Мой приятель руководит лабораторией в фармацевтической компании «Pfizer», поэтому подобный взгляд на одну из базовых наук об обществе ставить ему в вину не следует. Другое дело — политики, наши партийные активисты. Для большинства из них социология — это вид деятельности, связанный всего лишь с измерением рейтингов «заметных мира сего».

Социологи у нас, как и журналисты, делятся на «честных» и «нечестных». Но если «нечестным» журналистам доверяет в республике около половины взрослого населения¹, то результаты исследований «нечестных» социологов в расколотом белорусском обществе не удовлетворяют ни провластное большинство, ни оппозиционное меньшинство. Дело опять же в рейтингах, точнее, в рейтинге. Полагаю, что и без пояснений понятно, о чем рейтинге идет речь. Так вот, для первых он слишком низкий, а для вторых — слишком высокий.

Несмотря на всенародную потребность в знании истинного значения рейтинга, социологи на его замерах не задикиваются. Они изучают не рейтинги, а общество. Общенациональные опросы — лишь один из инструментов, позволяющий им это делать. Первичные результаты опросов представляют собой таблицы. На первый взгляд они понятны и непрофессионалу, а раз так, то любой встречный-поперечный в состоянии

¹ Согласно мартовскому опросу Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), зарегистрированному в Вильнюсе, негосударственным СМИ доверяли 46 % респондентов, не доверяли — 42 %, государственным — соответственно 43 и 49 %.

их прокомментировать, что мы регулярно и наблюдаем (не без помощи журналистов). Между тем сами по себе проценты, получаемые в ходе опросов, не означают **ни-че-го**. Это не мое мнение — это мнение директора Левада-Центра Льва Гудкова. Сомневаться в уровне его профессионализма не приходится. Он самый цитируемый на Западе российский социолог.

Ссылка на авторитет, однако, мало что объясняет, поэтому обращаюсь за помощью к физику Резерфорду, точнее, к его знаменитому опыту, описанному в школьном учебнике. Итак, мы имеем источник альфа-излучения, тонкую золотую пластинку и флюоресцирующий экран. У социологов примерно тот же набор «предметов», только вместо источника излучения — вопросы, вместо золотой пластинки — респонденты, а вместо экрана — заполненные анкеты. Уловили аналогию? Социологи вопросами «облучают» общество и при помощи анкет фиксируют результат «облучения».

В результате прохождения альфа-частиц через золотую пластинку на экране появлялась некая замысловатая картинка. Что она означала? Сама по себе **ни-че-го**. Но из этого **ни-че-го** Резерфорд умудрился извлечь планетарную модель атома. У социологов, как правило, задача попроще. Прежде чем приступить к анкетированию, они уже имеют в голове определенную модель, и анкетирование им необходимо лишь для фиксации состояния общества в режиме «здесь и сейчас», но в рамках этой модели.

Обратимся к табл. 1, позаимствованной на сайте Левада-Центра. Суть вопроса журналистам, я надеюсь, понятна, как понятно и распределение ответов. Но что означает таблица в целом? Прежде чем я выскажу свое мнение, предлагаю читателям подумать и попытаться понять, какое социальное явление прячется за колонками чисел.

Анализировать факты (любые), как я уже отмечал, можно лишь в рамках определенных теоретических моделей. В данном случае воспользуемся моделью российского общества, в соответствии с которой оно бывает в двух состояниях: в спящем и возбужденном. Обратите внимание на первую строку табл. 1. В 1990 г. ежедневно

Таблица 1. Как часто Вы читаете газеты? (в процентах от числа опрошенных)

	1990	1996	1998	2002	2008	2009
Ежедневно	64	24	17	24	19	11
1–3 раза в неделю	26	44	44	52	56	50
1–3 раза в месяц	3	10	11	9	9	9
Реже	2	9	9	6	6	9
Практически никогда	5	13	19	10	9	20

читали газеты 64 % россиян, а в 2009 г. — только 11%! Спрос на периодику находится в обратной зависимости от социальной стабильности. В 1990 г. единое государство в условиях системного кризиса (социального, политического и экономического) быстро приближалось к своему распаду. Население, безусловно, не понимало сути происходящего, но оно проснулось, что и зафиксировали социологи. Пик мирового финансово-экономического кризиса пришелся на 2009 г. Однако надежд борцов с российским авторитаризмом он не оправдал. Общество продолжало сладко посапывать, уткнувшись в потребительскую подушку.

В 2010 г. накануне четвертых президентских выборов в Беларуси оппозиционные кандидаты убеждали себя и своих сторонников в том, что в республике сложилась «новая электоральная ситуация». При этом они постоянно ссылались на рейтинги, непонятно кем замеренные. Между тем весь массив данных, получаемых в ходе стандартных социологических опросов, фактов пробуждения общества не фиксировал.

Игра в пазлы

Трудно припомнить оппозиционного политика, который после ознакомления с личным рейтингом не становился бы в позу и, подражая Станиславскому, не произносил

сакраментального «Не верю!». Причин для неверия за годы независимых социологических исследований озвучено великое множество, но главная из них — страх. В Беларуси, мол, в силу понятных причин люди боятся признаться в своей любви к оппозиции, даже если вопросы им задают не публично, а на их собственных кухнях.

Пытаться переубедить людей заинтересованных — значит понапрасну тратить время. Для остальных же поясню: если опрос проведен профессионально, т. е. выборка соответствует генеральной совокупности, то ответы респондентов следует рассматривать в качестве истины в последней инстанции. Это правда в чистом виде.

Здесь требуется очередное пояснение. Три года назад российский социолог Элла Панеях представила результаты исследований, полученные путем глубинных интервью бизнесменов (распечатка каждого интервью занимала около 50 страниц). На вопрос из зала: «Какая доля правды, на ваш взгляд, содержится в тех историях, которые вы записывали?» — последовал неожиданный ответ: «Ноль. В историях, которые люди рассказывают про свою жизнь, фактической правды, конечно, не ноль, а 3 %, но лучше сразу сказать себе, что ноль».

Социологи не собирают сказки респондентов о своих биографиях, а пытаются реконструировать понимание мира человека по его ответам на вопросы анкеты и уже из этого понимания мира сделать вывод. Элла Панеях привела в качестве примера рассказ молодого предпринимателя, который, по его словам, никогда не имел проблем с налоговой инспекцией, потому что он великолепно знал законы, к каждому визиту в налоговую усиленно готовился, что и позволяло ему «побеждать этих теток». Так вот, кто в данном случае кого побеждал, для анализа значения не имеет. Это вообще не факт. Факт же заключается в том, что предприниматель рассматривает свои отношения с государством в лице налоговой инспекции как войну!

Предположим, что в ходе опроса респондентам показывают белый лист бумаги и предлагают из заранее подготовленного перечня («белый», «черный» и т. д.) выбрать ответ. Пусть 5 % респондентов выбрали вариант «черный». Означает ли это, что каждый двадцатый респондент говорит неправду. Нет, это означает, что мы зафиксировали факт. Теперь нам предстоит его

Таблица 2. Если в Вашем городе (районе) состоятся акции против ухудшения экономического положения, готовы ли Вы принять в них участие? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Сентябрь 2007 г.	Сентябрь 2008 г.	Декабрь 2008 г.	Декабрь 2009 г.
Да	17	16	19	14
Нет	73	77	72	78

Таблица 3. Чем, на Ваш взгляд, объясняется достаточно высокая поддержка Лукашенко в белорусском обществе? (возможно более одного ответа)

Вариант ответа	Март 2011 г.	Доверяют Лукашенко	Не доверяют Лукашенко
Нет никого другого, кто бы был лучше	40.4	37.8	40.0
Надеждой, что ему удастся сделать в будущем нашу жизнь лучше	29.2	34.2	25.9
Его реальными достижениями	17.1	32.3	1.6
Его личными и деловыми качествами	7.4	12.1	2.3
Затрудняюсь ответить	16.9	4.7	30.8

объяснить. С помощью табл. 2 перейдем от абстрактного примера к конкретному.

О готовности участвовать в акциях протеста в Беларуси постоянно заявляет от 14 до 19 % респондентов. Учитывая, что опрашиваются граждане от 18 лет и старше, а таковых в республике около 7 млн, нетрудно посчитать общую численность участников акций протеста. Она находится в пределах от 1 до 1.3 млн!

Если хотя бы десятая часть от расчетного количества реально выходила на улицы протестовать, то мы наверняка жили бы сегодня в иной стране. Почему же результаты, полученные в ходе опросов, не совпадают с практикой? Да потому что ответы респондентов на вопрос табл. 2 отражают их намерения, а не реальную готовность протестовать.

Какой же тогда смысл в постановке подобных вопросов? В каждом из них отдельно взятом смысла на самом деле немного. Но один и тот же вопрос, задаваемый периодически, позволяет нам зафиксировать наличие или отсутствие определенной тенденции. Например, увеличение положительных ответов на вопрос табл. 2 свидетельствовало бы о росте социального напряжения в обществе. Понятно, что делать подобный вывод на основании лишь одного тренда было бы опрометчиво. Поэтому и включает стандартная анкета порядка 70–80 вопросов. Каждый из них — это отдельный элемент пазла, и необходимо сложить их вместе для понимания общей социальной «картинки».

Не институт, а эхо

Итоговая «картинка» (социальный пазл) всегда имеет национальную окраску. Даже если на один и тот же вопрос, заданный в разных странах, получены одинаковые в процентном выражении ответы, из этого не следует, что «картинки» отражают сходные социальные реалии. Казалось бы,

насколько прост вопрос о доверии к главе государства. Допустим, рейтинги доверия у Обамы и Лукашенко одинаковы. Ну и что? О природе доверия «голые цифры» нам ничего не скажут.

Обратимся к табл. 3. Почему большинство поддерживает Лукашенко? Ответ, как вздох: «А если не он, так кто же?» Можно ли такое представить в Америке? Сомневаюсь. И дело тут не только в монополизации телевидения, хотя и в этом тоже. Мы живем в обществе, устроенном «вертикально». Отсюда потребность в безальтернативном лидере. Обратите внимание на первую строчку таблицы. С этим согласны как сторонники, так и противники Лукашенко. А что касается оценок реальных достижений бессменного президента, то в расколотом белорусском обществе они различаются в двадцать раз!

Принято считать, что социологи изучают общественное мнение. Но, строго говоря, общественное мнение — в западном смысле — у нас отсутствует. Почти невозможно представить себе ситуацию, при которой белорусский парламент под давлением общественного мнения смог бы принять или отвергнуть какой-либо законопроект. Наше общественное мнение еще не доросло до уровня социального института, оно больше напоминает эхо медийных событий. Об этом необходимо помнить, анализируя результаты очередного соцопроса.

Правда в одеждах лжи

Константин
СКУРАТОВИЧ

Законотворчество в нашем государстве интенсивно и разнообразно. Где еще нет закона, там указ, где был закон, там декрет. Не только читать, просматривать не успеваешь. И чувствуешь себя сороконожкой, которой всякий раз предписывают начинать движение «с новой ноги». Не с той пошел, не туда пришел...

Известный не только в Беларуси профессор-социолог Олег Манаев шел на встречу с дипломатами — оказался в отделении милиции. Профессор спешил поделиться с публикой результатами очередного опроса граждан на предмет рейтинга президента — был задержан в рамках операции по борьбе с наркоторговлей.

Даже если принять на веру официальную версию задержания Манаева, трудно предположить, что правоохранительные органы действовали в «операции по борьбе с наркотиками» по методу невода, заброшенного в воду на предмет отлова любой рыбки: большой и маленькой. Как же всякие там агентурные разработки, наблюдения, прослушки и прочие оперативные мероприятия, а также стратегические концепции преодоления страшного социального недуга, с помощью которых, как гражданам говорят, целые ведомства и подразделения высоко оплачиваемых специалистов трудятся дни и ночи? Как могут профессионалы ловить наркодилера, а поймать университетского профессора?

Впрочем, кого хотели, того и поймали. Как и в прежние времена, наши славные органы не ошибаются...

Хотя право на ошибку в отличие от простых граждан у них есть. Очень большое и постоянно растущее право. Как сказал бы поэт-любитель, по совместительству главный сенатор страны т. Рубинов, не право, а правиче. В конце сентября Совмин внес в наш двухпалатный парламент законопроект «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “Об органах государственной безопасности Республики Беларусь”». Согласно представлениям правительства, сотрудник КГБ имеет право беспрепятственно, при необходимости с повреждением запирающих устройств и других предметов, проникать в любое время суток в «жилые помещения или иные законные владения физических лиц, в помещения и (или) иные объекты государственных

органов и иных организаций». Исключение сделано для «помещений и иных объектов дипломатических, консульских и иных представительств иностранных государств», а также наделенных дипломатическим иммунитетом международных организаций.

Беспрецедентная «проникающая способность», как следует из текста документа, размещенного Национальным правовым интернет-порталом, обуславливается подозрением в совершении преступления либо наличием «достаточных оснований полагать, что там совершается или совершено преступление или находится лицо, скрывшееся от органов, ведущих уголовный процесс».

Значит, показалось — взломали дверь, влезли в окно, разобрали крышу, проникли через дымоход. Потом разберутся?

Разбираются у нас — сами знаете как. Но правительство, призванное будто бы защищать народ от жизненных несправедливостей и немотивированных «разборок», предложило освободить от ответственности за применение силы тех, кого наделяет правом разбираться «по подозрению». «Сотрудник органов государственной безопасности не несет ответственности за вред, причиненный в связи с применением физической силы, специальных средств, боевой и специальной техники, применением (использованием) оружия», — записало правительство в закон, предложенный на утверждение парламентом.

Что толку в пунктах, регламентирующих применение силы и оружия, если есть законное «право на вред»?

В свое время в стране был принят закон о диффамации. Он запрещает говорить о властных чиновниках, стране, государстве и порядках в нем плохо. Почти как о мертвых — или ничего, или только хорошее. Но нынешней осенью принят закон, который и молчание оценивает как диффамацию.

Складывается впечатление, что ветви власти постоянно сочиняют логические головоломки для населения, в которых людям не разобраться. Да и сами ветви власти постоянно путаются. Возникло, например, движение «Говори правду!». И вроде бы говорило правду. Возможно, не всю, не полную, не совсем «правдивую», поскольку всякое суждение субъективно. Но «Говори правду!» власти сразу же уличили в глобальной лжи — извращении светлого облика нашего правдивого и справедливого государства. А если бы возникло движение «Говори ложь!»? И оно в противоречие с уставными требованиями вдруг бы сказало правду...

Вспомним старую логическую задачу, по условиям которой население некоего острова состоит из людей и вампиров. При этом вампиры всегда лгут, а люди всегда говорят правду. Кроме того, все население делится на психически здоровых и сумасшедших. Здоровые всегда говорят, что хотят, а сумасшедшие говорят противоположное тому, что хотят. Получается, что сумасшедший человек тоже лжет, а сумасшедший вампир говорит правду...

С кем лучше иметь дело: со здоровыми людьми или с сумасшедшими вампирами?

Если речь идет о достаточно узком круге родственников, друзей, коллег, единомышленников, то определиться при желании можно. Если же взять расширенный круг общения, включающий всех и каждого, с кем приходится общаться и по своей воле и по обязанности, включая государственные институты и навязчивых должностных лиц, то проблема становится принципиально неразрешимой.

Молчать нельзя, но что говорить и как, чтобы ублажить и честных вампиров, и лгущих людей?

Ответ на этот вопрос можно найти в отдельных сообщениях БЕЛТА, корреспонденты которого мастерски овладели методом интерпретации плохого как хорошего. Например, со ссылкой на Управление торговли и услуг Миноблсуполкома в начале октября БЕЛТА поведало, что в столичной области «в текущем году отмечается положительная динамика продаж через торговую сеть почти всех видов потребительских товаров». Особенно возрос спрос по сравнению с январем — августом 2010 года на мясные консервы (144,7 %), продукты из мяса (120,9 %), игристые вина (122,8 %), коньяк (142,9 %), сахар (143,8 %), растительное масло (113,7 %), макаронные изделия (114,9 %), муку (110,1 %), фруктовые и овощные соки (105,8 %).

Далее сообщалось, что из продукции легкой промышленности жители столичного региона активно покупали верхнюю одежду (159,3 %),

нижнее белье (146,8 %), трикотажные изделия (153,3 %), носки, колготы (129,5 %), обувь (182,4 %). Стиральных машин продано на 71,1 % больше, холодильников и морозильников — на 31,5 %, моющих средств — на 50 %, строительных материалов — на 26,1 %.

«Не так охотно, как в прошлом году», население приобретало фрукты (90,7 % к уровню января — августа 2010 года), минеральную воду (93,9 %), овощи (96,3 %), в том числе свежий картофель, рыбу, ракообразные и моллюски (94,7 %), слабоалкогольные напитки (64,9 %).

Замечательный позитив на фоне общего уныния с каждым часом нищающего населения! Мастерское «владение» фактом! Особенно впечатляют объемы закупок мясных консервов и других продуктов, пригодных для длительного хранения, холодильников и морозильников, в которых все это можно хранить, а также теплой одежды, белья и чулочно-носочных изделий.

Так обычно поступают люди, отправляясь в длительную экспедицию в необитаемые места, где нет магазинов и деньги бесполезны. Поэтому тратят их на все, что пригодно к долгому хранению или носке. А свежие фрукты и овощи в этот набор не входят. Только сушеные или консервированные.

Примерно такие же потребительские предпочтения население практикует накануне войн, революций, девальваций и гиперинфляций. Когда цены на товары стремительно растут, а деньги еще быстрее обесцениваются. Так было в свое время с «керенками», «деревянными рублями». Настал черед наивных «зайчиков».

И при том, что «положительная динамика» есть, поводов для оптимизма нет. Народ, оказывается, в неизбежную стабилизацию не поверил, буквально размел годами накопленные складские запасы.

На «не умереть», вероятно, хватит, чтобы жить — вряд ли. Это, скорее, правда, чем ложь. Правда для тех, кто умеет читать и думать. Голая правда в пышных одеждах лжи.

Наш эшелон

Сегодня, когда решение о строительстве атомной станции в Беларуси принято, вспоминаются иные дни...

Анатолий ГУЛЯЕВ

1990 год, июль...

«Пятого апреля на станцию Цолга возвращено из Грузии несколько рефрижераторных секций с радиоактивным мясом. Три с половиной года возил его эшелон по стране. Везде оказывался нежелательным гостем. Наконец, поставили его к нам, в Брасинский район, на станцию Цолга, чтобы тут захоронить. Мало нам своей радиации? Помогите не допустить преступление...»

(Из письма в корпункт газеты «Сельская жизнь»)

Чей эшелон?

...Вообще, надо сказать, с публикациями о ЧАЭС тогда было сложно. Руководство БССР (как, впрочем, и руководство всего СССР) боялось паники и ввело цензурные запреты. Писать о Чернобыле позволялось только «избранным», всех остальных к теме не подпускали на пушечный выстрел.

В материалах о чернобыльской проблеме доминировал героизм ликвидаторов. Жизнь людей на загрязненных территориях оставалась «terra incognita». Но тут случай особый. Оно как будто бы и не про «зону», а всего лишь про мясо...

— Езжай! — лично звонит мне из Москвы редактор, член ЦК КПСС Александр Павлович Харламов. — Имеешь карт-бланш и любой объем на газетной полосе. Давай! Мы должны «вставить фитиль» «Известиям»!

Наутро я уже несусь по направлению к Гомелю. Везу с собой большую редкость по тем временам — дозиметр, подаренный директором Гомельского института сельхозрадиологии Славой Константиновной Фирсаковой. Той самой москвичкой, что работала после атомной аварии под Челябинском и примчалась в Гомель разрабатывать технологии сельхозпроизводства в загрязненной зоне. Согласно этим технологиям, жить и работать в «зоне» было можно. Собственно говоря, оно так и произошло: люди там живут и работают по сей день.

Но большинство новоявленных белорусских политиков, из которых вообще никто специалистом в области атомной энергетики не являлся и которые расценивали аварию не иначе как «геноцид белорусского народа», уже всю

использовали Чернобыль в качестве возможности прослыть народными героями. А маленькая, но очень энергичная Слава Фирсакова им сильно мешала.

Я помню одну из конференций в Гомеле, на которой ей только что не плевали в лицо. Как говорится, за все хорошее... В итоге она вынуждена была потом уехать, так и не дождавшись благодарности. И недавно умерла у себя дома под Москвой — пусть ей будет пухом земля.

...Несколько бутылок минеральной, хлеб, сало — считается, что местные продукты лучше не есть. Солнышко светит вовсю, а мой водитель Костя недоволено сопит: он не любит ездить в «зону». Собственно говоря, а кто это любит? Но ехать надо. Пусть первые страхи по поводу Чернобыля уже пережиты, но то, что называется общественным мнением, бурлит и клокочет. Все популярней становится частушка:

*Перестройки важный фактор —
Сразу бахнули реактор.
Утопили теплоход.
Подорвали самолет...*

Рассказывают о массовом бегстве населения из «зоны» — уже после первых волн эвакуации. И опять не обходится без юмора, основа которого традиционна: в «зоне» осталось только два еврея — Изя Топ и Миля Рентген...

«Сельская жизнь» вовсю публикует мои статьи о проблемах загрязненных территорий — по сути, впервые в советской прессе. Первым был цикл под общим названием «Люди в зоне» весной 1988 года. Я полгода собирал материалы, сам привез готовые статьи в газету. Потом две недели просидел в редакции в ожидании, когда дежурным

по номеру будет Анатолий Костюков, редактор отдела социального развития. Никто другой подписать материал в печать не соглашался. Неудивительно: если о самой станции и героической ликвидации аварии писать было можно, то любое воспоминание о загрязненных территориях «рубил» цензура. А белорусская пресса не писала об этом практически ничего.

Костюков выпустил материалы в свет на свой страх и риск. Но визга все равно было много: на меня ссылались Центральное телевидение СССР, приходили мешки (настоящие бумажные мешки!) писем...

...Вот и станция Иолча.

— Есть этот эшелон, — говорит начальник станции. — Всего 37 вагонов, из которых 29 с мясом — белорусские говядина и свинина, планово отправленные в Грузию. Грузины «чернобыльское» мясо принимать не захотели. Вес — 609 тонн, эшелон действительно отправлен из Гори и Сухуми по обратному адресу: в Гомель, Калинковичи, Брест.

— Давно отправлен?

— 5 апреля прибыл к нам. А загружен мясом в Грузии в феврале. Так что насчет трех лет это народ насочинял. А паники действительно много — не знаем теперь, что с ним делать.

— А кто знает?

— Есть такое НПО «Припять» в Чернобыле, спросите у них. Или у тех, кто обслуживает вагоны...

Едем на станцию Пересадочная, что в семи километрах от Иолчи, где, собственно, и стоит эшелон. Здесь бригады «атомщиков», чья очередь нести вахту на станции, пересаживаются из «чистых» электричек (т. е. не бывавших в 30-километровой зоне) в «грязные» (т. е. работающие только там). А вот и «летучий голландец» — длинный ряд рефрижераторных вагонов, наглухо закрытых и опломбированных. Отсутствие окон создает впечатление особой угрюмости. Глухо рокочут дизеля, и кажется, что здесь состав только приостановился на время, что вот-вот опять тронется в путь.

Люди возле мяса

— Ну куда мы тронемся? — говорит Кирилл Семенчук, старший механик. — И так в тупике... Впереди только Чернобыль — двигаться некуда.

Он из Казатина, что в Украине. Приезжает сюда не первый раз «вахтовым» методом. Как и все остальные: представители депо — хозяева рефрижератор-

ных секций, которые на беду оказались в Грузии, когда оттуда отправляли назад белорусское мясо. И теперь ездят сюда из Сибири, Ленинграда, Прибалтики, Украины, даже Средней Азии. Получают двойную зарплату, командировочные. Правда, особой радости от этого нет.

— Одному нашему уже сказали срочно уезжать и никогда больше тут не появляться! — рассказывает, симпатично растягивая слова, начальник секции из депо Валга жгучий брюнет из Эстонии Сергей Голубев. — Получил свою дозу...

— Так однажды вернешься домой, а «оно» не работает... — добавляет кто-то.

Вокруг нас толпа мужиков очень разных: чистые славяне, несколько азиатов — смуглых, поджарых. Всем им интересно, но все помалкивают. Кто его, дурака-журналиста, знает, что он потом там напишет? Правда, насчет «будет ли «оно» работать», чувствуется, что вопрос злободневен, глубоко проработан и тут же вызывает отклики:

— Ты, братан, тут на всю оставшуюся жизнь наработал...

— У тебя «оно» давно должно было устать... Поршневая, наверное, совсем износилась...

Народ хохочет. Мне в Иолче уже рассказывали, что вахтовики с эшелона всю «оттягиваются» в соседних деревнях. Ребята в большинстве молодые, грамотные, с деньгами — они разительно отличаются от местных полупьяных механизаторов. И девушки с удовольствием с ними «гуляют». Некоторые выходят замуж за вахтовиков — это вообще большое счастье, потому что уехать отсюда местная молодежь стремится любой ценой.

— Когда уже трепаться перестанете, еб...и хреновы! — взрывается вдруг солидный мужик в джинсах и тенниске. — Оставили нас тут, обещаний надавали. А теперь как хочешь, так и живи...

— А что вам обещали?

— Это самое НПО «Припять» обещало полное обслуживание, продукты бесплатные. Так один раз привезли по несколько банок тушенки, по две шоколадки, вафли. И пропали — теперь все за свой счет... Врач из Чернигова один раз приехал, напугал всех: «В перспективе у вас могут быть неприятности...» И уехал. Пишите: я — Багрецов Анатолий, из Сибири. И не боюсь никого...

Народ сочувственно молчит.

— Вы спасайте нас, — говорит Багрецов. — Эти жеребцы не понимают: оно на вид безопасное — не жалит, не взрывается. А потом подождем все, как немцы под Бобруйском! Приедем домой и тихо «ласты склеим».

Но в «склеивание ласт» никто особенно не верит. Солнце яркое, день прекрасен, кровь играет. В соседних деревнях девушки выпевают каждое слово с очаровательным украинским акцентом: «я казала», «я купувала»... И прельстительно хохочут, рассыпают хрустальные смешинки, как это умеют делать только местные русалочки — полешучки.

Какие там стронции и прочие миллирентгены! Но о состоянии мяса, похоже, действительно никто ничего толком не знает.

— Какое мясо вам! — с почти финским акцентом растягивает фразу все тот же Сергей Голубев из Эстонии. — Оно давно сгнило. Вот документы. Первые два вагона грузили 5 февраля в 13.30, а прицепили обратно к секции только 9-го. Это значит, что погрузка в нарушение всех, как это... нормативов шла целых пять дней при неработающей системе охлаждения. А в Грузии была температура плюсовая...

Все как в Советском Союзе!

Оно, конечно, так. Но мясо-то чье? Кто его должен хоронить? Прощаемся с мужиками. Они остаются возле своего грозно рокочущего эшелона окутанные сладковатым запахом отработанной солярки. А моя черная «Волга» — последний писк бюрократической моды — движется в сторону Гомеля. В конце концов, это их область. Их и ответственность.

А кто нас отпустит?

Костя что-то весело мурлычет: мы уезжаем из не нравящейся ему «зоны».

— Нет, наша только территория, на которой стоит эшелон, — заместитель председателя облисполкома по проблемам ЧАЭС Владимир Сыч вежливо, но непреклонен.

— Но мясо-то к вам вернулось вами же отправленное!

Владимир Сыч тонко улыбается:

— Чье там внутри мясо, надо еще долго разбираться...

Я его понимаю: проблема с этими тоннами складывается немалая и лучше держаться от нее подальше. Тем более что уже само мясо стоит громадных денег. Плюс каждая из рефрижераторных секций, которые (не исключено) придется где-то закапывать вместе с накопленным гамма-фоном, стоит около 600 тысяч инвалютных рублей. Плюс 6 тонн солярки в месяц на секцию... Плюс двойные зарплаты...

— Но люди там сидят месяцами. Надо бы как-то решить проблему и отпустить их по домам...

— Их мы так или иначе отпустим. А кто отпустит нас? Мы тут живем, — говорит Владимир Сыч.

— Но они тоже практически в «зоне»...

— А мы где? Полсотни километров дальше, полсотни ближе — какая разница?

С гомельчанами о Чернобыле трудно разговаривать. Тем более что информации нет. Зато всю говорят о радиационных пятнах в

Ново-Белице и самом городе... На дачи в пригород уже почти никто не ездит...

Я уж не говорю о «зоне» как таковой. Она ведь продолжает жить и, самое главное, выдавать сельхозпродукцию. Что непросто. Содержащиеся в почве радионуклиды загрязняют растения, а значит, и корм для животных. Т. е. молоко и мясо «светятся» и в пищу часто не пригодны.

...Но есть еще и страна, которая стоит в очереди за мясом и молоком.

Поэтому неплохо отлаженный белорусский агропромышленный комплекс продолжает работать

и выполнил все планы за 1987 год. Даже несмотря на загрязнение — около 20 % земель сельхозпользования. Гомельская область, например, после создания 30-километровой зоны и эвакуации из нее населения потеряла, по существу, целый сельскохозяйственный район, в котором осталось на 100 миллионов рублей основных производственных фондов.

Костя опять дуется — прямо из Гомеля мы все же едем на Чернобыльскую АЭС. Именно там расположено НПО «Припять», которое и должно разобраться с этим эшелонном.

— Хай они сами тут разбираются... Поехали б домой, и так все напишете... Нахватаемся тут заразы...

Наш эшелон...

«Волга» летит по дороге. Вокруг странный лес с рыжими соснами, которым, говорят, никогда уже не быть зелеными. Шлагбаум, медлительный человек в камуфляже, опять дорога и, наконец, мост через реку Припять.

С моста видны брошенные там и тут машины, сиротливо приткнувшиеся к берегу теплоходы... Все это железо получило дозы выше всяких мыслимых норм. Мне все время казалось, что оно должно быть похоже на эпизоды из фильма «Сталкер» — немного жутко, но очень интересно. Нет — все буднично и на кино не похоже совсем. Мелькает мысль, что так же буднично должно быть на войне — ничего особенного, просто убивают...

В НПО «Припять», двухэтажном здании недалеко от саркофага, скрывающего реактор, объяснили, что они — организация научная и обращаться нужно в Агропром. И на том стояли...

В Минске долго гоняли по кабинетам. Но даже мое удостоверение с грифом «Центральный комитет КПСС» — структура, могущественнее которой на шестой части суши ничего не было — добыть информацию не помогало. Из ЦК КПБ отправляли в Агропром. Из Агропрома отправляли в ЦК. Между прочим, в Агропроме можно было разговаривать только с Иваном Никитченко, который, собственно, и помог как-то выяснить общую ситуацию на территориях.

А в Агропроме потом один из замов сказал, что эшелон предполагается захоронить вместе с рефрижераторами. Но не сказал где. Я так и написал.

«Сельская жизнь» опубликовала мою статью из двух частей объемом в полосу формата А-2 каждая. Первая часть называлась «Чей эшелон?». А вторая — «Наш эшелон!». Резонанс был громкий, письма опять приходили мешками. «Известия» отозвались на тему позже нас и со ссылками на нашу газету. Мне выписали повышенный гонорар...

Действительно, кому война, а кому мать родна...

Фото из архива «А»

Алег Лойка: «Мая беларускасць пачалася да 1939 года»

У маі 80 гадоў споўнілася б Алегу Лойку — паэту, літаратуразнаўцу, перакладчыку, педагогу, вучонаму. Адзіныя кнігі пра славурых беларусаў — Францыска Скарыну і Янку Купалу, якія выйшлі ў вядомай серыі «Жизнь замечательных людей», належаць менавіта яго пярэ.

Алег Лойка выкладаў родную літаратуру ў Беларускаім дзяржаўным універсітэце амаль паўстагоддзя, доўгі час быў загадчыкам кафедры беларускай літаратуры і дэканам філалагічнага факультэта і толькі ў апошнія гады жыцця, перанёсшы не адну цяжкую аперацыю і праз цукровы дыябет канчаткова страціўшы магчымасць хадзіць, вымушаны быў адысці ад выкладчыцкай працы і вярнуцца ў родны Слонім. Але і тады Алег Антонавіч не падаў духам — пісаў вершы і нават у бальніцы, хоць, па яго ўласным прызнанні, было цяжка і балюча, працаваў над падручнікам па старадаўняй беларускай літаратуры і кнігай пра займальнае літаратуразнаўства.

«Слова сапраўды ратуе» — з вуснаў Алега Антонавіча гэты вядомы выраз гучаў не проста як прыгожыя словы. «Не магу без вершаў, без кніг!» — гаварыў ён. І калі разам з Міхасём Скоблам у апошні раз наведвалі яго ў мінскай бальніцы, я спачатку нават не пазнаў у схуднелым, раптоўна пастарэлым, абязножаным чалавеку ранейшага жыццелюбівага прафесара.

Але што ўразіла — вочы яго ўсё адно свяціліся. Так, недзе ў глыбіні, на самым дне чытаўся непераадольны трагізм, і тым не менш вочы яго свяціліся — можа, прагай да жыцця, можа, радасцю ад таго, што ёсць яшчэ час жыць...

Алег Антонавіч запрашаў тады ў госці ў Слонім, але, як яно звычайна бывае, сабрацца так і не давялося. Такім чынам гэтая гутарка сталася апошняй нашай вялікай размовай.

Сяргей ШАПРАН

— Алег Антонавіч, зараз Вы жывяце ў родным Слоніме. Вось Аляксандр Твардоўскі і Васіль Быкаў гаварылі, што не любяць успамінаць сваё дзяцінства, паколькі яно выпала на ліхалецце і было цяжкім. А што скажаце Вы?

— Як быццам бы пра мяне і пра такіх, як я, сказаў Сент-Экзюперы: чалавек пачынаецца з маленства. З маленства і толькі з маленства. Але ў маім выпадку таксама і з вайны, якая прыпала на мае дзіцячыя гады.

А яшчэ, канешне, са Слоніма, у якім я ў той час жыў. Вось нядаўна я напісаў верш, у якім Слонім называю «вечным бацькам», а яго плошчы і прамені вуліц — «вечнай маёй мамай». Слонім — гэта мая калыска. Але ж я не толькі ў горадзе жыў. Справа ў тым, што мой бацька яшчэ да 1939 года спрабаваў гаспадарку вёсці на вёсцы. І дзед жыў на вёсцы. Дарэчы, вайна тут нас і застала. Так што маленства для мяне — вельмі светлая пара.

Тым больш што ў вайну, прызнацца, мы жылі добра, нечакана добра. Цяжка было ўжо ў пасляваенны час, калі бацька працаваў адзін на ўсіх. Неяк акрыялі толькі тады, калі ў 1948 годзе я паехаў вучыцца. А ўжо ў 54-м бацька нават дом пабудаваў. Праўда, я вельмі перажываў, бо яшчэ не мог тады дапамагчы яму матэрыяльна. Бацька ж жыў адпаведна гэтым заветам: пабудуй дом, пасадзі сад...

— *Звычайна ўстойлівая памяць чалавека пачынаецца з нейкага моцнага ўражання. З якога моманту Вы памятаеце сябе?*

— Гэта было, па-мойму, у 32-м ці 33-м годзе, калі бацька вярнуўся з Варшавы, куды ён ездзіў вучыцца. Мне тады было два ці тры гадоў. Памятаю і вайну. Мне, хлапчуку, было вельмі цікава. Гэта можа падацца дзіўным, аднак я з цікавасцю глядзеў, як бамбілі Зэльву. Я ў дзеда тады жыў, а Зэльва з горкі бачная была. Немцы, мабыць, з гадзіну яе бамбілі, нізка лётаючы над вёскай. Страшна не было, бо далёка ж. Але немцаў я баяўся, хоць ніколі не дасталася мне ад іх...

І, дарэчы, хоць была акупацыя, аднак я хадзіў у школу. А дзе не давучваўся, дык чытаў шмат, бо кніг у мяне было многа: і рускіх, яшчэ з царскіх часоў, і польскіх. Да таго ж бацькі шукалі розныя спосабы, каб пражыць, і таму нават кіёск мелі, дзе прадавалі газеты. Я чытаць не ўмеў, а ўжо карцінкі гартаў! (Смяецца.) І ўжо ведаў, што ёсць такая краіна Абесінія і што там ваююць. Бацька заўсёды смяяўся, таму што, калі прыезджаў на вёску, я адразу пытаўся, як там справы ў Абесініі...

Вёска была на ўзлессі, і звычайна я хадзіў у гэты лясок. Спачатку быў цудоўны лес, а потым ужо стары, у які я хадзіў толькі з маці. Адноўчы, памятаю, яна мяне пакінула, і да мяне казуля падышла — глядзіць, я аж спалохаўся... Вось усё гэта і былі ўражання майго дзяцінства.

— *Першыя Вашыя публікацыі пачалі з'яўляцца ў 50-я гады, першы паэтычны зборнік выйшаў у 1959-м. А ці былі ў Вас свае настаўнікі?*

— Канешне. Па-першае, гэта Мікола Якаўлевіч Аўрамчык. Вельмі мяне падтрымлівалі Дзяргай Сяргей Сцяпанавіч і Вялюгін Анатоль Сцяпанавіч. Ну але я Вам скажу... Я доўгі час не прызнаваўся, што першы мой верш надрукаваў Сяргей Міхайлавіч Новік-Пяюн, таму што апублікаваў яго ў «Баранавіцкай газеце» ў 1943 годзе. І хоць верш быў пейзажны, але я ўсё роўна баяўся прызнавацца, таму што тое адбылося ў акупацыйны час. Ну але ж потым час змяніўся, аднак што датычыцца цензуры... Яна, ведаеце, якая была? Самацензура, са сваім унутраным рэдактарам. Хоць заўсёды мяне цягнула на альбомную лірыку, як тады яна прызывалася. Патрабавалася ж лірыка грамадзянская, а ў мяне ніколі яе не было. Гэта вольна з'явілася, таму што ўжо нейкі вопыт нажыты... Аднак я Вам скажу, што толькі кніга пра Францыска Скарыну выйшла ў мяне без ніякай цензуры, калі не лічыць тое, што ў маскоўскім выданні, у серыі «ЖЗЛ», з назвы «Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае» выкраслілі слова «Рускае». Бачыце, якое было тады неразуменне!

— *Сапраўды, сярод Вашых фундаментальных прац — раманы пра Купалу і Скарыну. Прычым беларускае імя з'явілася ў славуцкай серыі «ЖЗЛ» менавіта дзякуючы Вам. Між тым маскоўскае і мінскае выданні значна адрозніваюцца. У гэтай сувязі будзе дарэчы прыгадаць дзённікавы запіс дырэктара выдавецтва «Мастацкая літаратура» Міхала Дубянецкага: «М. І. Дзялец (старшыня Дзяржкамдруку. — С. Ш.) выклікаў і прад'явіў прэтэнзіі: чаму не выслалі ў Маскву рукапіс рамана А. Лойкі "Як агонь, як вада". Сказаў, што яны там ускрылі шмат памылковых сцвярджэнняў, што быццам бы Я. Купала праследаваўся і пры савецкай уладзе, што яго арыштоўвалі, што ён спрабаваў скончыць жыццё самагубствам, што і памёр пры загадкавых абставінах. "Маскву, — сказаў ён, — цікавіць, як тут, у нашым варыянце, падаецца ўсё гэта, бо яны не вераць выдавецтву і асабіста табе. Так!" Загадаў, каб у панядзелак рукапіс ляжаў у яго на сталі». І ўжо далей Дубянецкі піша пра тое, што рукапіс патрабавалі ў ЦК КПСС...*

— Гэта вельмі доўгая гісторыя. Я, мусіць, калі-небудзь напішу пра гэта. Але павінен адразу сказаць, што ў мяне, па сутнасці, два варыянты рамана... нават тры! Першы выйшаў у серыі «ЖЗЛ». Другі — беларускае выданне — з'явіўся толькі праз два гады пасля маскоўскага — столькі часу Галоўліт яго не пускаў! А ўжо калі я рыхтаваў свой двухтомнік, тады напісаў трэці варыянт, у які ўключыў тое, што было выкраслена раней, і з якога сам я выкінуў тое, што спецыяльна дапісаў для папярэдняга выдання. Спадзяюся, што даследчыкі некалі параўнаюць гэтыя варыянты.

— *А праз што ўсё-такі прайшлі тады Вы і Ваша кніга?*

— Гэта ўсё было вельмі нялёгка. Колькі я паездзіў у Маскву, колькі абабіў парогаў, колькі папісаў розных тлумачэнняў — о-ё-ёй! Да юбілею

Дапамаглі мне камсамольцы і, як ні дзіўна, галоўны кагэбіст Юрый Андробаў, які, аказалася, вельмі любіў серыю «ЖЗЛ». Пасля я яму кніжку падпісаў з падзякаю.

Купалы кніга так і не выйшла, хоць у 82-м годзе ўжо была гатова, але набор быў рассыпаны. Пасля яе зноў набіралі. Выйшла яна пад новы 1983 год і адразу была арыштавана. Так пад арыштам і праляжала да 16 лютага 83-га года. Праўда, адзін экзэмпляр мне паспелі прыслаць, казалі пры гэтым: «Нікому не паказвай!» Арыштаваў жа кнігу Сеўрук (адказны супрацоўнік ЦК КПСС, які

курываваў Галоўліт. — С. III). Ён нябожчык цяпер. Як кажуць, не ўспамінаюць ліхам нябожчыкаў, але я ўпэўнены, што, калі б ён мяне тады прыняў, кніга б зусім не выйшла! Я на провадзе ў яго сакратара дваццаць восем хвілін быў! Але той мяне да Сеўрука так і не дапусціў... Дапамаглі мне камсамольцы і, як ні дзіўна, галоўны кагэбіст Юрый Андробаў, які, аказалася, вельмі любіў серыю «ЖЗЛ». Рэдактар жа выдавецтва Калугін Віктар Ільіч, які падтрымліваў мяне, мог да Андробава падступіцца. Пасля я яму кніжку падпісаў з падзякаю.

— **Дарэчы сказаць, Вы ж дамаўляліся пра тое, што напішаце дзеля «ЖЗЛ» і пра Караткевіча. «Тады ўсё ва мне гарэла — так мне хацелася напісаць пра Валодзю! — распавядалі Вы аднойчы. — Аднак не выпала». Чаму не выпала?**

— Я ўжо дамовіўся, нават мая заяўка ўжо была прынятая. Але мне казалі: «Давай пачакаем, бо Караткевіч — не народны, а вось яго васьмітомнік выйдзе, тады і напішаш». І тут якраз разваліўся Савецкі Саюз...

Калі я напісаў артыкул «Крылы для ўзлёту», вылучыў з усяго асяроддзя толькі двух паэтаў — Караткевіча і Барадуліна. Божа, якая пасля таго дыскусія паднялася: а чаму гэтага не заўважыў, а чаму — гэтага?!

Канешне, гэтую задуму я нашу ў думках і дасюль, але ўжо не ведаю, ці паспею... Я шмат пра Валодзю думаю і матэрыял вялікі сабраў пра яго. І хоць у мяне і прасілі нешта для кнігі ўспамінаў, я нічога не даў, таму што не хачу марнаваць той матэрыял, які маю, на нейкія дробныя публікацыі. І калі яшчэ пажыву, калі змагу... Мала ж хто ведае, што я быў блізка з ім знаёмы, асабліва ў апошнія гады. Валодзя заўсёды мяне падтрымліваў, а я — яго, бо першыя ж рэцэнзіі пра яго — мае. Гэта Вера Сямёнаўна Палтаран, падтрымаўшы, надрукавала ў «Маладосці» маю рэцэнзію, якая, праўда, была ўжо на другі паэтычны зборнік Караткевіча. Рэцэнзію на першы яго зборнік так нідзе і не надрукавалі. Можа, таму што слаба напісаў, а можа, таму што я ў асноўным гаварыў пра патрыятызм Караткевічавай лірыкі, пра яго беларускасць. У той жа час пісаць пра гэта не вельмі любілі. Дарэчы, калі я пасля напісаў артыкул «Крылы для ўзлёту», вылучыў з усяго асяроддзя толькі двух паэтаў — Караткевіча і Барадуліна. Божа, якая пасля таго дыскусія паднялася: а чаму гэтага не заўважыў, а чаму — гэтага?! Але я бачыў будучае толькі за Валодзем ды Рыгорам.

— **I, трэба сказаць, не памыліліся.**

— Ну дык!.. (Смяецца.) Гэта, здаецца, быў 1969 год.

— **Вы прыгадалі такое паняцце, як беларускасць. А ці задумваліся, адкуль у Вас самога гэта беларускасць? Бо сотні тысячаў людзей, якія называюць сябе беларусамі, тым не менш ужо даўно забыліся і на родную мову, і на тое, што яны — беларусы, і толькі адзінкі гавораць сёння пра тое з годнасцю.**

— Не ведаю... Відаць, таму віной і маё заходне-беларускае паходжанне, і кнігі Коласа і Купалы, і ўплывы друку і хоць бы Новіка-Пяюна, таму што маці спявала яго песні, а нашы сем'і сябравалі. Дарэчы, яго дом у вайну згарэў, а я, малы, бываў у тым доме. Да таго ж любіў бываць у музеі, у якім Сяргей Міхайлавіч быў дырэктарам і дзе збіралася нешта накшталт літаб'яднання. Такім чынам, мая беларускасць пачалася, па сутнасці, яшчэ да 1939 года. Я ж спачатку хадзіў у польскую школу, а калі прыйшлі «саветы» — «першыя», як у нас кажуць, — мяне перавялі ў рускую школу. Я тады па-руску гаварыў, як, дарэчы, і мая маці — яна з Узбекістана прыехала. Гэта бацька беларускую мову ведаў. А маці пасля беларускай у мяне вучылася. Складана гэта ўсё было ў інтэлігентных сем'ях. Я і філолагам быць не хацеў — толькі лесніком. І нават угаворваў сяброў паехаць у лесатэхнічны інстытут, але ніхто не падтрымаў мяне. Я не хацеў ісці ў літаратуру, бо пасля пастановы ЦК 1946 года разумеў, што ў літаратуры нічога не скажаш, таму што проста не дазваляць сказаць. «Але хоць з лесам буду размаўляць», — думаў я тады... Ужо пасля хацеў на журналістыку паступіць, а давалася — на філфак. І паколькі я ў рэшце рэшт скончыў беларускую школу, мне казалі: «Пішы заяву на беларускае аддзяленне».

— **Сёння не шкадуецца?**

— Не, таму што, ведаецца... Мы ж — тысячагадовы народ. І хоць колькі ўжо стагоддзяў жывём пад ціскам русіфікацыі — спачатку царскай, пасля — савецкай, цяпер ідзе трэцяя хваля, вельмі жорсткая, — але ж гэта нічога не значыць. Гэта нічога не значыць, бо вельмі глыбокае карэнне. І як ні тапчы... Ну будзеш яшчэ пяць гадоў таптаць, дзесяць — я не дажыву, але ўсё роўна гэта ўжо не затопчаш. Таму што гэта ж свет, а свет — ён зменлівы. Хай даўно ўжо — яшчэ з XVII стагоддзя — не ў нашу карысць, бо як нашыя гарады тады калашмацілі, божа ты мой! Вось зараз мы аплакваем, што ў Другую вайну кожны трэці загінуў, а тады, у XVII стагоддзі, кожны другі! І ўсё роўна паднялося! Хай і магнаты здрадзілі, але не яны рашалі — вырашала тая большасць, якая была пад страхом саламянаю, пра якую так хораша пісаў Адам Міцкевіч. Ён верыў у гэтыя

стрэхі, у тое, што пад імі нешта народзіцца. І нарадзілася!..

Я не ведаю, які будзе далейшы лёс (*уздыхае*), але ва ўсялякім выпадку ўпэўнены, што традыцыю захаваюць жанчыны. Менавіта яны заўсёды захоўваюць традыцыі. Захаваюць і тут.

— *Вы ўсё жыццё вучылі студэнтаў беларускай літаратуры і таму лепш чым хтосьці іншы ведаеце, ці існуе цікавасць да беларускай літаратуры, а значыць, ці ёсць будучыня ў гэтай літаратуры...*

— Цікавасць да беларускай літаратуры ў моладзі вялікая. Хоць недзе пару гадоў таму здавалася, што гэта хваля беларуская знікла. Але цяпер у беларускую паэзію ідзе зорны прыток моладзі. Спачатку я запісваў гэтыя прозвішчы, але пасля ста — кінуў. Цяпер проста сачу за тымі маладымі... Ёсць такая прымаўка: чым цяжэй, тым больш паэтаў. Якая, напрыклад, маленькая Македонія, а там амаль кожны — паэт! Нездарма кажуць, што існуе нейкі зорны закон. Мы ж сёння ведаем, як нашае жыццё залежыць ад зор. І вось я думаю, што ёсць зоры нізкія, а ёсць тыя, якія і нараджаюць паэтаў. І калі сітуацыя ў краіне крытычная, паэтаў асабліва многа нараджаецца. Праўда, яны ў асноўным не яркія — гэта не Купала і не Колас, гэта не людзі майго пакалення. Пакуль што проста скопішча зорнага паэтычнага рэчыва.

Вы паглядзіце: той жа Юрка Голуб штогод друкуе ў Гродне паэтычныя зборнікі моладзі. Такія ж самыя зборнікі моладзі выходзяць у Брэсце, Гомелі, Полацку, Віцебску. Не ўсе я іх бачу, але адчуваю, што гэта — наша будучае, якое не патаптаць. Зорнае рэчыва ўвогуле не топчуць. Хай і не ў кожным чалавеку ёсць гэтыя іскры... Памятаю, як Ларчанка пачынаў чытаць нам лекцыю: талент — гэта іскра, якую выкрасаюць з каменя. І хоць камень маўчыць, але іскры з яго пайсці могуць. Вось гэты камень, валун — гэта і ёсць наш народ, а паэты — іскры з яго. Іскры ж і ёсць маленькія зоркі. Старажытныя грэкі добра разумелі, што першая стыхія — гэта агонь. І хоць агонь і пажырае, але разам з тым гэта і пачатак жыцця. Вялікі агонь — наша сонца. Праўда, некаторыя крытыкавалі нас за тое, што мы — сонцапаклоннікі, але як не быць сонцапаклоннікамі, калі мы выйшлі з язычніцтва? І дасюль засталася ў нас гэтая панганская павага да сонца і да той самай вады. Сонца і вада, вада і сонца... Вось такія справы філасофскія...

— *Алег Антонавіч, дазвольце спытаць на развітанне, а як Вашае здароўе? Як Вы сябе адчуваеце?*

— Ну дух здаровы, а цела... Доктары казалі: у здаровым целе здаровы дух. Але маё цела крышку

ўкарацілася... Праўда, я ўжо спрабую хадзіць... Дарэчы, нечакана для сябе апошнім часам я напісаў даволі многа вершаў, хоць даўно хацеў заручыся, як Галубовіч Леанід. Але не магу! Сам сябе лаю: «Графаман!» — і ўсё роўна не магу спыніцца. Не магу без вершаў, без кніг!

Але, ведаеце, што мне яшчэ сілы надавала? Вы ж чулі імя крытыка Бахціна? Дык ён жа на адной назе хадзіў. Ці рускі літаратар Казлоў,

Ёсць такая прымаўка: чым цяжэй, тым больш паэтаў. І калі сітуацыя ў краіне крытычная, паэтаў асабліва многа нараджаецца.

які напісаў «Вечерний звон», — ён наогул бязногі быў. Не ведаю, чаму, але гэтыя прыклады неяк мяне падтрымліваюць. І хоць усе гавораць: Марэсьеў! Марэсьеў! — але асабіста для мяне лепшы прыклад акцёра Паўла Лупсякаева, які іграў у фільме «Белое солнце пустыни». Божа ты мой, без ног, а як сцвердзіў сябе! Як я дазнаўся пра тую яго бяду, удвайне пачаў ім захапляцца! Ды дзе ўдвайне — утрайне! Таму што, калі ты жывы, калі творчы чалавек, ты павінен даказаць... Я вось усё жыццё думаў вельмі сціпла пра сябе, лічыў, што я — нейкі трэці-дзясятны паэт. Усіх ставіў паперадзе сябе, усіх сваіх калег — маўляў, яны лепшыя, а я... а я так сабе. А цяпер і не ведаю — можа, я сябе недаацэньваў? Хоць, з другога боку, можа, і добра рабіў, іначай не было б імпульсу... У мяне ж не было такога адчування, што я — сапраўды паэт, што я — сапраўды пісьменнік. І вось цяпер, калі гавару Вам гэта, усё роўна, прызнацца, сумняваюся... Але, як гаворыцца, век жыві, век вучыся, а кім памрэш — суседзі скажуць.

— *І ўсё роўна, напэўна, галоўнае ў любой сітуацыі — рабіць сваю справу?*

— Вось і цяпер, калі Вы пазванілі, я таксама пісаў. Калі ж выйдзе мая новая кніга, абавязкова буду зноў танцаваць!

Агнесса и генерал

Имя генерала Власова в истории XX века для кого-то стало синонимом предательства, для кого-то — трагическим символом антибольшевистской борьбы через заключение договора с дьяволом. Он и поныне продолжает привлекать внимание исследователей былого,

поскольку в судьбе его — во взлете на сталинский олимп и в падении в бездну коллаборационизма — остается еще немало загадочного и непроясненного.

Есть даже нечто мистическое в том, что, например, в самые критические моменты его судьбы поводырями, проводниками генерала оказывались женщины. Путь одной из них завершился в Бресте, где она прожила без малого тридцать пять лет, упокоившись в 1997 году на местном кладбище Плоска под памятник с Есенинской строкой: «Отговорила роща золотая...» Такова была ее последняя воля, чтобы именно эти слова сопровождали ее в последнем — запредельном — странствии.

Агнесса. Зима, 1941 г.

Опыт повествования «в отмеренных судьбах»

Николай АЛЕКСАНДРОВ,
«Брестский курьер»

*Знай, что едва предательство свершила,
Как я, душа, — вселяется тотчас
Ей в тело бес, и в нем он остается,
Доколе срок для плоти не угас...*

Данте, «Божественная комедия»

«Я уж лучше свои — ржанные...»

Агнесса Павловна Подмазенко... В документальном телефильме «Генерал Власов. История предательства», снятом несколько лет назад, частью видеоряда проходят фронтовые фотографии молодой женщины-военврача, сделанные накануне встречи нового 1942 года. Агнесса на этих кадрах еще не знает о своей грядущей судьбе, враг отступает от Москвы, она счастлива рядом

с высоким генералом в роговых очках — и вскоре отправится в тыловую глубинку, поскольку ожидает ребенка...

Не сужу — вглядываюсь в прошлое и размышляю. Ведь в те моменты, когда шустрый штабной фотограф щелкал своей «лейкой» на трескучем морозе, отогревая пальцы дыханием, генерал-майор Власов еще ходил в героях битвы под Москвой, обласканный Сталиным. Его фотографии красовались на первых страницах газет, а позади у него и у Агнессы был страшный месяц выхода из киевского «котла». А затем жизнь ее разделилась на «до» и «после». То, о чем она

предпочитала молчать даже в общении с самыми близкими ей людьми, было как бы выброшено, вычеркнуто из жизни.

Хорошо знавшие ее вспоминают, что День Победы для Агнессы Павловны был самым главным, святым праздником — другие даты она как-то и не особо жаловала. И до последнего дня сохранялся в ней особый характер фронтовички. Пока позволяло здоровье, курила самые дешевые папиросы «Прибой», а в ответ на предложение модной заграничной сигаретки отвечала: «Нет, я уж лучше свои — ржаные...»

О невольном пересечении судьбы Агнессы с генералом Власовым я узнал незадолго до ее кончины. Журналистский интерес подвигнул меня тут же отыскать номер ее телефона и позвонить ей, чтобы попытаться договориться о встрече.

У собеседницы моей был странно молодой голос, совершенно не выдававший ее возраста (под семьдесят). Она мне тогда сказала: «Знаете, голубчик, если б вы были моим фронтовым ровесником, я бы вас просто послала подальше... Но вам как журналисту скажу иначе: я не хочу о нем ни вспоминать, ни говорить. Нету его. Вычеркнут. Все...»

На этом наш разговор закончился. И я понял Агнессу Павловну. Ведь тот, чьего имени она даже не назвала, предал ее. Причем предал не раз, о чем далее я постараюсь рассказать в своем повествовании об этой женщине, к которой не пристала шелуха досужей молвы и которая подписывала открытки и даримые ею книги коротким именем жизнелюбивой молодости — «Аля»...

Роковой сорок первый

В годы Великой Отечественной войны в немецком плену оказались 80 советских генералов (не считая четверых, которые застрелились, чтобы избежать этой участи). Из них 12 надели мундиры армии противника. В этой далеко не апостольской дюжине наиболее контрастно очерчена историей фигура генерала Власова. Именно с ним на исходе лета 1941 года драматически пересеклась и завязалась крутым узлом судьба военврача Агнессы Подмазенко.

Где и как это произошло? Не пустое любопытство влечет нас в пучину былого, а стремление понять, осмыслить, разглядеть вроде бы в случайных деталях облик изломанного, но живого времени.

Из показаний А. Подмазенко в контрразведке «СМЕРШ» от 28 июня 1943 года (Дело № 6524)

«В июне 1941 года, перед началом Отечественной войны, я окончила военный факультет 1-го Харьковского медицинского института, после чего была направлена в действующую Красную Армию...»

Прервемся, чтобы восстановить то, что осталось за скупыми строками смершевского протокола. Войну Агнесса встретила не наивной вчерашней школьницей, а двадцатичетырехлетней выпускницей медвуза в офицерском звании, матерью мальчонки, родившегося в 1936 году и названного Юриком. Юная мама (брачный союз ее был недолог) в том же году поступила на 1-й курс Харьковского медицинского института (мальш остался у ее родителей в Витебске), а в 1939 году была переведена на 4-й курс военного фа-

Встреча 1941 года.
Агнесса и генерал

культета при 1-м Харьковском медицинском институте (документ об этом я обнаружил в одном из брестских архивов). По рассказу двоюродного племянника Агнессы Павловны Олега Шнитко, она добилась этого перевода на военно-медицинскую ступень высшего образования, куда принимали исключительно мужчин, сумев побывать на приеме у тогдашнего наркома обороны Клим Ворошилова и получив его разрешительную «визу». В стране Советов в то время витал ореол романтики вокруг армейских профессий, да и отец Агнессы, Павел Васильевич, был полковником, капельмейстером военного оркестра. Но ведь надо было иметь еще и характер, чтобы тарабанить в такие двери!..

Вернемся к исходному «Делу №...».

«В начале июля того же года (1941-го. — Н. А.) меня зачислили на должность младшего врача отдельного полка связи 37-й армии, где и находилась до окружения этой армии войсками противника. <...>

В связи с приказом Главного командования об оставлении города Киева части и штаб 37-й армии, в котором я служила старшим врачом медпункта, 20 сентября 1941 года оставили Киев и стали отходить на восток...»

Стоп. Путь от младшего врача полка до старшего врача медпункта штаба армии за столь

короткий срок несколько удивляет, но здесь-то и содержится подсказка о примерной дате знакомства Агнессы и генерала, сыгравшего в ту пору значительную роль в героической обороне Киева. Об этом позднее так напишет дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А. И. Родимцев: *«Войска 37-й армии в течение 71 суток отражали атаки 17 дивизий противника»*. А Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях отметит: *«37-й армией тогда командовал генерал Власов, командовал замечательно»*.

Так что полководческая звезда Андрея Андреевича была приметна в дымах и пожарах киевского бабьего лета. Это было его личное Бородино, на поле которого нашлось место победе и на личном фронте. Агнесса в общем-то не виновата, что геройский генерал-майор приметил ее в горячке тех дней и перевел ближе к своему штабу. Судя по имеющимся у меня документам, это случилось не позднее 15 августа. А в начале сентября генерал-майору Власову исполнилось 40 лет, и она наверняка поздравила его с этой датой.

Кстати, в Киеве как раз в это время был фронтовой корреспондент «Комсомольской правды» Аркадий Гайдар (Голиков). Он даже очерк о Власове написал, который был отправлен в «КП», но не вышел в газете — ситуация изменилась.

Союз, вскипевший в киевском «котле»

Психология войны причудлива, парадоксальна: трагедия обостряет чувства, придает им неслыханную яркость, для кого обманчивую, для кого спасительную. Вот, например, питерская поэтесса Ольга Берггольц в те же раннеосенние дни сорок первого как будто выдохнула восьмистроичие:

*В бомбоубежище, в подвале,
нагие лампочки горят...
Быть может, нас сейчас завалит.
Кругом о бомбах говорят...
...Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюбленной не была...*

Мне кажется, то же самое произошло в те дни с Агнессой. Тот из читателей, кто на дух не переносит даже само упоминание о Власове, возможно, хмыкнет раздраженно: «Сопли! Клынула баба на двухзвездные петлицы да на штабной харч!» Может, и так — да не совсем так, если взглянуть беспристрастно на дальнейший путь ее с генералом в составе все более уменьшающейся группы из страшного киевского «котла», когда она на протяжении более месяца скитаний была и лекарем, и поводырем, и чуть ли не мамкой.

Она оказалась сильнее утратившего геройский вид генерала — в одном из ночных спешных переходов он потерял свои очки-велосипеды с толстыми линзами, да тут еще простуда серьезно хватанула, невыносимо болело левое ухо от гнойного отита.

В показаниях Агнессы, собственноручно написанных ею спустя два года в «СМЕРШ», удивляет, как точно и детально она воспроизводит этот путь из окружения через Киевщину, Полтавщину, Харьковщину, перечисляя названия даже малых деревушек. Ее память зафиксировала подробности, как она добывала продовольствие у местных жителей, как они с Власовым и политруком Свердличенко обходили немецкие патрули — и ни слова осуждения или порицания в адрес генерала.

А ведь Власов к тому времени уже совершил по отношению к Агнессе пакость крупного калибра. В горячие киевские дни он умудрился заключить с нею гражданский брак, будучи не разведенным с первой своею женою — Анной Михайловной, которую он в июне сорок первого отправил в эвакуацию на Нижегородчину, где жили и его, и ее родичи. Что наплел генерал Агнессе, оформил ли какие-то бумаги в загсе — покрыто мраком. Но Агнесса даже на допросах в «СМЕРШ» в 1943 году именовала Власова мужем. Догадывалась ли она об обмане? Не знаю...

«Одиссея» исхода

Но вернемся в первую осень войны. 1 ноября 1941 года Агнесса и генерал вышли в расположение войск Красной Армии под Курском. Агнесса несла в себе их общего ребенка...

Вот фрагменты этой «одиссеи» из дела Агнессы Подмазенко.

«...Между 15 и 20 октября вечером мы подошли к городу Белополье.

Не доходя до города, в стороне видели созданный немцами лагерь военнопленных, где содержалось до 30–40 человек, которых охраняли немецкие солдаты.

Не будучи никем задержаны, мы прошли между этим лагерем и городом. В Белополье не заходили. В дальнейшем мы следовали через ряд сел, из которых я помню: Речки, Ястреблиная, Шептуховка, Кромские Быки, — по направлению к г. Курску. Не доходя 8–10 км до Курска, в одном из сел, название его уже не помню, у женщины мы узнали, что в этом селе находились какие-то военнослужащие Красной Армии. Оказалось, что это был партизанский отряд, его возглавлял лейтенант Красной Армии, фамилии коего не знаю.

От начальника партизанского отряда получили сведения, что части Красной Армии находятся в Курске и что следовало торопиться,

чтобы там их застать, так как Курск готовился к эвакуации.

После встречи с партизанским отрядом следовавший с нами работник склада 37-й армии ушел вперед, так как считал, что один скорее выйдет к частям Красной Армии. Близ Курска Свердловиченко (политрук, работник политотдела 37-й армии. — Н. А.) от нас также ушел вперед с тем, чтобы узнать, где можно перейти линию фронта, предупредив, что при получении сведений о немцах он возвратится обратно. Однако больше к нам он не приходил.

1 ноября 1941 года я и Власов вошли в Курск, где встретили части Красной Армии. Узнав, что город эвакуируется, мы в тот же день выехали в город Воронеж...»

О политруке Свердловиченко Агнесса в показаниях добавляет: «Позднее из письма его к Власову я знала, что Свердловиченко был направлен на фронт и ему было присвоено звание — старший политрук». Однако странно, что и политрук, и складской служивый оставили не просто офицера, а командующего армией, причем больного, измотанного долгой дорогой, на произвол судьбы и под опекой всего лишь женщины-военврача. Это до сих пор осталось одной из непроясненных загадок того этапа судьбы Агнессы и генерала. Впрочем, еще ранее их оставили автоматчики взвода сопровождения. Историки пока что не дали этому вразумительного толкования. И я не хочу давать свою версию событий — меня интересует всего лишь путь Агнессы и генерала, в котором высветился абсурд начала войны. Никто не хотел умирать...

Курск — Воронеж — Москва...

В тех же показаниях июня 1943 года примечательна строка: «Где сейчас находится мой муж Власов, я не знаю...» Не отказалась («мой муж»), не предала, хотя понимала, что по тем временам ей уже светил срок как супруге попавшего в плен военнослужащего. Был об этом известный приказ Сталина...

Итак, 1 ноября «мы в тот же день выехали из Курска в Воронеж». Время наполняется странным звучанием, отзывающимся затем в письмах Власова к Агнессе, ожидавшей в Саратове ребенка. «Я свою жизнь посвятил тебе, моей спасительнице от смерти...» Это о выходе из киевского «котла». «Воронежская твоя фотокарточка куда лучше и солиднее, чем та, на которой ты снималась в военном...» Позади — долгий промозглый путь по оккупированной территории, а у Агнессы — фотосъемка в какой-то прифронтовой комнатухе, где старый улыбчивый еврей наводит на нее объектив фотокамеры под названием «ФЭД-НКВД»

(была такая!) и, восхищенно глядя на цивильную даму, выпорхнувшую из невероятного мира, цокает языком и отвешивает сопутствующие комплименты...

Далее известно, что Власова вызвали в Москву, куда он вылетел самолетом. Питерский историк Н. Коняев в своей книге «Два лица генерала Власова» пишет: «Сам Власов в разговоре с В. Штрик-Штрикфельдом утверждал, что 10 ноября состоялась его первая встреча с И. В. Сталиным».

Намутил генерал. В этот день у Сталина вообще не было приема. Все это фиксировалось в отдельной книге его секретариата, где указано, что вождь принимал Власова лишь 11 февраля и 8 марта 1942 года. В письме Агнессе, датированном 18.03.1942, проскальзывает фраза: «Меня еще раз принимал самый большой человек в мире». Если б это было в третий раз, тщеславный генерал употребил бы иную формулировку.

А в Москву он вылетел вроде бы вместе с Агнессой. Об этом он напоминает в одном из писем к ней: «Милый Алик! Вчера я получил открытку от Жени Свердловиченко. Он шлет тебе привет. Он думает, что ты еще со мной. Он заходил на нашу старую квартиру, откуда мы с тобой улетели (выделено мною. — Н. А.), и ему там все время говорили, что мы вернемся...» Или это лирический оборот?..

Довольствие для Анны

Некоторые детали этого периода содержатся и в письме Власова супруге Анне Михайловне в Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область. То, что генерал обманул Агнессу, лукаво скрыв от нее наличие законной благоверной, подтверждается простым бытовым фактом: 31 августа 1941 года по его распоряжению полевым управлением 37-й армии Анне Михайловне было послано удостоверение, что она действительно является женой командующего 37-й армией, генерал-майора Власова (это было нужно для получения денежного довольствия).

Первая жена Власова — Анна Михайловна Власова (в девичестве Воронина), 1906 года рождения, — уроженка тех же мест, что и ее супруг, с которым она заключила брак в 1926 году. В 1942 году арестована и осуждена на 8 лет. Последние годы жизни жила в Балахне.

Нина Баранова, внучатая племянница Власова, вспоминала:

«Когда Андрей Андреевич стал генералом да еще и женился, то им стала управлять жена, Анна Михайловна, в девичестве Воронина. Он очень любил ее. Кстати, свадьбу играли в Ломакино еще до войны. Гуляли по-деревенски, с размахом. Сначала девичник, запой. Невесте по старой деревенской традиции в подарок преподнесли

несколько кусков мыла. Детей у них не было, видно, не судьба. Анна сделала первый аборт и после этого уже никогда не беременела. <...> После войны жила, скиталась по баракам и сараям. Ходила по магазинам, морила крыс и мышей, собирала пустые бутылки...»

Итак, письмо, датированное 11.12.1941:

«Добрый день, милая и дорогая Аня!

Прежде всего, прости, что так долго ничего не писал.

Вина не моя — был в длительной командировке (так Власов написал, видимо, по соображениям цензуры или руководствовался щадящей фронтовой стилистикой той поры. — Н. А.). Вернулся 1 ноября и сразу же послал тебе письмо через Ивана Ивановича Волкотрубенко, которого я видел лично, также видел Пантюхова. Получил твои письма. Но я у них был очень мало, немного болел, но быстро поправился и поехал в Москву. <...>

О себе напишу, что я сейчас здоров. Ухо у меня поправилось. Стал немного слышать. Врачи обещают слух восстановить полностью (левое ухо). В остальном здоров. Зубы не болят. <...>

Власов и Воронова.
Немецкий снимок

Вещи свои думаю как-нибудь собрать из разных мест к Коле. О них не беспокойся. Все у нас есть и будет в свое время... Еще раз прошу, что нужно, пиши, постараюсь выслать всеми средствами. Пропиши подробно все, что тебе необходимо нужно... Целую крепко и много раз. Твой всегда и всюду Андрюша».

Что-то здесь не стыкуется. С 20 сентября по 1 ноября генерал выходил из окружения, посылать письма жене, естественно, не мог. Затем еще больше месяца ничего ей не пишет, объясняя в письме, что якобы передавал что-то с кем-то. Может, и так. Но хоть короткую весточку в начале ноября мог бы кинуть телеграммой, что, мол, жив-здоров. Или заперли его в это время для проверок? Но ведь ненадолго — вскоре он уже был в Москве.

Этот период ноября — декабря сорок первого вообще как бы выпадает из биографии Власова. В войска он прибыл 19 декабря, когда уже вовсю шло наступление на немцев возглавляемой им

20-й армии. А назначен командующим он был месяцем ранее, но — болел бедолага воспалением среднего уха (отитом), что подтвердил документально. Без него был взят Солнечногорск, на следующий день после его прибытия — Волоколамск. Страшное время, страшная битва, о которой напридумано также немеряно. А генерал затем в феврале сорок второго пишет Агнессе: «Целую крепко и много раз. Помнишь, как в Чисменах...» Чисмены — это городишко, станция в 105 км от Москвы на Волоколамском шоссе...

Начальник штаба 20-й армии генерал-майор Л. М. Сандалов напишет затем в своих воспоминаниях:

«В полдень 19 декабря в г. Чисмены начал разворачиваться армейский командный пункт. Когда я и член Военного Совета Куликов уточнял на узле связи последнее положение войск, туда вошел адъютант командующего и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в темных очках. На нем была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки. Это был генерал Власов. Он зашел на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. <...> Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит».

Между прочим, полковник Леонид Михайлович Сандалов в июне сорок первого был начальником штаба 4-й армии, встретившей первый удар войны в Бресте.

Входя в сорок второй

Приближался новый 1942 год. Товарищу Власову, обласканному вниманием Сталина, была доставлена посылка с сопроводительным документом следующего содержания:

«УПРАВЛЕНИЕ ВОЕНТОРГА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

29 декабря 1941 г. С НОВЫМ ГОДОМ.

Командующему армией генерал-майору тов. ВЛАСОВУ

АССОРТИМЕНТ НОВОГОДНЕЙ ПОСЫЛКИ-ПОДАРКА ОТ ВОЕННОГО СОВЕТА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Икра 0,5 кг.

Балык 1,0 кг.

Шоколадный набор 5 кор.

Шоколад 5 плиток.

Какао 2 бан.

Вино 1 бут.

Коньяк 6 флак.

Лимоны в сахаре 1 банка.

Папиросы 10 кор.

Мыло туалетное 2 куска.

Паста зубная 2 тюбика.

Одеколон 1 флакон.

Белье простое 2 пары.

Белье шелковое 1 пара.

Свитер 1 шт.

Носки шерстяные 2 пары.

Данная посылка приготовлена по приказанию Военного Совета Западного фронта.

НАЧАЛЬНИК ВОЕНТОРГА ЗАПАДНОГО ФРОНТА интендант 1-го ранга Хотинский».

Из показаний в «СМЕРШ» адъютанта Власова майора Николая Кузина 18 июня 1943 года

«С первых дней моей работы (декабрь 1941 года. — Н. А.) Власов меня предупредил, что с ним живет жена, она же и доктор, начальник медпункта при штабе, это Подмазенко Агнесса Павловна. Впоследствии я узнал, что она с ним выходила с киевского окружения и он ее привез в 20-ю армию. Подмазенко чувствовала себя хозяйкой... а Власов считал это нормальным явлением. В феврале 1942 года она уехала в город Саратов...»

Майор Николай Кузин (в сорок первом — капитан) был, если можно так сказать, обычным штабным холуем-порученцем, в чем-то типичным для того времени. В своих показаниях в «СМЕРШ» он живописует Агнессу с какими-то даже нотками ревности к «барину» — генералу Власову, от которого он был, видимо, слегка отодвинут неумной энергией Агнессы. А про своего шефа он упоминает такой, например, занятный факт, что тот «часто, сидя один, напевал церковные богослужения» (Власов в юности учился в духовной семинарии).

Между прочим, Николай Кузин и ранее уже знал Власова, будучи при нем в той же должности с октября 1938 по ноябрь 1939 года, когда тот служил военным советником в Китае при Чан Кайши. Пожалуй, это с легкого языка адъютанта затем слетели слухи о том, что Власов и в Поднебесной не чуждался слабого пола и даже купил себе на три месяца шестнадцатилетнюю наложницу-китайку. Кроме того, ходили байки о том, что и супруга Чан Кайши оказывала знаки внимания русскому военному и подарила ему, когда он уже отбывал на родину, золотые часы ручной работы (впрочем, этот подарок, а также три чемодана объемистого личного добра Власова были изъяты у него при въезде в СССР — таков был порядок секретности, введенный НКВД).

Тем не менее управление особых отделов НКВД отношением за № 4-7796 от 7 февраля 1941 года сообщало в Управление кадров ЦК ВКП(б): «Компрометирующих материалов на т. Власова не имеется». Похоже, что армейские «шалости» красноречивых военных даже в те суровые времена не воспринимались как нечто из ряда вон. А ведь у Власова еще в 1936 году, когда он служил в Ленинградском военном округе, приключился роман с некой Юлией О., родившей от него внебрачную дочь и подавшей затем на алименты.

В результате этого скандала, видимо, Власова вскоре и перекинули в Киевский военный округ, а законная его супруга Анна Михайловна надолго затаила в себе обиду, отзвуки которой сохранились даже во фронтовой переписке с нею ощущавшего свою вину нашкодившего генерала.

«Красивый, в очках-велосипедах...»

Глядя нынче на фотографии Власова, невольно задаешься вопросом: да неужели он был таким Казановой, не обладая сколь-нибудь выразительной внешностью. Скорее напоминал сельского учителя, бухгалтера или агронома, но никак не бравого вояку. Но давайте разберемся, отбросив весь тот мощный слой политического негатива, который наложился затем на Власова.

Вот, например, как о его довоенных приездах в родную деревню Ломакино на Нижегородчине вспоминала его племянница Н. М. Баранова, будучи уже в 74-летнем возрасте:

«Андрей Андреевич всегда был в военной форме, высокий, красивый, в очках-велосипедах. Многие красавицы на него заглядывались... Характер у него был легкий, компанейский... Музыку он очень любил, играл практически на всех инструментах, а пел так, что за душу брало. Мог он и выпить самогона, но всегда умеренно. Пьяным его никто никогда не видел...»

Напомним, что перед революцией Власов закончил церковную школу, два класса духовной семинарии, один год поучился в сельхозинституте на агронома, пока его не забрали в Красную Армию — с того времени и началась его военная карьера. Так что человек он был достаточно грамотный, начитанный, с неплохо подвешенным языком. Впрочем, сочеталось это с изрядной долей позерства.

В сорок первом французская журналистка Эв Кюри беседовала с генерал-майором Власовым после освобождения Волоколамска. Ей запомнилось, что командарм в своих суждениях сыпал именами Наполеона, Петра Великого, Суворова, Шарля де Голля и Гудериана, с величайшим пиететом отзывался о Сталине как о своем непосредственном военном руководителе.

Сразу после битвы под Москвой Власов сменил шапку генерал-майора на папаху генерал-лейтенанта, а 11 февраля 1942 года удостоился личной аудиенции И. В. Сталина, которая продолжалась с 22 часов 15 минут до 23 часов 25 минут (1 час 10 минут). 22 февраля его наградили орденом Ленина (до войны у него была уже такая награда). Эти события, несомненно, подогрели амбиции честолюбивого командарма. Он совершенно мальчишески описал в письме Анне Михайловне Власовой свою встречу с вождем, хвалясь

и возносясь до небес. Об этом же в своих показаниях упомянул и майор Кузин:

«После приезда из Москвы при встрече с командирами дивизий, а также тем, кто к нему приезжал, он рассказывал, что был у тов. Сталина, что его приняли хорошо и что он внес ряд предложений, которые Сталин одобрил. Я слышал разговор Власова по прямому проводу с командующим фронтом тов. Жуковым. По разговору я понял, что тов. Жуков ругал Власова. Власов разговаривал вызывающе и бросил реплику: “Может, армию прикажете сдать?” — а потом добавил, что он лично назначен тов. Сталиным...»

А вот фрагмент дневника Давида Оргенберга, в войну главного редактора газеты «Красная звезда», от 27 февраля 1942 года.

«Видели мы Власова в общении с бойцами на “передке” и в тылу с прибывшим пополнением. Говорил он много, грубовато, острил, сыпал прибаутками. Литсотрудник “Красной звезды” Александр Кривицкий записал: “При всем том часто поглядывал на нас, проверял, какое впечатление производит: артист!” Власов то и дело упоминал имя Суворова, к месту и не к месту. От этого тоже веяло театром, позерством...»

Чуть позже, 5 марта, прибывший в 20-ю армию Илья Эренбург отметит в своей записной книжке после встречи с Власовым, сыгравшим со знаменитым писателем в ту же «игру в полководца»: *«У меня было двойное чувство: я любовался, и меня в то же время коробило — было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах...»*

Стоит учесть и то, что генерал имел внушительный рост — метр девяносто шесть, звучный басистый голос, не был лишен чувства юмора. А в общении с близкими ему женщинами умел быть и нежным, и ребячливым, и заботливым в бытовом отношении. Ну чем не Дон Жуан? Не удивительно, что умная, но эмоциональная Агнесса, с характером жизнелюбивым и открытым миру, «запала» на генерала.

Но есть в этой истории, мне кажется, немало важный момент психологического свойства: Агнесса выходила с генералом из киевского окружения больше месяца и была в этот период для

Власов

него, больного простудой и беспомощного, потерявшего очки, как бы незаменимой опорой (в одном из писем ей он позже напишет: *«моя спасительница»*). Женщина любит кого-то порою даже не за силу, а за слабость. Любить и жалеть — это в «бабьем понятии» чувства близкие, едва ли не родственные. И думается мне, что и в последующее время ощущала Агнесса во Власове при всей его генеральской бравате потаенную слабость... Жалела... И ей, конечно, льстило быть генеральшей — это уже из разряда женских слабостей.

«Меняешь ли ты каждый день платки?..»

Возвратимся к ее показаниям в «СМЕРШ».

«В 20-й армии я была до января 1942 года. 27 января 1942 года из Красной Армии я была демобилизована по беременности и уехала к родным.»

Судя по некоторым деталям дальнейшей переписки, сопровождал беременную Агнессу в г. Энгельс (это рядом с Саратовом) все тот же адъютант Власова майор Кузин. А после родов она планировала вернуться на фронт, о чем написала уже в феврале в своем письме:

«Андрюшенька! Родной, поздравляю тебя с годовщиной Красной Армии и желаю тебе крупных побед над фашистами. Хотелось бы в этот большой день быть рядом с тобой, чтобы еще больше чувствовать радость, пусть этот день будет днем смерти для всех фашистских захватчиков. От тебя получила только одно письмо, тебе послала много писем, пиши, милый, чаще, хотя бы несколько слов, чтобы знала, что ты здоров. <...>

О себе пиши все, меня ведь интересует каждая мелочь, вплоть до того, меняешь ли ты каждый день платки или предпочитаешь ходить с грязными??? Как Кузин заботится о тебе? Передай, что за неисполнение моих инструкций он понесет большое наказание. Андрюшенька! Сейчас живу только тем, что в мае буду с тобой вместе на фронте. И не думай иначе. Еще раз, или как один наш профессор говорит «исче», пишу, что если Кузина не будет к 2–3 мая, сама добьюсь посылки на фронт. Маму оставляю с ребенком и возьму какую-нибудь женщину, чтобы мама могла справиться. Остался март и апрель, февраль я уже не считаю. Ты даже не можешь представить, как я скучаю и как я хочу тебя видеть...»

Любящая тебя твоя Аля».

Поразительно, что генерал все эти месяцы до своего пленения усердно строчил письма почти одинакового содержания и Агнессе (Але), и первой законной — Анне. При этом оформил аттестаты на денежное довольствие и той, и другой. При этом предал уже не в первый раз и Анну, и Агнессу, тут же по отбытию последней в секретный тыл заведя начальственный альянс с

шустрой поварихой Марусей (о ней упоминает и Эренбург). Старику Фрейду здесь было бы над чем поразмыслить. Тем более что обеспечивать комфортный кухонный быт генерала Власова Марусю (Марию Воронову) сосватала перед своим отъездом сама Агнесса. Марусю незадолго перед этим приняли служащей в 20-ю армию. Была она землячкой Агнессы — из Витебска (об этом свидетельствовал в своих показаниях майор Кузин). Агнесса отсюда поехала поступать в Харьковский мединститут, отсюда же ее семья (мама, младший сынишка Юрик и другие домочадцы) выбралась с началом Великой Отечественной в эвакуацию.

Неисповедимы пути человеческие... Авантюра кухонной Маты Хари — Маруси — была прервана органами НКВД в 1945 году в Барановичах. Мария попыталась здесь осесть по пути из Берлина.

Именно с Марией Вороновой генерал Власов выходил из второго своего окружения — на Волховском фронте...

«Какая-то пустота...»

Итак, напомним, что вскоре после битвы под Москвой, 27 января, генерал Власов отправил Агнессу Подмазенко в тыл в г. Энгельс рожать их общего ребенка. Она была уже где-то на шестом месяце беременности...

Едва разлучившись, соскучившийся генерал отправляет Агнессе письмо, полное сантиментов:

«Дорогая Аля! Ты... унесла от нас все наше веселье. Вдруг после такого шума сделалось так тихо. Какая-то пустота. Мы почти ежеминутно вспоминаем тебя, и все тебя жалеют. Врача у нас до сих пор нет. Все говорят, особенно Сандалов (начштаба 20-й армии. — Н. А.), который, кстати говоря, серьезно заболел — у него болят почки, что с твоим отъездом кто будет нас лечить. И представь, как только ты уехала, выходя из той хаты, в которой мы с тобой жили, поскользнулся и поранил легко себе руку, а лечить некому. Сумка есть санитарная, а тебя нет. Лучше бы было наоборот. Птица и та без тебя улетела... Дорогая Аля! Прошу тебя, не волнуйся и будь здорова — это тебе крайне необходимо. Не забывай, что это надо прежде всего для нашей дорогой крошки. Я здесь буду бить фашистскую сволочь и гнать ее на Запад...»

Далее в одном из писем генерал вновь упоминает своего начштаба Сандалова, который с большой симпатией относился к Агнессе за ее «культурный развитый оборот речи» и «всегда щебечущий язычок». Похоже, что Агнесса была в том штабном кругу 20-й армии «хозяйкой бала», создававшей атмосферу дома.

Письма в Энгельс летят от генерала чуть ли не каждый день.

«Многое бы я тебе написал, но помнишь, я тебе однажды говорил, что вот ты сейчас со мной и

мы говорим так обыденно, а настанет время, и поговорил бы с тобой, а тебя и не будет. И вот сейчас у меня это время настало.

Многое хочется сказать, а вернее, почувствовать тебя вблизи, а тебя нет. Но я тебя прошу — не скучай, не волнуйся и, главное, береги свое здоровье. Ведь ты сама знаешь, что за последнее время ты стала немного нервная...

Агнесса и Власов.
1941 г. под Москвой

А мы будем бить фашистскую сволочь и мечтать о нашем хорошем будущем. Мне кажется, оно уже и не так далеко.

Разобьем фашистов — заживем еще лучше, чем в деревушке...»

«Дорогая Аля! Теперь разреши поздравить тебя с высокой правительственной наградой — медалью за отвагу. Ты теперь обогнала тов. Кузину: он имеет медаль за боевые заслуги, а ты уже сразу получила вторую: “За отвагу”... Кроме того, скоро ожидает тебя и очередное звание... Еще раз поздравляю — ты ее заслужила...»

«Мы живем в маленькой деревушке старым колхозом: я, Маруся, Кузин, Хохлов, Воробьев. Маруся нас не обижает и кормит хорошо. Вот и сейчас стоит тут рядом и просит, чтобы я тебе от нее написал привет, что я исполняю...»

Ох, и дурак же генерал! «Ляпает» про Марусю, не понимая, что умная и чуткая Агнесса тут же сделает для себя точные выводы. Ведь это она сама сосватала шустрю повариху на личную кухню Власова. А тот в другом письме опять проговаривается: «Маруся-повар оказалась на высоте своего дела». Мария Воронова была на восемь лет старше землячки Агнессы, отличалась яркой внешностью и незаурядным пробивным характером. Вот что о ней изложил в своих показаниях в «СМЕРШ» адъютант Кузин:

«После отъезда Подмазенко в этот же день в качестве личного повара из военторга перевели Марию Игнатьевну (фамилию ее забыл), сама она

из Белоруссии, проживала она около Витебска. Она считалась поваром-инструктором при военторге, но фактически не работала. Почувствовалось хорошее отношение Власова, она частенько утраивала истерику, а Власов ухаживал за ней, как за ребенком».

«Товарищ Сталин оказал мне большое доверие...»

Из воспоминаний писателя Ильи Эренбурга, который общался с Власовым 5 марта 1942 года

«...На КП девушка, которую звали Марусей, развела уют: стол был накрыт скатеркой, горела лампа с зеленым абажуром, и водка была в графинчике. Мне приготовили постель. До трех часов утра мы проговорили; вернее, говорил Власов — рассказывал, рассуждал...

Рано утром Власова вызвали по ВЧ. Он вернулся взволнованный: «Товарищ Сталин оказал мне большое доверие...» Власов получил новое назначение на Волховский фронт. Мгновенно вынесли его вещи. Изба опустела. Сборами командовала Маруся в ватнике...»

Взволнованность Власова понятна: перед Сталиным он преклонялся вполне искренне. Об этом говорят и письма Агнессе Подмазенко и Анне Власовой, отправленные сразу же после его аудиенции у вождя 11 февраля. Причем письма уникальны своей двойственностью.

«Дорогая и милая Аличка! <...> Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе, он беседовал со мной целых полтора часа (приукрасил чуток генерал — беседа длилась 1 час 10 минут. — Н. А.). Сама представляешь, какое мне выпало счастье. Ты не поверишь, такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спросил меня: где моя жена и вообще о здоровье. Это только может сделать ОН, который ведет нас всех от победы к победе. С ним мы разобьем фашистскую гадину...»

«Ты не поверишь, дорогая Аня! Какая радость у меня в жизни. Я беседовал там с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне еще первый раз в моей жизни. Ты представишь себе не можешь, как я волновался и как я вышел от него воодушевленным. Ты, видимо, даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так ведь он меня спросил, где у меня жена и как живет. Он думал, что ты в Москве. Я сказал, что далеко, поэтому в Москве и часу останавливаться не буду, а поеду обратно на фронт. Дело не ждет».

Да, Сталин любил как бы между прочим поинтересоваться семейными делами своих подчиненных. И думается мне, что ведь Власов-то

наверняка внутренне весь обмер, когда хозяин спросил его о жене. А вдруг знает и об Анне, и об Агнессе?.. Интересно, что ответил на вопрос вождя запутавшийся в своих семейных делах генерал, который к тому же в Москву прихватил с собою и Марусю-повариху... Уф, пронесло...

Тем временем первая законная жена Власова — Анна Михайловна Власова (в девичестве Воронина) дождалась мужа в российском тылу. Когда боевую спутницу генерала военврача Агнессу Подмазенко по причине беременности отправили в тыл, он писал письма обеим. И аттестаты на денежное довольствие оформил и той, и другой. Хотя после отъезда Агнессы, рядом с ним тут же появилась штабной повар Маруся, тоже уроженка Беларуси...

«Вознаградим себя сторицей...»

Итак, 10 марта 1942 года Власов был назначен заместителем командующего Волховским фронтом. Майор К. А. Токарев так вспоминал о первом своем ощущении от появления генерала в войсках:

«Громадный, похожий на вздыбленного медведя, в окулярах на широком носу, со скуластым лицом "пещерюги" (так прозвали его солистки нашего ансамбля)».

Дальше дела под Волховом закрутились так, что уже 19 марта 2-я ударная армия, которую тогда возглавлял генерал Клыков, попала в окружение, когда узкий коридор у Мясного Бора был перерезан немцами. На какое-то время этот перешеек удалось отбить. А 15 апреля Власова назначили командующим 2-й ударной армией, сменив Клыкова.

26 апреля Власов пишет Агнессе: «Я сейчас выполняю ответственную задачу... Что можно сказать о себе? Бьем фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки еще сильнее... Ты прекрасно знаешь, что куда твоего Андрюшу ни пошлет правительство и партия — он всегда любую задачу выполнит с честью...»

В тот же день летит письмо Анне: «На новом месте работа по объему стала больше, ответственнее и почетнее, но ты знаешь, моя любимая и дорогая Аня, что куда твоего Андрюшу ни пошлет правительство и партия — он свою задачу выполнит с честью...»

Послали, называется...

Гибла в болотах под Любанью и Мясным Бором 2-я ударная армия, брошенная бездарными стратегами в безнадежную операцию, плохо вооруженная, не обеспеченная продовольствием, обреченная... Здесь под бомбами завершилась жизнь сына Эдуарда Багрицкого — Всеволода, над скорым захоронением которого его друзья написали

на фанерной дощечке строки Цветаевой, которые он особенно любил:

*Я вечности не приемлю,
Зачем меня погребли?
Мне так не хотелось в землю
С любимой моей земли...*

Кстати, татарский поэт Муса Джалиль также воевал в составе 2-й ударной армии и был взят в плен в июле 1942 года под Мясным Бором...

А Власов пишет письма, в мае (за месяц до полной гибели своей армии) хлопочет о том, чтобы перевезти Анну из Чкаловской области в свое село Ломакино на Нижегородчине. Специально для этого командирует своего адъютанта Кузину, снабдив его письмом, в котором заботливый супруг пишет благоверной: *«Дорогой Аник! Все, что тебе нужно будет из одежды и вообще, скажи Кузину, и, когда он возвратится, я снова его пришлю уже тогда прямо в Ломакино во второй раз. А сейчас он проводит тебя до самого Ломакина. <...> Ничего не жалею, все у нас будет, когда кончится война. 17 мая 1942 года».*

И в те же дни — Агнессе, уже зная о том, что она родила ребенка в конце апреля: *«Обстановка сейчас складывается так, что ты уже почти можешь приехать ко мне, а когда я получу от тебя письмо, будет уже очень хорошо... Я по-прежнему тебя, даже крепче, чем раньше, люблю и жду тебя с нетерпением и жду, что ты мне подарешь. <...> Алик! Конкретно, чтобы лучше тебе ко мне приехать, это будет лучше в первых числах июня. Потерпим, потом вознаградим себя сторицей...»*

«Какое большое у меня счастье...»

В странное пересечение судеб, в весну сорок второго года, в жуткую трагедию 2-й ударной армии, как в черный омут, ухожу взглядом, пытаюсь совместить, соединить в одно целое даты, имена, сводки военных действий, простые детали фронтового и тылового быта. Брестчанка Агнесса Подмазенко, ныне покоящаяся в ином мире, тогда еще жила в Приволжье счастливым ожиданием ребенка от генерала Власова, шила распашонки, вместе с матерью слушала по радио сообщения Совинформбюро и чуть ли не ежедневно писала письма на фронт — генералу Андрюше...

Для наших войск это был период сложнейший, катастрофический. Немцы повели активное наступление на Харьковском направлении и в Крыму, поэтому Волховский плацдарм оказался в ситуации совершенно безнадежной. Но в письмах генерала Власова своим женам в тыл — Анне и Агнессе — постоянно звучат ноты оптимизма. В общем-то, понятно, что гражданским ни к чему было знать о тяжести положения на фронте, но знал ли об этом сам генерал Власов — вот в чем

вопрос. Похоже, что мысли его были заняты чем-то другим, совершенно далеким от руководства армией. Он безудержно хвалится своей очередной встречей с вождем, успокаивает Анну относительно оставленных в Киеве вещей, рвует Агнессу (в ее-то положении!). Вот некоторые фрагменты из его писем тех весенних месяцев сорок второго.

«Алик! Ты все же не поверишь, какое большое у меня счастье. Меня еще раз принимал самый

Агнесса.
1941 г. после Киева

большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников. Поверь, что большой человек хвалил меня при всех...»

«Дорогая Аля, как ты добра и вспоминаешь часто обо мне. Когда я перечитываю твои письма, мне иногда приходит невольно в голову, правда, не совсем хорошая мысль, что ты мне пишешь много о том, что тебе скучно без меня, и не думаешь ли там чем развлечься без меня... Я лично, будучи бы на твоём месте с мамой и Юрой, и имея еще в проекте маленького Андрюшу от любимого человека (так ли? или нет?), и получая письма от него, не стал бы скучать, а все свое внимание обратил бы на это и не стал бы искать себе "иных" развлечений. Все это у меня навеяно твоим вопросом: "Ждешь ли ты меня в мае?" Я тебя жду всегда, и если я для тебя воздух, то ты для меня кислород...»

«Ты все же, видимо, не чувствуешь, как я волнуюсь и переживаю приближение срока появления на свет моего первого ребенка. Шли телеграмму. Порадуй меня. Пиши окончательно, когда высылать за тобой Кузину...»

Замечательно, что генерал проявляет столь естественные человеческие чувства даже в аду военной катастрофы. Одна только деталь меня смущает изрядно: в это время в его фронтовой горнице уже полноправною хозяйкой себя чувствовала Маруся-повар (М. И. Воронова), а трогательные письма получала также и Анна...

Агнесса родила ребенка 22 апреля. Генералу на фронт тут же полетела об этом телеграмма. В ней,

правда, не сообщалось ни об имени, ни о поле новорожденного. Телеграмму, видимо, давала мать Агнессы. Власов шлет письмо за письмом:

«Привет маме, папе, Юрику (старший сынишка Агнессы от первого мужа. — Н. А.) и маленькому Андрюше — так что ли?» (26.4.42). «Я волнуюсь. Что у тебя? Сын? Дочь? Не мучь, скорее пиши» (10.5.42). «Привет и поцелуй маме, папе и Юрику, а также маленькому, не знаю, как его зовут, но знаю, что он очень хороший и любим мною и тобой» (17.5.42).

Генерал так и не узнал, что у него родился действительно сын, названный Агнессою Андреем. 2-я ударная армия оказалась в глухом кольце окружения, все коммуникации перестали работать, письма и телеграммы уже не доходили до волховских болот...

Между прочим, служивший под началом генерала Власова фронтовик Иммануил Левин пишет: *«По свидетельству З. Ф. Иванова, учителя из белорусского города Кричева, в те дни, когда армия голодала и люди падали от истощения, не в силах передвигаться, командующий Власов имел двух дойных коров и скотника-дояра, поставлявшего к его столу каждодневно свежайшее молоко и сметану. “На наше счастье, — пишет в своих воспоминаниях Иванов, — за два дня до выхода из окружения разбомбило этих коров, и нам досталось по крохотному кусочку мяса”. И в те же дни член Военного Совета И. В. Зуев докладывает шифровкой члену Военного Совета армейскому комиссару 1-го ранга А. И. Запорожцу: “Сегодня авиация продовольствия не доставила. На 19.6.1942 ни одного грамма продовольствия. Многие от истощения вышли из строя. Несмотря на это, настроение людей здоровое. Части дерутся прямо героически”.*

«Госпожа Воронова...»

Есть нечто глубоко странное (а может быть, закономерное?) в том, что в финале и киевского, и волховского окружения генерала Власова сопровождала женщина. В первом случае — Агнесса, во втором — Маруся-повар, персоне в ореоле загадок...

Из показаний Марии Вороновой в НКВД

«В полевых условиях, примерно после Ново-Покровска, я была переведена работать в столовую военного совета 20-й армии и тогда лично познакомилась с Власовым.

В начале марта 1942 года Власов был вызван в Москву, куда взял кроме своего непосредственного подчиненного состава и меня, как повара. Из Москвы ввиду назначения Власова на Волховский фронт он выехал туда, с ним выехала и я... <...>

Примерно в июне 1942 года под Новгородом нас немцы обнаружили в лесу и навязали бой, после которого Власов, я, солдат Котов и шофер

Погибло вырвались в болото, перешили его и вышли к деревням.

Погибло с раненым бойцом Котовым пошли в одну деревню, а мы с Власовым пошли в другую...»

В плен генерал и Маруся попали 12 июля — их обнаружила немецкая разведка в деревне Туховечи. Никакого сопротивления командующий 2-й ударной армией не оказывал. Как свидетельствовали затем местные жители, он вышел из дома с поднятыми руками и сказал по-немецки: «Не стреляйте, я — генерал Власов». Через два дня он уже давал показания, подробные и обстоятельные, о положении дел в войсках и в тылу...

Чтобы не возвращаться больше к Марусе, расскажу о дальнейшей ее судьбе — в меру имеющихся у меня разрозненных сведений.

Эта дама была не столь проста, как могло показаться несведущему человеку. В немецком плену она долго не задержалась. Дальнейший ее след обнаруживается не где-нибудь в оккупированной российской глубинке, а в Риге — спустя два года после волховского «котла». Война уже двигалась на Запад. Прибалтийский немец Сергей Фрелих, близкий к Власову, обитавшему тогда в пригороде Берлина на выделенной ему вилле, описал в своих воспоминаниях, как он, Фрелих, прибыл в Ригу, чтобы эвакуировать свою фирму, и здесь его каким-то образом нашла скромная армейская повариха Маруся.

«Госпожа Воронова неожиданно появилась в моем кабинете. По ее словам, она случайно узнала, что я нахожусь в Риге. И поскольку она также знает, что я имею отношение к Власову, то высказала пожелание поехать в Берлин».

Фрелих помог ей оформить документы, вместе с ним Мария на пароходе «Монте Роза», вывозившем беженцев из Риги, приплыла в Германию, а затем, как чудное виденье, возникла в Берлине, на вилле Власова.

«Объятья, поцелуи и водка лились вовсю, — продолжает свой рассказ Фрелих. — В первый же вечер Воронова созналась генералу, что была послана партизанами с приказом отравить его. Это признание вызвало новую пьянку, которая продолжалась до раннего утра...»

Ну не знаю, насколько можно верить этой Марусе. По-моему, она была всего-навсего подсадной уткой НКВД. Возможно, Сталин вел свою иезуитскую игру...

Послушаем Фрелиха дальше.

«Вороновой было лет тридцать (уточню: тридцать пять. — Н. А.), и выглядела она симпатично, была кокетлива, готова к романтическим авантюрам и могла поглощать невероятные порции водки...»

Она пила наравне с мужчинами и в то же время действительно отлично готовила...

Хотя Власов по старой русской традиции обращался с ней, как с прислугой, она могла сильно

влиять на него. У нее был верный инстинкт на людей, и генерал совещался с ней при оценке людей и зачастую следовал ее советам...»

Из показаний Марии Вороновой

«Проживая в Берлине, Власов женился на немке Биленберг — бывшей жене известного крупного немецкого миллионера, убитого на Северном Кавказе в эту войну. При наступлении Красной Армии Власов с миллионершей Биленберг рассчитывал уехать в Америку, но был схвачен представителями Красной Армии...»

Из воспоминаний Сергея Фрелиха

«Когда Власовский штаб переехал в Карлсбад (последние дни войны. — Н. А.), Воронова осталась в Берлине, ограбила несколько вилл. Погрузила вещи на автомобиль марки Хорьх и поехала домой...»

Домой — это куда? В Берлине Маруся долго не задержалась. Последнее известное свидетельство о ее пути — протокол допроса 21 августа 1945 года, составленный в Барановичах начальником 10-го отделения 2-го отдела УНКГБ Барановичской области БССР Винокуровым. Далее след Марии Игнатьевны Вороновой теряется...

Загадочный промежуток

В конце мая 1942 года Агнесса получила последнее письмо от генерала Власова. Для нее наступил мучительный период ожиданий и тревог. Радио передало 29 июня очередную сводку Совинформбюро: «Части 2-й ударной армии отошли на заранее подготовленные рубежи...» Это была махровая пропагандистская ложь. Десятки тысяч бойцов 2-й ударной сложили свои косточки в волховском «котле», многие попали в плен, и лишь мизерная часть армии сумела пробиться к своим.

А вскоре в немецких газетах появилась фотография плененного командарма Власова. Но Агнесса всего этого могла и не знать, погруженная в нянченье двухмесячного сынишки Андрюши и томительное ожидание известий от генерала. Опыт выхода из киевского окружения, наверное, подсказывал ей, что и под Волховом могло произойти что-то похожее — долг бывает путь сквозь немецкие тылы.

Возможно, от недели к неделе надежда Агнессы на благополучный исход таяла. А может быть, и какие-то глухие темные известия успели

добраться к ней, но она отказывалась им верить...

Кстати, первая жена Власова — Анна была арестована НКВД еще в срок втором и получила 8 лет лагерей.

Дело первой жены

Репрессировали и мачеху его — Прасковью Васильевну (других близких родственников генерала уже не было в живых). Сработал приказ Сталина № 270 от 16 августа 1941 года: «...сдающихся в плен считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину...»

По рассказу одного из земляков Власова, 83-летний отец генерала Андрей Владимирович был вызван в военкомат, где ему сообщили о переходе сына на сторону врага, после чего у старика парализовало полтела, а через неделю он умер. Не знаю, насколько это достоверно...

О судьбе Агнессы с июня сорок второго по июнь сорок третьего мне ничего не известно. Пожалуй, это наиболее загадочный период ее судьбы. Знаю только, что в этот временной промежуток погиб ее шестилетний сын Юрик (ребенок от первого брака), разбившись при падении с высоты. Далее след Агнессы обнаруживается в Деле № 6524, заведенном контрразведкой «СМЕРШ» 14 июня 1943 года.

Кстати, само это ведомство было создано в апреле этого же года и действовало только в прифронтовых зонах и в тылах противника. Если исходить из этого, то вполне резонно сделать вывод, что Агнесса все же выбралась на фронт или ближе к нему, чтобы продолжить службу в качестве военврача. Правда, военкоматовских подтверждений этому не имеется. Я думаю, что Агнессу после того, как ее взял в оборот «СМЕРШ», просто-напросто вымарали из всех учетных кадровых документов.

А вот фрагмент из ее показаний на допросе 28 июня 1943 года.

«...Где находится сейчас мой муж Власов, я не знаю, но мне известно, что он, будучи заместителем командующего фронтом, в июне 1942 года попал в окружение противника. Однако вышел ли он к частям Красной Армии — никаких данных об этом я не имею.

О том, что Власов попал в окружение противника, я узнала из письма работника полевой почты № 1550 Затравкиной, полученного мною в декабре 1942 года. В этом письме Затравкина сообщила, что Власов уже 6 месяцев находится в окружении противника и что адресованные ему письма направляются на базу ППС № 64.

Последнее письмо от Власова было получено мною 27 мая 1942 года. В данном письме Власов сообщал, что по получении от меня ответа на это письмо он командует за мной своего адъютанта — капитана Кузина Николая. Однако никто от Власова за мною не приезжал. Осенью 1942 года я послала письмо, в котором просила его сообщить, что ему известно о судьбе Власова. Ответ от Кузина я не получила...»

Приговор — 5 лет лагерей и бессрочная ссылка.

(Продолжение в следующем номере)

Алесь Беляцкий награжден дипломом «За мужество и борьбу за свободу»

На торжественной церемонии закрытия V Международного фестиваля правозащитных фильмов в Бишкеке в начале октября руководитель ПЦ «Вясна» и вице-президент Международной Федерации за права человека Алесь Беляцкий награжден дипломом «За мужество и борьбу за свободу».

Награду правозащитнику, который, как считают коллеги, содержится под стражей по политическим мотивам, организаторы фестиваля передали через члена международного жюри из Беларуси Полину Степаненко.

В знак правозащитной солидарности в кинотеатре «Манас» участникам и зрителям фестиваля была представлена документальная лента «Свеча правды Алеся Беляцкого».

**FREEDOM FOR
ALES BIALIATSKI**

БАЖаўцы наведалі «ХІМІЮ» і Севярынца

Павал жыве пад
вартай і працуе на
былым вайсковым
палігоне ля вёскі
Куплін

Павал працуе рознарабочым на фермерскім складзе

«Навошта столькі?» — прымае
Севярынец нашыя пакункі.
«Дык нас у БАЖ болей за
тысячу, ад кожнага хоць па
цукерцы», — пасміхаемся мы

Фермер Анатоль Тарасевіч кажа, што такога работніка,
як наш Павал, у яго яшчэ не было, але разумее, што
Паўлава прызначэнне — «не ангарам кіраваць»

Севярынец
друкуецца ў «Нашай
Ніве», але распачаты
падчас мінулаі
сылкі раман пакуль
не пішацца...